Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

*На правах рукописи*

**Ниточкин Федор Васильевич**

# Электоральное наблюдение в механизме легитимации государственной власти

Специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
доцент
Танимов Олег Владимирович

Москва – 2026

Оглавление

Введение ..... 3

Глава 1. Концепция электоральной легитимации государственной власти ..... 22

1.1. Проблема легитимности государственной власти в современных политико-правовых доктринах ..... 22

1.2. Механизм легитимации государственной власти и избирательный процесс .. 41

1.3. Достоверность волеизъявления избирателей как фактор легитимации государственной власти в избирательном процессе ..... 71

Глава 2. Институт электорального наблюдения в механизме легитимации власти ..... 89

2.1. Электоральное наблюдение как форма общественного контроля за избирательным процессом ..... 89

2.2. Электоральное наблюдение как условие обеспечения прав и интересов участников избирательного процесса ..... 109

2.3. Электоральное наблюдение как фактор формирования правовой культуры и форма участия граждан в управлении делами государства ..... 137

Глава 3. Значение электорального наблюдения для преодоления новых вызовов и угроз легитимности власти ..... 157

3.1. Электоральное наблюдение как фактор международно-правовой легитимации государственной власти и средство защиты электорального суверенитета ..... 157

3.2. Опыт электорального наблюдения для преодоления кризиса легитимности представительной демократии ..... 189

3.3. Электоральная демократия и легитимность государственной власти в условиях цифровой трансформации ..... 208

Заключение ..... 238

Список использованных источников и литературы ..... 247

# Введение

**Актуальность темы диссертационного исследования** обусловлена недостаточной изученностью правоотношений в электоральной сфере, связанных с легитимацией государственной власти в процессе выборов. В теоретико-правовом осмыслении нуждается институт непартийного общественного наблюдения за выборами и референдумами, который выступает дополнительной организационной и процессуальной правовой гарантией достоверности волеизъявления граждан.

В отечественной правовой доктрине механизм легитимации государственной власти понимается как устойчивая система правоотношений между политическими субъектами и гражданами в процессе её воспроизводства, ключевым элементом которого являются выборы. Демократическая легитимация возможна лишь при условии реализации всеобщего, равного и прямого избирательного права посредством свободных, честных, открытых, альтернативных и периодических выборов, проводимых независимыми избирательными комиссиями при тайном голосовании и честном подсчете голосов, своевременном подведении итогов голосования.

Обязательства по проведению таких выборов закреплены в международном праве, в частности, в документах ОБСЕ и МПА СНГ, и имплементированы в национальные законодательства. Важнейшей составляющей международных электоральных стандартов являются нормы, регулирующие наблюдение за выборами. Электоральные стандарты формируют идеальную нормативную модель электоральной легитимации, которая зачастую существенно расходится с правоприменительной практикой, что и обуславливает потребность в эффективных механизмах контроля.

В юридической науке электоральное наблюдение как комплексный политико-правовой институт исследуется в рамках нескольких взаимосвязанных научных подходов, раскрывающих его многоаспектную природу. Во-первых, как проявление народовластия через реализацию конституционно-правовых гарантий

непосредственного участия граждан в управлении делами государства (конституционно-правовой подход). Во-вторых, как форма общественного контроля, наделяющая граждан и организации полномочиями в сфере контроля за обеспечением избирательными комиссиями открытости и законности избирательного процесса (публично-управленческий подход). В-третьих, как вспомогательный правовой инструмент, предназначенный для выявления и фиксации гражданами допущенных в деятельности избирательных комиссий нарушений и обеспечения достоверности волеизъявления избирателей, а также правозащитный механизм, предоставляющий дополнительные возможности досудебной и судебной защиты прав и интересов участников избирательного процесса (процессуально-правовой подход). В-четвертых, как фактор формирования электоральной культуры на основе новых юрисдикционных и конвенциональных форм участия граждан в выборных процедурах (социокультурный подход). В-пятых, как исполнение государством взятых на себя международных обязательств по обеспечению соответствия национальных выборов общепризнанным международным стандартам (международно-правовой подход). В-шестых, как способ защиты национального электорального суверенитета от иностранного вмешательства и попыток делигитимации национальной избирательной системы (этатистский подход). В-седьмых, как новое условие обеспечения прав избирателей, участвующих в дистанционном электронном голосовании, а также, в целом, гражданского контроля за легитимностью избирательного процесса в условиях цифровой трансформации электоральной сферы (технологически-ориентированный подход). Методологическую основу настоящего исследования составляет комплексный подход, сочетающий теоретический анализ и практическую направленность.

Центральный тезис исследования заключается в том, что электоральное наблюдение выполняет легитимирующую функцию через формирование доверия к избирательному процессу со стороны ключевых его участников: избирателей, общественных организаций и политических субъектов.

Это доверие формируется благодаря возможности наблюдателя,

назначенного из числа избирателей, обладающих на соответствующих выборах активным избирательным правом, в ходе «включенного наблюдения» лично удостовериться в достоверности волеизъявления. Несовершенство правовых механизмов, обеспечивающих эту достоверность, было отмечено в 2016 году Конституционным Судом Российской Федерации, указавшим на необходимость обеспечения адекватного выражения воли избирателей в объективных результатах выборов, а также гражданского контроля над процедурами, связанными с подсчетом голосов и установлением итогов голосования.[1] Ответом на эту правовую проблему стала законодательная реформа 2017-2018 годов, в результате которой в России был институционализирован общественный контроль за выборами. В исследовании прослеживается причинно-следственная связь между введением этого института и ростом доверия к легитимности всей системы публичной власти.

**Степень научной разработанности темы.**

Значительный вклад в развитие общефилософских и общетеоретических основ концепции легитимности власти внесли классики политической и правовой мысли: М. Вебер (типология легитимности), К. Шмитт (различение легитимности и легальности), Ю. Хабермас (коммуникативная теория и кризисы легитимности), Д. Истон (системный подход), Н. Луман (легитимация через процедуры), С. Липсет (связь легитимности и эффективности), Т. Парсонс (легитимность как консенсус) и П. Бурдье (легитимность как политический капитал).

В отечественной дореволюционной науке проблемы легитимности разрабатывались в контексте правового государства и народного представительства П.И. Новгородцевым, Б.Н. Чичериным, Н.М. Коркуновым, Г.Ф. Шершеневичем и В.М. Гессеном.

В советской правовой науке категория «легитимность» практически не

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 07.07.2016 № 1422-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 1 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 30. Ст. 498.

использовалась и не разрабатывалась. Современные российские исследователи опираются на опыт конституционного строительства, избирательный процесс и специфику легитимации власти в новой России.

В современной российской науке комплексный политико-правовой анализ механизма легитимации государственной власти, представительной демократии, партийно-политической системы и избирательного процесса, общественного контроля за властью представлен в работах С.А. Авакьяна, В.И. Авдийского, Н.С. Бондаря, А.А. Вешнякова, А.Г. Головина, В.В. Гриба, Г.А. Грищенко, А.-Н.З. Дибирова, К.Ф. Завершинского, С.Е. Заславского, И.А. Исаева, В.В. Комаровой, А.В. Корнева, Л.С. Мамута, Т.Н. Михеевой, В.С. Нерсесянца, Ю.А. Нисневича, В.Н. Плигина, А.Е. Постникова, К.Е. Сигалова, В.Н. Синюкова, И.Г. Чистобородова, В.Л. Шаповалова, А.Ю. Шутова, Б.С. Эбзеева.

Вопросам реализации принципов избирательного права и процесса, достоверности волеизъявления, защиты избирательных прав граждан посвящены труды А.С. Автономова, А.В. Иванченко, К.С. Мазуревского, Г.Н. Митина, Е.И. Колюшина, О.А. Кравченко, Д.А. Реута, С.Ф. Сахарова, О.В. Танимова.

Историко-правовые исследования генезиса и эволюции избирательных институтов и избирательного процесса в России представлены в трудах С.Н. Бабурина, М.А. Дьяконова, И.В. Зайцева, В.В. Лугового, И.В. Минникес.

Избирательный процесс как процесс юридический, его стадии и процедуры, принципы и гарантии, особенности правосубъектности, правового статуса, функций и компетенции субъектов избирательного права предметно рассматриваются Я.Д. Авиловым, Р.Т. Биктагировым, Ю.А. Веденеевым, О.Ю. Гетманской, С.Д. Князевым.

Особое место в научной литературе занимает анализ института электорального наблюдения. Вопросам его организации и функциям, правового статуса наблюдателей уделено внимание в работах Л.Г. Берлявского, А.С. Брода, А.В. Булгаковой, П.В. Данилина,

О.В. Парамоновой, В.В. Полянского, А.А. Спиридонова, Т.В. Троицкой.

В последние годы сформировалось отдельное научное направление, изучающее влияние цифровизации на электоральные процессы, где значительный вклад принадлежит О.Н. Артамонову, К. Вассилу, Н. Гудману, А.И. Лопатину, В.А. Лукушину, М. Солваку, Л.С. Стоукс, Т.А. Трущаловой, Н.А. Тюкову, В.И. Фёдорову.

Избирательные системы в мире, международно-правовые аспекты наблюдения, проблемы электорального суверенитета и трансформации международных избирательных стандартов глубоко анализируются российскими и зарубежными исследователями Р.А. Амбурцевым, И.Б. Борисовым, Н.В. Гришиным, Р. Далтоном, А.Л. Демчуком, В.И. Лысенко, И.И. Мушкетом, А.В. Игнатовым, А.М.Р. Линдерс, П. Норрис.

Несмотря на значительный массив научных работ, комплексного теоретико-правового исследования, раскрывающего место и роль электорального наблюдения в механизме легитимации государственной власти, с учетом новых вызовов цифровизации и кризиса международного права, до настоящего времени проведено не было. Данная диссертационная работа призвана восполнить этот пробел.

**Объектом** исследования являются общественные отношения, связанные с легитимацией государственной власти в процессе выборов (электоральной легитимацией).

**Предметом** исследования выступают закономерности функционирования правового института электорального наблюдения как части механизма легитимации государственной власти, его понятие, содержание, субъекты, основные и дополнительные функции и формы, а также законодательство, теоретические исследования и практика правоприменения в данной сфере.

**Цель** исследования – разработка теоретической модели электорального наблюдения в механизме легитимации государственной власти, раскрытие его характеристик и форм, основных и дополнительных функций.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие

**задачи:**

– проанализировать эволюцию и современное состояние концепции легитимности государственной власти в основных политико-правовых доктринах;

– выявить структуру и уровни механизма легитимации государственной власти и определить место избирательного процесса в данном механизме;

– раскрыть юридическое значение категории достоверности волеизъявления избирателей как ключевого фактора электоральной легитимации и обосновать роль электорального наблюдения в её обеспечении;

– определить системную взаимосвязь между электоральным наблюдением как формой общественного контроля за голосованием на выборах и референдумах и легитимностью избирательного процесса, избранной власти;

– дать характеристику формам электорального наблюдения (международное, партийное, общественное) и предложить периодизацию развития избирательного процесса в России на основе преобладающей формы электорального наблюдения;

– определить значение электорального наблюдения как условия обеспечения прав и интересов участников избирательного процесса;

– оценить влияние электорального наблюдения на формирование правовой культуры избирателей и реализацию конституционного права участия граждан в управлении делами государства;

– исследовать электоральное наблюдение как фактор международно-правовой легитимации государственной власти и защиты электорального суверенитета;

– проанализировать потенциал электорального наблюдения для преодоления кризиса легитимности представительной демократии и его роль в развитии делиберативных и партисипаторных практик гражданского участия;

– проанализировать имеющиеся предложения по повышению статуса электоральных наблюдателей;

– оценить влияние на электоральную легитимацию государственной власти цифровизации избирательного процесса, включая развитие дистанционного электронного голосования и перспективы применения в избирательном процессе

технологий искусственного интеллекта (ИИ).

**Методологическая основа исследования**.

В диссертации используются общенаучные (системно-структурный, функциональный методы, метод наблюдения, аналогии, моделирования) и специальные юридические (формально-юридический, исторический и сравнительно-правовой методы).

Системно-структурный метод позволил идентифицировать место избирательного процесса в механизме легитимации государственной власти, а функциональный – исследовать функции электорального наблюдения в избирательном процессе.

Метод наблюдения применялся при работе автора в ситуационных центрах Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (ЦИК России), Общественной палаты Российской Федерации и в Общественном штабе по наблюдению за выборами в городе Москве. Метод аналогии важен при верификации процедур дистанционного электронного голосования и оценке его соответствия процедурам, установленным законодательством для традиционного «бумажного» голосования. Метод моделирования приемлем для воссоздания нормативной системы электорального наблюдения при его сравнении с реально действующей моделью.

Формально-юридический метод использовался для анализа понятийного аппарата, построения теоретической модели института электорального наблюдения, исследования структуры законодательства о выборах и электоральном наблюдении. Исторический метод помогает доказать историческую обусловленность российской системы легитимации власти. Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении российского института наблюдения с зарубежными аналогами, анализе подходов разных международных организаций к оценке выборов, сравнении различных теоретических моделей легитимации.

**Теоретическую основу** исследования составляют труды зарубежных и отечественных учёных – юристов, философов, социологов и политологов в сфере

теории легитимности политико-правовых систем, государственного и народного суверенитета: М. Вебера, К. Шмидта, Г. Кельзена, Д. Истона, С. Липсета, Н. Лумана, Д. Ролза, Ю. Хабермаса, В.И. Авдийского, А.С. Автономова, К.Ф. Завершинского, Л.С. Мамута, А.Н. Медушевского, В.С. Нерсесянца, В.Н. Плигина, И.Л. Честнова, Б.С. Эбзеева и др.;

теории правового государства, гражданского общества и общественного контроля: С.А. Авакьяна, В.В. Гриба, А.А. Клишаса, О.Е. Кутафина, А.Е. Постникова и др.;

теории, истории и практики избирательного права и процесса в России и зарубежных странах: Р.Т. Биктагирова, И.Б. Борисова, Ю.А. Веденеева, А.А. Вешнякова, В.И. Лысенко, С.Е. Заславского, А.В. Игнатова, С.Д. Князева, И.В. Минникес, И.И. Мушкета и др.

**Нормативно-правовую основу** диссертационного исследования составили следующие группы источников.

Основополагающие межгосударственные акты, содержащие стандарты избирательного права и процесса международного наблюдения за выборами: Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1990 г., Декларация Межпарламентского союза о критериях свободных и справедливых выборов 1994 г., Свод рекомендуемых норм при проведении выборов Венецианской комиссии 2002 г., Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств 2002 г., отдельные резолюции ООН по вопросам демократических выборов и электорального суверенитета.

Конституция Российской Федерации; федеральные законы от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», от 04.04.2005 № 32-ФЗ

«Об Общественной палате Российской Федерации», от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», от 23.06.2016 № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации», от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»; конституции, уставы и законы субъектов Российской Федерации, а также иные законы, содержащие нормы избирательного законодательства, регулирующие особенности наблюдения на выборах и референдумах в России.

Постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, обзоры судебной практики, содержащие разъяснения и трактовку спорных вопросов избирательного права и процесса.

Постановления, решения, разъяснения и другие документы Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, избирательных комиссий, организующих выборы всех уровней.

Нормативные и локальные акты Общественной палаты Российской Федерации, общественных палат субъектов Российской Федерации, документы российских политических партий и избирательных объединений.

**Эмпирическую базу диссертационного исследования** составляют сборники электоральной статистики; периодические издания ЦИК России; доклады Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, ассоциации Независимый общественный мониторинг; социологические опросы ВЦИОМ; экспертные опросы и интервью организаторов избирательного процесса, субъектов общественного контроля,

электоральных экспертов и наблюдателей; собственный опыт участия автора в организации наблюдения за Общероссийским голосованием по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, референдумами о вхождении в состав Российской Федерации Луганской и Донецкой народных республик, Запорожской и Херсонской областей в 2022 году, а также на избирательных кампаниях федерального уровня в 2018-2025 гг.

**Научная новизна** исследования заключается в следующих новаторских предложениях:

– актуализированы подходы различных политико-правовых учений прошлого и современности, российской правовой традиции и политической практики к вопросам легитимации государственной власти в процессе выборов;

– разработана и представлена структурно-уровневая модель механизма легитимации государственной власти, в которой избирательный процесс определен как его центральный, но не исключительный элемент, а электоральное наблюдение выделено в качестве ключевого обеспечительного института легитимности избирательных процедур;

– обосновано, что достоверность волеизъявления является не только нормативным требованием, но и юридическим фактом электоральной легитимации, а электоральное наблюдение — его организационно-правовым гарантом;

– установлена и теоретически доказана двусторонняя причинно-следственная связь: легитимность избранной власти является целью и следствием внедрения института общественного электорального наблюдения, что формирует цикл укрепления доверия к избирательной системе;

– предложена авторская периодизация развития избирательного процесса в России (с 1990-х гг. по настоящее время) на основе критерия доминирующей формы электорального наблюдения (партийное, международное, массовое общественное), что позволяет по-новому оценить политико-правовую динамику данного института;

– сформулирована теоретическая позиция, согласно которой электоральное

наблюдение являясь дополнительной организационно-правовой гарантией соблюдения избирательных прав граждан выполняет правозащитную функцию в отношении всех участников процесса;

– выявлена и описана дополнительная функция электорального наблюдения, заключающаяся в формировании у граждан правовой культуры и конкретных навыков публично-правового участия, что способствует реализации конституционного права на управление делами государства;

– разграничены и проанализированы два взаимосвязанных, но разнонаправленных вектора влияния международного наблюдения на электоральные процессы: как фактора внешней легитимации и как инструмента вмешательства в электоральный суверенитет, сформулированы критерии их разграничения;

– раскрыт потенциал электорального наблюдения как элемента делиберативной демократии, способствующего преодолению кризиса представительства через трансформацию субъектов электорального наблюдения в участников публичного диалога о качестве избирательных процедур;

– предложены варианты повышения статуса наблюдателя за выборами и референдумами, назначенного субъектом общественного контроля, для обеспечения им реализации своих полномочий по общественному контролю за легитимностью избирательного процесса;

– сформулированы приоритетные направления развития электорального наблюдения за выборами и референдумами с целью повышения роли гражданского общества в контроле за избирательным процессом;

– выявлен и систематизирован комплекс новых рисков и угроз для электоральной легитимности, порождаемых цифровизацией, и предложены принципы правового регулирования использования информационно-коммуникационных технологий и технологий искусственного интеллекта (ИИ) в избирательном процессе для минимизации данных рисков.

**На защиту выносятся следующие положения и выводы диссертационного исследования.**

1. Обоснована системообразующая роль электоральной легитимации как доминирующей в современных государствах ценностно-рациональной и правовой формы воспроизводства публичной власти. Её значение раскрывается через две взаимосвязанные функции избирательного процесса. В нормативно закреплённых и рационально организованных избирательных процедурах граждане реализуют право свободного политического выбора, а политические субъекты – ценности политического плюрализма. Идеологический характер электоральной легитимации заключается в конкуренции в процессе выборов публично-правовых интересов, ценностей, идей и взглядов на общее будущее.

2. Разработана интегративная теоретическая модель механизма легитимации власти, структурированная по трём уровням: субстанциональному (конституционно-ценностные основания), институциональному (нормативно-организационные структуры) и персональному (непосредственное волеизъявление). В качестве ключевого элемента (этапа) на персональном (плебисцетарном) уровне механизма легитимации определены выборы и референдум (электоральная легитимация). Наблюдение за выборами и референдумами (электоральное наблюдение) рассматривается как способ участия граждан в управлении делами государства в форме негосударственного контроля соблюдения законности избирательных процедур и реализации избирательных прав граждан при осуществлении голосования, подсчета голосов на выборах и референдумах, установления его итогов, определения результатов выборов, референдума, включая деятельность комиссии по проверке правильности установления итогов голосования и определения результатов выборов. Нормативная функция электорального наблюдения в механизме легитимации государственной власти заключается в повышении гласности, открытости, прозрачности и достоверности избирательного процесса. Зафиксирована отклоняющая практика в виде злоупотребления правом электорального наблюдения, вмешательства в деятельность избирательных комиссий с целью делигитимации избирательного процесса и результатов выборов.

3. Дано определение теоретико-правовой категории достоверности

волеизъявления как субъективного избирательного права и результирующей характеристики избирательного процесса, обуславливающей доверие между обществом и государством. Достоверность волеизъявления предлагается понимать как объективное (основанное на наблюдении или анализе открытых данных о выборах), непосредственное (опирающееся на собственный опыт участия в избирательном процессе в качестве избирателя, кандидата или наблюдателя) и доказательное (подтверждаемое результатами наблюдения, открытыми данными и электоральной статистикой) знание о подлинности (соответствии действительной воле избирателя) результатов голосования на выборах. Данная категория позиционируется как ключевой фактор поддержания доверия между обществом и государством.

4. Разработана теоретическая модель электорального наблюдения в механизме легитимации государственной власти на основе определения субъектов, функций и форм электорального наблюдения. Выделены три группы субъектов электорального наблюдения, осуществляющих соответственно три формы электорального наблюдения, реализуя три его основные (нормативные) функции. Политические партии и кандидаты осуществляют партийное электоральное наблюдение как продолжение своей политической борьбы, чем способствуют повышению конкурентности выборов. Международные (иностранные) наблюдательные миссии реализуют международное электоральное наблюдение для подтверждения соответствия избирательного процесса международным электоральным стандартам. Субъекты общественного контроля (Общественная палата Российской Федерации и общественные палаты субъектов Российской Федерации) осуществляют политически нейтральное общественное наблюдение за выборами и референдумами, обеспечивая доверие избирателей к избирательному процессу. Вместе все три формы электорального наблюдения подтверждают (или опровергают) достоверность результатов волеизъявления избирателей и тем самым влияют на легитимацию (или делигитимацию) государственной власти в процессе выборов.

5. Предложена и научно обоснована периодизация развития

электорального наблюдения в избирательном процессе в России, в основу которой положен критерий достоверности волеизъявления избирателей:

с 1993 по 2001 год – доминирование партийного наблюдения как инструмента политической борьбы. Достоверность волеизъявления избирателей на выборах защищается победившей политической силой и опровергается проигравшими. Объективных и независимых правовых инструментов определения достоверности волеизъявления не создано;

с 2002 по 2011 годы – период законодательного ограничения общественного наблюдения и преобладания партийного наблюдения за голосованием на выборах в связи с принятием закона о политических партиях и отнесения права назначения общественных наблюдателей к полномочиям субъектов Российской Федерации. Отказ от единого федерального порядка назначения общественных наблюдателей наряду с другими причинами привёл к кризису достоверности волеизъявления в общественном сознании на выборах в Государственную Думу 2011 года;

с 2012 по 2017 год – трансформация наблюдения в инструмент неформального протеста или провластной мобилизации в отсутствие законодательного регулирования общественного наблюдения на федеральном уровне. Достоверность волеизъявления избирателей остаётся субъективной характеристикой избирательного процесса, оспариваемой противоборствующими сторонами, иностранными мониторинговыми организациями, а также аффилированными с ними СМИ, общественными объединениями, НКО;

с 2018 года по настоящее время – институционализация наблюдения как легальной формы общественного контроля с разработкой единых стандартов верификации достоверности волеизъявления.

Предложенная периодизация отражает эволюцию избирательного законодательства и общественно-государственных отношений в электоральной сфере в направлении создания прочных организационно-правовых гарантий легитимности избирательного процесса.

6. Раскрыто нормативное и практическое значение единого стандарта электорального наблюдения («золотого стандарта» общественного наблюдения),

разработанного Общественной палатой Российской Федерации для повышения достоверности волеизъявления избирателей, медиации электоральных споров, обеспечения прав и свобод участников избирательного процесса и защиты электорального суверенитета. Определено, что единый стандарт электорального наблюдения представляет собой формализованный чек-лист, содержащий закрытый перечень критериев оценки легитимности избирательного процесса на этапах голосования и подсчёта голосов, и позволяющий наблюдателю независимо, самостоятельно и объективно оценить избирательные процедуры на предмет соответствия избирательному законодательству. Отмечается, что наличие единого стандарта электорального наблюдения позволяет избежать субъективности и предвзятости в оценках выборов наблюдателями. На основе анализа применения единого стандарта электорального наблюдения предложено распространить его действие на иные стадии избирательного процесса (выдвижения и регистрация кандидатов, предвыборная агитация) и формы голосования (электронное голосование, дистанционное электронное голосование).

7. Систематизирована иерархия международно-правовых категорий в сфере избирательного права и процесса: фундаментальный (базовый) принцип избирательного права, международно признанный стандарт избирательных процедур, закреплённая в национальном законодательстве норма избирательного права и процесса. Определены функции международных электоральных стандартов в процессе создания и гармонизации национального избирательного законодательства (нормативная, организационная, контрольная). Среди электоральных стандартов предложено выделить в отдельную категорию международно признанные стандарты наблюдения за выборами и референдумами, которые выполняют контрольную функцию, позволяя наблюдателям определить соответствие национального избирательного права и процесса международным обязательствам проведения демократических выборов.

8. Структурирована и нормативно обоснована концепция электорального суверенитета как антитезы практике внешней делигитимации избирательного

процесса. Утверждается, что электоральный суверенитет в настоящее время является принципом организации избирательного процесса, конкурирующим с международно-правовыми обязательствами иностранного контроля за общенациональными выборами. Международное наблюдение за выборами основывается на межгосударственных конвенциях, содержащих положения о приглашении для наблюдения за общенациональными выборами международных наблюдателей. Под электоральным суверенитетом предложено понимать неотъемлемое право и способность государства самостоятельно и независимо проводить выборы и референдумы в соответствии с действующим законодательством, исключительно в интересах государства и народа, сформировать на основе достоверного, свободного и демократического выбора органы публичной власти, которым народ делегирует основные властные полномочия, а также недопущение какого-либо вмешательства извне в электоральные процессы. На основе признания важности соблюдения электорального суверенитета, предлагаются ключевые направления трансформации института международного (иностранного) электорального наблюдения за выборами и референдумами.

9. Эмпирически доказана корреляция между практикой электорального наблюдения и ростом правовой культуры участников избирательного процесса. Установлено, что общественное электоральное наблюдение является важной частью отечественной избирательной системы, создаёт условия для развития правосознания народа. Электоральное наблюдение также расширяет возможности участия граждан в управлении делами государства, способствует формированию у них активной гражданской позиции (партисипаторная демократия), ответственного и сознательного отношения к выборам (делиберативная демократия). Оно же обеспечивает эффективную публично-правовую защиту права свободного политического выбора как традиционной российской духовно-нравственной ценности и института выборов как политико-правовой ценности. Электоральное наблюдение способствует преодолению кризиса представительной демократии и несовершенств политико-правовой

системы.

10. Определены перспективные направления развития электорального наблюдения в контексте цифровой трансформации общественных и общественно-государственных отношений. Артикулируется важность создания общедоступных технологических форматов электорального наблюдения за дистанционным электронным голосованием (ДЭГ), способствующих повышению доверия к нему избирателей. Обобщены ключевые направления использования искусственного интеллекта (ИИ) в электоральном процессе, а также угрозы и возможности, которые ИИ несёт для легитимности государственной власти.

**Степень достоверности и обоснованности научных выводов** и результатов. Автором проведён всесторонний объективный анализ выполненных ранее научно-исследовательских работ по предмету исследования, изучены содержащиеся в них выводы и результаты. Итоги работы верифицированы на основе применения положений исследования в ходе избирательных и референдумных кампаний (Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, референдумы о вхождении в состав Российской Федерации Луганской и Донецкой народных республик, Запорожской и Херсонской областей в 2022 году, выборы Президента Российской Федерации в 2018 и 2024 годах, выборы в единый день голосования в 2018-2025 годах) на основании чего сделано заключение о совпадении полученных практических результатов с теоретическими положениями.

**Теоретическая значимость исследования** состоит в расширении и систематизации знаний о роли гражданского общества в общественном контроле за легитимностью избирательных процедур и демократической легитимацией государственной власти для поддержания конституционного порядка и устойчивости политико-правовой системы. Теоретически обоснована и предложена периодизация развития электорального наблюдения в России на основе критерия достоверности волеизъявления, а также классификация функций и форм электорального наблюдения исходя из целей наблюдения, субъектного состава и объема полномочий наблюдателей. Расширены представления о роли

общественного наблюдения за голосованием на выборах и референдумах для повышения открытости, прозрачности, честности и достоверности избирательных процедур. Определены перспективы использования электорального наблюдения для преодоления вызовов и угроз и использования позитивных возможностей цифровой трансформации общественно-государственных отношений. В научный оборот введены документы Общественной палаты Российской Федерации, определяющие порядок общественного наблюдения.

**Междисциплинарность предмета исследования** проявляется в том, что электоральное наблюдение как комплексное явление, может изучаться при помощи инструментария конституционного права, избирательного права, гражданского права, международного публичного права. В исследовании электоральное наблюдение рассматривается в качестве фактора легитимации государственной власти и обеспечения доверия к избирательному процессу, которое достигается в ходе взаимообусловленного взаимодействия государства, правовой системы и гражданского общества, то есть как предмет изучения теории государства и права.

**Социальная значимость исследования** обуславливается важностью создания процедурных правовых гарантий достоверности волеизъявления граждан, формирующих у избирателя уверенность, что каждый голос учтён в точном соответствии с состоявшимся волеизъявлением. Повышение доверия к избирательной системе облегчает решение непосредственно стоящих перед ней социально значимых задач: демократической легитимации политической власти; участия граждан в управлении делами государства и преодоления их отчуждения от политической жизни страны; создания условий для политической конкуренции; делегирования политического представительства; отбора политической элиты; общественного контроля над властью; реализации политической ответственности власти перед обществом.

**Практическая значимость исследования** определяется прикладным значением технологий электорального наблюдения для повышения явки на

выборах, снижения количества нарушений и конфликтов на избирательных участках, повышения открытости, прозрачности, подотчётности, достоверности и как следствие – легитимности избирательного процесса.

**Политическая актуальность** исследования объясняется прежде всего уникальным свойством электорального наблюдения в процессе легитимации государственной власти обеспечивать доверие населения к избирательной системе вообще и к результатам выборов в частности, а также необходимостью ответа на возрастающее внешнее давление на выборы в Российской Федерации и других дружественных странах, которое фактически превратилось в международную политическую кампанию по дискредитации национальных избирательных систем суверенных государств.

**Апробация результатов исследования.** Основные положения и выводы диссертации изложены в 15 публикациях, в том числе 9 научных статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук; обсуждались на всероссийских и международных научно-практических конференциях, в том числе проведённых на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», внедрялись лично автором в ходе его многолетней служебной деятельности в ФКУ «Аппарат Общественной палаты России».

**Структура работы** отражает логику исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, состоящих из девяти параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

# Глава 1. Концепция электоральной легитимации государственной власти

## 1.1. Проблема легитимности государственной власти в современных политико-правовых доктринах

Легитимность – это понятие полисемантическое, находящееся на стыке различных научных дисциплин. В XX веке оно прочно вошло в словари различных гуманитарных и социальных наук. Прежде всего политологии, где легитимность выступает в качестве ключевой характеристики публичной власти, определяющей её общественное признание или одобрение населением и характеризующей право власти на принятие общеобязательных решений и законное применение силы для их проведения в жизнь. Важность юридического подхода к проблеме легитимности власти определяется тем, что теоретико-правовая реконструкция этого понятия позволяет раскрыть фундаментальные закономерности функционирования государства и права.

Этимологически происходя от латинского legitimus, «**легитимность**» является однокоренным с термином «**легальность**» (legalis), однако их различение, представляется исследователям вполне оправданным. Толкование этих понятий является предметом научной полемики, начало которой положили изыскания крупнейшего немецкого юриста, социолога и философа и создателя классической теории легитимности М. Вебера,[2] а продолжил научный спор двух крупных немецких правоведов начала XX века – Ганса Кельзена и Карла Шмитта.[3] [4] Истолкование источников, природы, классификации, форм и способов достижения легитимности до сих пор является точкой прироста нового знания о государстве и праве. Философия права определяет антитезу легальности и

[2] Вебер М. Хозяйство и общество : в 2 т. Т. 1 : Социология. М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2016. С. 15.
[3] Шмитт К. Гарант конституции // Шмитт К. Государство: Право и политика. М.: Территория будущего, 2013. С. 27.
[4] Кельзен Г. Кто должен быть гарантом конституции? // Шмитт К. Государство: Право и политика. М.: Территория будущего, 2013. С. 359.

легитимности через философские категории сущего (законодательно закрепленного права) и должного (морального идеала, императивной нравственной нормы). Социологическое определение легитимности, как признания населением правомерности социального или правового явления, указывает на её общественное значение. Легитимность в юриспруденции – сущностное свойство права, означающее добровольное и осознанное признание правовой нормы, закона, правового института, правопорядка в качестве законного, признание, которое обуславливает правомерность, а также законность и эффективность юридически значимых действий по реализации права.

Важнейшие исторические типы правопонимания: естественное право, юридический позитивизм и правовой реализм – обосновывают различные подходы к природе легитимности власти. Естественное право определяет существование фундаментальных (естественных) прав, которые даны человеку от рождения и которые власть не может нарушать ни при каких обстоятельствах без утраты своей легитимности. Отсюда возникает идея легитимности как общественного договора между обществом и государством (Ж.-Ж. Руссо и Ш. Л. Монтескьё), связанного с согласием членов общества по вопросам власти (Т. Гоббс и Дж. Локк). Юридический позитивизм (Г. Кельзен) отождествляет право с действующим законом, а легитимность – с легальностью или законностью. Юридический реализм исходит из того, что легитимность – это нормативное свойство политических институтов или решений, но эта нормативность не обладает свойством моральности, а является следствием политических процессов в результате которых заключаются политические соглашения, определяющие легитимность власти.[5]

Разница в подходах к описанию концепта легитимности обуславливается в первую очередь изменением критериев легитимности в связи с исторической сменой типов господствующих политических режимов. На смену правящим династиям, владевшим всей полнотой власти согласно освящённому традицией

[5] Sleat M. Legitimacy in Realist Thought: Between Moralism and Realpolitik // Political Theory. 2014. Vol. 42, No. 3. P. 314.

праву наследования, приходят в XX веке природные харизматики-популисты вожди, а их, в свою очередь, сменяют в XXI веке избранные народом в ходе всеобщих выборов «эффективные менеджеры»-президенты. Очевидно, что для каждого типа властвования характерна своя легитимность власти. Представления о легитимности власти, бытовавшие до начала XX века, в первой его половине и в конце столетия существенно отличаются. Также различные подходы к политико-правовой категории легитимность характерны для различных современных политико-правовых доктрин. Таким образом важнейшей методологической основой изучения легитимности как правового и политического явления становятся историко-правовой метод и юридическая герменевтика, а именно, методология интерпретации и толкования юридических терминов.

Крупнейшие политико-правовые учения XX века: фашизм, национал-социализм, социализм, коммунизм, анархизм и либерализм постулировали различные взгляды на источник, содержание власти и проблемы ее легитимации. Однако все они признавали за проблемой легитимности власти непреходящую политическую актуальность.

Крушение в начале прошлого века крупнейших мировых империй (Российской, Английской, Османской, Австро-Венгерской, Германской, Китайской), возводивших свою легитимность к династическому праву властвования правящих династий, то есть традиции, и приход им на смену режимов, основывающих свою власть на новых идеологических концепциях (социализм, фашизм, либерализм) породил потребность поиска новых оснований легитимности. Такие основания были найдены в идеологиях, которые стали выполнять функцию легитимации, обосновывая право на власть политических сил выражением воли и чаяний народа.

Для фашизма и его разновидности – германского национал-социализма – чрезвычайно важны идеологические составляющие легитимности власти. Это центральные, общие идеи фашистской идеологии – идеи расового неравенства, «классовой гармонии» (теория «народного сообщества» и «корпоративности»),

вождизма («принцип фюрерства»), всевластия государственной машины (теория «тотального государства»), которые были в той или иной форме характерны для всех фашистских режимов XX века. Согласно аргументации К. Шмитта, являвшегося главным теоретиком права в Третьем рейхе, условием легитимности власти является защита интересов нации, к которым относится право на завоевание Германией «жизненного пространства» на Востоке и установление «иерархии рас».[6]

Исторический материализм определял государство как политическую надстройку, «возвышающуюся над определенным экономическим базисом». При этом каждая исторически обусловленная общественно-экономическая формация создавала свою политическую и правовую надстройку, свое государство и право. При переходе от капитализма к социализму через революцию меняется классовая сущность государства и основа его легитимности. Согласно известным представлениям В. Ленина, наиболее полно отраженным в книге «Государство и революция», государство есть не что иное, как «орган господства определенного класса».[7] Несмотря на то, что термин «легитимность» в советской науке считался «буржуазным пережитком» и не использовался, представляется, что марксистско-ленинская теория и коммунистическая партия как её носитель и авангард рабочего класса обеспечивали идеологическую легитимность советской власти, заключавшуюся в её классовой сущности.

Для анархизма, другого значимого политико-правого учения XX века, характерно негативное отношение к государству вообще, особенно в радикальной форме проявляющееся у русских анархистов. Анархисты выдвигали идею децентрализации власти и максимальной автономии групп и коммун, которые могут сами принимать решения и управлять своими делами. Признание свободы «как окончательной цели общественного развития» и «единственно образующего принципа политической и экономической организации общества» в трактовке М.

---

[6] Кутарев О.Ю. О соотношении понятий легальности и легитимности в лексиконе юристов третьего рейха // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 1 (3). С. 75.

[7] Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. Т. 33. С. 8.

Бакунина является базисом политической легитимности.[8] [9] Таким образом, анархизм решает проблему легитимности власти не путем признания формальных ее институтов, а через установление равноправия общин, их максимальной децентрализации и автономии.

Победившая на Западе по итогам минувшего века либеральная политико-правовая мысль определила господствующие сегодня представления о содержании, источниках и формах достижения легитимности власти. Выработанные ею принципы легитимности стали обязательными идеологическими постулатами для большинства современных государств. Среди них присутствует ряд важнейших принципов, во-первых, касающихся политической конкуренции, во-вторых, разделения властей и, в-третьих, демократических избирательных процедур.[10] В настоящее время либерализму в вопросах поиска источников легитимности власти противостоит консерватизм, который отмечает важность идеологических и ценностных её оснований.

Новый импульс дискуссиям вокруг легитимности в рамках либерального подхода придали процессы демократизации общественно-политической жизни и повсеместного распространения всеобщего избирательного права в XX веке. Сегодня достижение и поддержание легитимности является важной насущной задачей любого политического режима, так как ее утрата в большинстве случаев означает его крах. Более того теоретиками легитимность рассматривается как имманентное свойство власти вне зависимости от её природы: «Любая Власть обязательно является признанной Властью: не признавать Власть – значит отрицать ее, а тем самым ее уничтожать».[11] Также и правовые нормы без легитимности теряют свой общеобязательный характер и не соблюдаются, так как воспринимаются населением как несправедливые, неправедные, антинародные.

---

[8] Бакунин М. А. Государственность и анархия // Философия. Социология. Политика. М. : Правда, 1989. С. 483.

[9] Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Избранные сочинения. М.; Пг.: Голос Труда, 1920. Т. 3. С. 59.

[10] Ниточкин Ф. В. Проблема легитимности в политико-правовых учениях и избирательное право // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 29.

[11] Кожев А. Понятие Власти. М.: Праксис, 2006. С. 19.

Различия в трактовке категории политико-правовой легитимности власти вызваны не только особенностями её исторического генезиса, но и тем, что исследователи применяют этот термин к различным понятиям:

категориям, объединяемым понятием «власть», к различным уровням и ветвям государственно-властной деятельности: к государству, правовой системе, институтам и органам власти, политическому режиму;

процедурам воспроизводства и юридической формальной легализации государственной власти через избирательный процесс и последующие процедуры формирования и узаконивания системы органов публичной власти;

функциям обеспечения доверия к власти, включая обеспечение достоверности процедур её формирования, одобрение деятельности власти населением, поиск внутриполитического консенсуса вокруг действующий власти, международного признания политического режима.[12]

Однако многозначность понятия легитимность родилась из соотнесения ключевых категорий правовой науки: государства и права, права и закона. Дихотомия двух основных сущностей теоретической правовой науки: **государства и права** – раскрывается через категорию легитимности. Государство чтобы оправдать свое существование и право на господство должно возводить свое происхождение к некой системе общепризнанных правовых норм. В то же время любая общеобязательная система правовых норм может быть санкционирована только государством. Теоретики права не всегда могут однозначно определить приоритет в этом «тандеме»: «власть, не ограниченная правом, опасна; право, не обеспеченное властью, бессильно».[13] Вместе государство и право составляют политико-правовую систему, устойчивость и эффективность которой обеспечивается доверием к ней граждан или её легитимностью.

Отсюда ряд либерально-ориентированных учёных делает вывод, что

---

[12] Чистобородов И. Г. Власть, легитимность, суверенитет — необходимые компоненты государственной безопасности // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 1. С. 18.

[13] Российская правовая политика: Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: НОРМА, 2003. С. 32.

подлинно легитимным может быть только **правовое государство**, то есть основывающее свою власть на верховенстве права. Правовое государство как целостная политико-правовая концепция впервые впервые появилось в трудах немецких юристов К.Т. Велькера, Р. фон Моля в первой половине XIX столетия. Карл Велькер определял правовое государство по аналогии с возрастом человека как форму государственного правления, соответствующую народной зрелости и основанную на свободном и нравственном выборе человека.[14] Р. Фон Моль смог не только разработать теоретические концепции обеспечения судебной защиты личности, но и пытался воплотить этот фундаментальный принцип правового государства при работе над разделом «Основные права немецкого народа» Имперской конституции Германии.[15]

Либеральные исследователи правого государства в дореволюционной России будучи идейными вдохновителями, свидетелями, а некоторые и непосредственными участниками, первого опыта российского конституционализма считали важнейшими принципами и одновременно задачами построения правового государства создание органа народного представительства – Государственной думы, ограничение абсолютной власти монарха, обособление различных ветвей власти, провозглашение основных демократических прав и свобод российских подданных.[16] Постулируя принципы разделения (обособления) властей и формирования законодательной власти на основе народного представительства, они следующим логическим заключением определяли условием формирования органов народного представительства всеобщее избирательное право, основанное на всеобщих, прямых, равных выборах при тайной подаче голосов.[17] В типологии прав личности, предложенной Б.А. Кистяковским важное место занимает право на участие в управлении

[14] Буткова М.В. Карл Велькер о нравственной сущности правового государства // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2 (3). С. 26.
[15] Пирожок С.С. Роберт фон Моль о социальной политике правового государства // Genesis: исторические исследования. 2018. № 2. С. 82.
[16] Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. Кн. 4 (84). М., 1906. С. 520, 522.
[17] Мякотин В. Всеобщее избирательное право и применение его в России // Правовое государство и народное голосование. Санкт-Петербург, 1906. С. 12, 91-92.

государством, куда он включает активное и пассивное избирательное право.

Позже, критически переосмысливая опыт российского конституционализма начала XX века, многие из них отмечали важное условие применимости в России концепции правового государства и свободных выборов, а именно условие легитимности любых выдвигаемых теорий и проектируемых правовых институтов, то есть их общественного признания и народного одобрения в качестве справедливых и приемлемых. Так, находясь в эмиграции и в оппозиции советской власти незадолго до смерти П.И. Новгородцев писал, что Россию спасут не механические какие-либо выборы и внешние формы власти, а изменение общественного сознания.[18] Необходимо отметить, либеральные идеи в дореволюционной России не смогли получить широкой поддержки, поскольку вступали в противоречие с фундаментальными основами российского общества, такими как соборность, державность и патриотизм. Консерватизм, напротив, органично соответствовал этим устоявшимся институциональным принципам, что и обусловило его доминирование, что оставило либерализму роль оппозиционного течения.[19] Представление о том, что любые правовые системы, институты и нормы должны соответствовать уровню развития правосознания народа, довольно рано утвердилось в отечественной правовой науке. Н.М. Коркунов с позиции социальной психологии связывал общеобязательную силу закона с авторитетом велений органов власти, вызывающих «почти инстинктивное к себе повиновение». Индивидуальное и коллективное правосознание у него выступает источником легитимации государства и права населением.[20] Б.Н. Чичерина писал о государстве как высшей форме нравственного союза, призванной обеспечить свободу личности через право и закон. Легитимность и суверенитет государства не должны превращаться в

[18] Новгородцев П.И. Необходимость пробуждения сил религиозных и национальных // Об общественном идеале. М., 1991. С. 575.
[19] Корнев А. В. Консервативная и либеральная теории государства и права в России: XIX - начало XX вв.: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 10.
[20] Дибиров А.-Н.З. Устарела ли концепция легитимности М.Вебера? // Социально-гуманитарные знания. 2002. №3. С. 258.

произвол власти, а должен быть ограничен правом и нравственными нормами.[21]

Таким образом, источник легитимности правового государства – в его **ограничении правом или верховенстве права** над любыми государственными институциями. [22] Легитимность в англосаксонской правовой семье определяется балансом сил между различными социально-политическими субъектами, тогда как в романо-германской правовой семье она является имманентным свойством политико-правовой системы. Обе системы признают естественные, неотчуждаемые права человека, обеспечение которых определяет основное назначение государства и его властные полномочия.

Легитимностью определяется **авторитет государства** и, следовательно, его **потребность в насилии** и других формах принуждения для реализации своих полномочий. Еще М. Вебер подмечал эту закономерность: чем выше легитимность государства, тем меньше потребность в насилии. Легитимность конституционных правовых норм, то есть признание их приоритета над любыми актами, издаваемыми государством и его органами является признаком правового государства. С другой стороны, принятие гражданами общеобязательности конституционных норм, готовность их защищать и отстаивать в диалоге с государством – признак зрелости гражданского общества. М. Вебер одним из первых указал, что понятие легитимности значительно шире по значению формально-юридического термина «легальность» или «законность». Легальность у М. Вебера выступает в качестве одного из видов легитимности. Типология легитимности власти соотносятся у М. Вебер с типами политического лидерства. Согласно его классификации легитимность власти может быть трех идеальных типов: традиционная, харизматическая и рационально-легальная. Соответственно источник легитимности по Веберу может быть детерминирован, во-первых, сакральными представлениям о божественном происхождении власти, незапамятной традицией, мифом о сотворении мира и человека. Во-вторых,

[21] Чичерин Б. Н. Философия права. Избранные сочинения / Б. Н. Чичерин. М. : Юрайт, 2023. 371 с.
[22] Гессен В.М. Теория правового государства / Политический строй современных государств: сб. статей. СПб.: «Слово», 1905. С. 117-187.

авторитетом или харизмой конкретного политического лидера. В-третьих, он может быть основан на рационально организованных процедурах легитимации, когда отношения господства и подчинения строятся «на основе законно установленного объективного безличного порядка».[23]

Научный дискурс о легитимности, заданный М. Вебером включает различение рациональных и иррациональных оснований легитимности. Легитимность как интегральная характеристика, используемая для описания политико-правовой реальности, вбирает в себя многие юридические категории. Преобладание в этой характеристике рациональных или иррациональных составляющих определяет тип легитимности: **идеократический**, основанный на представлениях народа о справедливости и предназначении власти, а также права и закона, или **рациональный**, опирающийся на опыт и практику социальной коммуникации, который заключен в процедурах рациональной легализации. Рациональные основания легитимности в настоящее время рассматриваются в рамках процессуальной теории легитимности, а иррациональные на основе различных коммуникативных теорий, теорий социальной справедливости, ценностного консенсуса и др.

Современная юридическая наука также различает «легитимность» и «легальность» (legitimus и legalis) правовых норм. Легальность есть внешняя характеристика правовых установлений, указывающая на их законность, т.е. принятие в установленном законом порядке, их непротиворечие установленной системе права, тогда как легитимность означает, что правовые нормы признаются таковыми политическими субъектам и населением. Теоретическое разграничение легитимности и легальности основывается на **оппозиции права и закона** в непозитивистской теории права. Легитимность – это своеобразное требование к содержанию правовой нормы, его сущности, отражающее общественное признание нормы, соответствие имеющимся в социуме представлениям о должном и дозволеном, а также направленное на выполнение важных социальных функций.

[23] Там же. С. 258.

Глубину и полифункциональность понятия легитимность отмечал К. Шмидт, указывая на то, что она включает в себя «огромный пласт социально-психологических представлений, связанных с историей, традицией, представлениями о будущем».[24] На нетождественность понятий легальности и легитимности указывал Л.С. Мамут, когда писал, что «могут быть (и фактически бывают) легитимирующая иллегальность и делегитимированная законность (легальность)».[25] Указанные состояния государства и права можно назвать **фиктивной легитимностью**. Она приводит в ряде случаев к **делигитимации власти**. Во-первых, когда при внешнем соблюдении права власть приобретается в результате обмана избирателей или злоупотребления их доверием. Во-вторых, когда в результате неисполнения предвыборных обещаний, власть теряет доверие населения. В-третьих, когда граждане устраняются от участия в делах государства, исполнения гражданского долга и выражения своей воли.

Различие понятия легальности и легитимности особенно ярко иллюстрируется примером гитлеровской Германии, когда внешняя легальность нацистской диктатуры (приход к власти в результате выборов, при внешнем соблюдении правовых норм) не означала её легитимности. Нацисты в Германии, как известно, пришли к власти в результате выборов 1933 года, воспользовавшись разгромом своих прямых конкурентов – коммунистической партии Германии, не допущенной к выборам после обвинений в поджоге Рейхстага. В позитивистской традиции права (Кельзен) различения между легальностью и легитимностью не существовало: законной признавалась юридическая норма, санкционированная и принятая полномочным органом власти с соблюдением необходимых процедур. Слабость этой теории была доказана не только опытом развития правовой мысли, но и ходом истории.

Для российской исследователей также характерно обращение к веберовскому делению оснований легитимности или оправдания государственной власти на идеократические (духовно-нравственные и

[24] Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 75.
[25] Мамут Л. С. Легитимация государства // Право и общество в эпоху перемен. М., 2008. С. 213.

социальные) и легальные (процедурные, процессуальные). У разных российских авторов мы находим различное соотношение факторов теории и эмпирического опыта, идеологии и опыта социального взаимодействия, политико-правовой доктрины и конкретных избирательных процедур в определении содержания концепции легитимации публичной власти. При этом российская правовая наука в целом вынуждена преодолевать, характерное для нашей правовой традиции, пренебрежение к формальным процедурам легализации власти.[26]

Одной из наиболее популярных и востребованных в анализе характеристик легитимности власти в современной западноевропейской литературе является **функциональная системная теория**, которая исходит из идеи целостности или тотальности общества. Легитимность согласно этой теории понимается как интегральная характеристика, обеспечивающая равновесность и устойчивость политико-правовой системы.[27] Функциональная трактовка легитимности исходит из общесистемных идей функциональной адаптивности политико-правовой системы к среде и их динамического равновесия. С этой точки зрения легитимность (добровольное согласие управляемых) выступает важным адаптивным свойством системы, позволяя существенно снизить ресурсы контроля на поддержание устойчивости. М. Фуко считает, что в основе легитимности государства как «естественного предмета» или «порядка вещей» лежит практическая целесообразность власти, способность обеспечить эффективное управление для достижения выживания общества, отпора другим государствам и его наибольшего благосостояния.[28]

Напротив, **процедурная теория** легитимности власти ставит на первый план опыт социального взаимодействия, коммуникации в процессе легитимации, который конституируется в демократических процедурах, неукоснительное следование которым и является необходимым условием легитимации власти. В

---

[26] Ниточкин Ф. В. Проблема легитимности в политико-правовых учениях и избирательное право // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 29-37.
[27] Там же. С. 29-37.
[28] Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. С. 367.

процедурной теории легитимность является формой компромисса, консенсуса разнородных политических и социальных сил по различным вопросам общественной и государственной жизни, своего рода «общественного договора». Еще М. Робеспьер отмечал важность процедуры выборов для легитимации власти: «при представительном правлении нет более важных законов, чем законы, обеспечивающие правильность выборов».[29] Значительно позже, известный юрист и социолог Н. Луман отмечал, что «формальные процедурные правила являются достаточным основанием в качестве легитимирующих предпосылок принятия решений и не требуют со своей стороны никакой дальнейшей легитимации».[30] В условиях кризиса представительной демократии в современном мире возрастает роль коммуникативных процедур (процедур обсуждения) между гражданами с целью формирования общественного мнения и согласия по разным социальным проблемам. Это основная задача гражданского общества, которое осуществляет «трансформацию частных предпочтений посредством рассмотрения положений, способных выдержать контроль и проверку мнением общественности»,[31] тем самым становясь гарантом легитимности в новой делиберативной модели демократии.

**Идеократическая теория** легитимности власти основывается прежде всего на аксиологических основаниях государственности. Для нее соответствие власти народному духу важнее, чем «мертвая» буква закона. Так, согласно представлениям Н.С. Трубецкого, принцип идеократической государственности заключается в наличии общности миросозерцания, особой системы убеждений, оформляющих верховную идею нации («идею-правительницу»).[32] В настоящее время идеократическая теория легитимности сохраняет свою популярность среди российских исследователей. Так С.М. Елисеев полагает, что легитимной государственная власть считается тогда, «когда она находится в соответствии с

---

[29] Робеспьер М. Революционная законность и правосудие: статьи и речи / пер. с фр. Н. Лапшиной ; под ред. и с предисл. А. Герцензона. М. : Госюриздат, 1959. С. 184.
[30] Луман Н. Общество обществ. М., 2011. С. 234.
[31] Хелд Д. Модели демократии / Пер. с англ. М. Рудакова. М., 2014. С. 539.
[32] Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 523–528.

ценностными предпочтениями граждан, другими словами, когда управляемые не сомневаются в происхождении власти управляющих и оказывают власти определенную поддержку».[33] И.А. Исаев, находит первооснову феномена легитимности в «праве давности». Исследователь указывает на то, что уже в древности непрерывность и устойчивость действия правовой нормы выступали главным аргументом в признании её законной силы.[34] В.Н. Синюков отмечает, что для российской правовой традиции свойственна «неформальная слитность права и морали, специфическая этика справедливости», что определяет особое значение легитимности власти для отечественного правосознания.[35]

Для отечественного политического мышления легитимирует государственную власть ее соответствие идеалу справедливости. В то время как для западного мышления политическая элита, выражая и лоббируя интересы конкретных политических групп, получая электоральное большинство, оформляет себе тем самым на определенный срок «мандат доверия».[36] Так легитимным на Западе считается представитель политической силы, победившей в конкурентной политической борьбе. Западная модель электоральной демократии, перенесенная на российскую почву для большинства наших граждан в значительной степени остается формальной, а не рациональной процедурой легитимации. Российская историческая модель взаимодействия общества и государства породила принципиально иную, отличную от западной партийно-парламентской модели форму политического представительства – сход или собрание. Современная российская модель делиберативной демократии, идейно наследуя традициям народных соборов, при внешнем и терминологическом сходстве с западной преследует иные цели. Она ставит во главу угла интересы

---

[33] Елисеев С.М. Легитимность власти: концепции и проблемы развития в посткоммунистическом обществе. СПб.: Полиграфстройсервис, 1996. С. 48.

[34] Исаев И. А. Консервативные парадигмы: власть и традиция // История государства и права. 2015. № 22. С. 36.

[35] Синюков В. Н., Синюков С. В. Цивилизационная природа европейской правовой культуры // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 12 (169). С. 17.

[36] Ниточкин Ф. В. Выборы - традиционная правовая и духовно-нравственная ценность или результат рецепции западных норм права? // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : сб. докл. XIV Моск. юрид. нед.: в 6 ч. М., 2025. Ч. 3. С. 161–165.

всего общества или народного большинства. В этих условиях фигура избираемого правителя формализует общероссийский консенсус по основным политическим и социальным вопросам. В то же время нельзя согласиться с теми исследователями, которые говорят о стойком неприятии российскими избирателями рационально-нормативных процедур избирательной системы. Представляется, что возрастающее и социологически регистрируемое повышение доверия к институту выборов определяется как раз нравственной обоснованностью и поддержкой со стороны населения требований правовых норм.

Для своего устойчивого функционирования власть должна быть легитимна в глазах населения, то есть соответствовать её внутреннему представлению о законности, справедливости и целесообразности. Электоральная легитимность должна преодолеть существующий мировоззренческий и правовой разрыв между рационально-правовым способом воспроизводства власти в избирательном процессе и её ценностно-идеологическим обоснованием. Как отмечают Н.Ф. Медушевская и К.Е. Сигалов «легитимация власти предполагает реализацию аксиологической стороны власти, заключающейся во встроенности в ценностное сознание народа, в массовое сознание понимания власти как ценности первого порядка».[37] Важнейшим индикатором легитимности власти является доверие к ней населения, обеспеченное достоверностью механизма её легитимации. Таким образом народ выступает не только источником власти, учреждает конституционный порядок, но и обеспечивает легитимацию властных органов. «В условиях народовластия осуществление власти конституируется, легитимируется и контролируется народом».[38] Согласно классическому определению легитимность публичной власти – это «согласие народа с принимаемыми органами публичной власти в соответствии со своей компетенцией нормативно-правовыми актами, одобрение и признание их деятельности, выраженное через политическую волю большинства избирателей».[39] Таким образом «**Легитимность в политико-**

[37] Медушевская Н. Ф. Государственная идеология и миф о легитимации власти / Н. Ф. Медушевская, К. Е. Сигалов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 12 (124). С. 171—179.
[38] Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Проспект, 2014. С. 211.
[39] Авдеев Д.А. Легитимность публичной власти в России // Вестник Тюменского государственного

**правовых учениях** второй половины XX века выступает уже как ключевая характеристика политической власти, определяющая принятие ее общественным сознанием, законность политико-правовой организации общества, доверие к конкретным ее институциям, социальное одобрение или согласие с целями, формами и средствами функционирования политической системы общества в целом».[40]

С обогащением в XX и XXI веке юридической науки новейшими достижениями других наук и научных дисциплин связано расширение трактовки категории легитимности. С позиции политологии К. Шмиттом[41] предложено различение легитимности и легальности на основе преодоления наследия позитивизма и легизма, отождествлявших эти два понятия. Социолог Т. Парсонс[42] предложил рассматривать легитимность как своего рода социальный консенсус. Другой классик социологии Н. Луман[43] рассматривал легитимацию как функцию системы, которая воспроизводит себя с помощью демократических процедур. Философ и социолог Ю. Хабермас[44] рассматривает легитимность как результат свободной коммуникации членов общества, как коммуникативный консенсус, вводит понятия кризиса легитимности, легитимирующих доктрин. Теоретик социального либерализма Д. Ролз[45], возвращает в научную дискуссию о легитимности аксиологические предпосылки, актуализирует «теорию общественного договора» на основе либеральных идей и формулирует оригинальную теорию справедливости. Американский политолог С. Липсет[46] [47] определяет зависимость легитимности системы от ее эффективности и

университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 3. С. 99.

[40] Ниточкин Ф. В. Проблема легитимности в политико-правовых учениях и избирательное право // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 29-37.

[41] Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35.

[42] Плигин В. Н. Вопросы формирования легитимного порядка в представлении Т. Парсонса и современные проблемы легитимации государства и права // История государства и права. 2020. № 11.С. 38-46.

[43] Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 59.

[44] Плигин В. Н. Понимание легитимности Ю. Хабермасом и отдельные вопросы практики функционирования государства и права (часть 1) // История государства и права. 2020. № 8. С. 10.

[45] Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика : монография. М. : Юстицинформ, 2017. С. 33.

[46] Липсет С. М. Размышления о легитимности // Апология. 2005. № 5. С. 124.

[47] Липсет С. М. Политический человек. Социальные основания политики / пер. с англ. М. : Социум, 2020. С. 89.

артикулирует фундаментальную роль легитимности для поддержания стабильности политико-правовой системы в условиях периодических выборов. Французский философ и социолог П. Бурдье[48] рассматривает исторические и культурные факторы легитимности, определяя ее как политический капитал, основанный на вере и признании. Специалист в области политической социологии М. Доган[49] обновляет классификацию типов легитимности политических режимов, предложив делить их на плюралистические демократии, авторитарно-бюрократические и тоталитарные. Он же вводит понятие «культуры «выборного» лидерства», которое раскрывает зависимость между легитимностью и избирательным процессом. Ж.-Л. Кермонн и Ж-Л. Шабо отмечали, что политический режим должен опираться на ценности той, страны, управление которой им осуществляется.[50] Из кибернетики взяты представления Д. Истона о политической системе как о своеобразной кибернетической модели «входа-выхода». Он предложил оценивать политический процесс на основе выделенных им ключевых переменных легитимности: потребности, требования, поддержка, переработка, деятельность по распределению ресурсов, признание.[51] Российский исследователь К.Ф. Завершинский, полагает, что легитимность состоит не просто в доверии к нормам, но и в «законодательном подтверждении прав, в правовой подотчетности власти, в идеологической «прозрачности» (оправданности верованиями) и в исполнении взятых на себя обязательств».[52] В.Н. Плигин уделяет особое внимание справедливости не просто как моральной категории, а как системообразующему правовому принципу. Именно через призму справедливости общество оценивает легитимность всех других институтов государства и права. Суд играет ключевую роль в легитимации власти через толкование и применение

[48] Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 71.
[49] Доган М., Шумилина Т. Н. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 147.
[50] Кермонн Ж. Л., Шабо Ж. Л. Легитимность // Политические исследования. 1993. № 5. С. 134–143.
[51] Плигин В. Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях : дис. ... доктора юридических наук. М., 2022. С. 169.
[52] Завершинский К. Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Политические исследования. 2001. № 2. С. 122.

этого принципа в различных отраслях права.[53] В.В. Полянский определяет институт выборов как инструмент повышения легитимности власти в государстве и основу формирования доверия народа, трансформирующегося в легитимность публичной власти в целом.[54] Г.А. Грищенко определяет легитимность через способностью субъекта и объекта власти (государства и общества) «устанавливать в качестве обязательных критерии эффективности власти и оценивать ее конкретные действия как отвечающие либо не отвечающие данным критериям».[55]

Многие исследователи отмечают, что произошедшая в XX веке десакрализация, рационализация и формализация властных отношений повлекла за собой некоторое смысловое обеднение термина «легитимность». Легитимация зачастую рассматривается как технический процесс приобретения санкции на власть. В то же время представляется, что условиями легитимности государства остаются реализация ценностей и принципов конституционализма, заключенных в рационально организованных демократических избирательных процедурах, обеспечивающих конституционное право гражданина избирать и быть избранным, основанных на конвенциальной социальной коммуникации, подконтрольных гражданскому обществу, обеспеченных доверием со стороны избирателей и консенсусом со стороны противоборствующих политических сил.[56]

Различные основания и источники легитимности власти носят характер постоянных и переменных составляющих, значение которых может возрастать или уменьшаться в зависимости от конкретных обстоятельств. Например, в период политической нестабильности, характерной для смены курса развития страны, общественно-экономической формации или идеологии, происходит кризис легитимности, падает доверие к политическим институтам и рациональным формам легитимации, таким как избирательный процесс. И наоборот, большое

---

[53] Плигин В. Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях : дис. ... доктора юридических наук. М., 2022. С. 38, 319.

[54] Полянский В. В. Легитимность и легальность публичной власти в конституционных параметрах // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 7–12.

[55] Грищенко Г.А. Механизм легитимации государственной власти в современной России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 10.

[56] Плигин В. Н., Авилов Я. Д. Гарантии права быть избранным как фактор легитимности власти // Государство и право. 2020. № 1. С. 62–71.

значение приобретают иррациональные и идеократические основы легитимности: харизма политического лидера, ожидания перемен, вера в светлое будущее. *Однако из всего многообразия факторов, влияющих на легитимность власти, можно выделить ключевые и постояннодействующие, составляющие* ***механизм легитимации государственной власти.***

## 1.2. Механизм легитимации государственной власти и избирательный процесс

**Механизм легитимации государственной власти** исследователи рассматривают как цивилизационную модель наделения институтов власти полномочиями;[57] комплексную систему воспроизводства власти;[58] социально и исторически обусловленную практику[59] или политический и юридический процесс её приобретения.[60]

***Механизм легитимации как цивилизационная модель.*** Идеологи цивилизационного подхода (О. Шпенглер, Н. Данилевский, К. Ясперс, С. Хантингтон) исходят из представления, что множественность цивилизаций – неизменный признак мировой истории: человечество всегда делилось и будет делиться на цивилизации, и в этом смысле единой планетарной цивилизации никогда не было и не будет. Ключевой для цивилизационной теории выступает дихотомия Восток-Запад, которая однако усложняется с возрастанием значения стран «глобального Юга». Современные сторонники цивилизационной теории выделяют различные устойчивые и одновременно сосуществующие **цивилизационные модели легитимации власти**.

Современный исследователь А.-Н.З. Дибиров показывает механизм легитимации как цивилизационную модель наделения институтов власти полномочиями, которая имеет ценностно-идеологическую характеристику. Он различает авторитарную, идеологическую, традиционалистскую, либеральную, демократическую, смешанную модель легитимации. Цивилизационная модель легитимации власти утверждается на основе преобладающих в том или ином обществе ценностей, идей и идеалов, основывается на «духовном характере народа

---

[57] Дибиров А.-Н. З. Легитимность власти и политический режим : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2002. С. 25.
[58] Авдийский В.И. Механизм легитимации государственной власти: Историко-теоретическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 45.
[59] Плигин В. Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях : дис. ... доктора юридических наук. М., 2022. С. 187–197.
[60] Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учебник для вузов / А. А. Вешняков [и др.] ; отв. ред. А. А. Вешняков. М. : Норма, 2003. С. 8, 276.

как носителе определенной политической идеи». Она соответствует общественному правосознанию и определяет форму политического режима (авторитарного, мобилизационного, консервативного, либерального, демократического).[61]

Такой подход выделяет западную модель, к которой относятся развитые плюралистические демократии, где легитимация власти осуществляется гражданами через демократические политико-правовые механизмы, такие как выборы и референдум. Исламскую (ближневосточную) модель, в которой светская власть обретает легитимность следуя исламским теократических принципам и принимая авторитет шариата. Основой представительной демократии в мусульманских странах служит концепция «шура», которая предполагает коллективное принятие решения, где властью обладает не индивид, а общество в целом. Азиатскую (традиционную) модель, которая опирается на традиции беспрекословного подчинения населения действующей власти и веру в нерушимость проверенного на протяжении веков социально-политического устройства. В странах Азии она часто органично совпадает с социалистической моделью легитимации, для которой легитимирующим качеством обладает господствующая идеология. Так в современном Китае легитимность государства основывается на принципах социалистической диктатуры народа и демократического централизма. Китай сочетает следование идеям марксизма-ленинизма и маоизма, идеи социалистической рыночной экономики и апелляцию к богатому историческому конфуцианскому прошлому. Избирательный процесс в исламской и азиатской моделях легитимации власти выполняет вспомогательную и часто формальную роль, а партийно-политическая система не развита, представлена господствующей партией или носит условно конкурентный характер. Также выделяют латиноамериканскую модель, которая характеризуется тяготением к авторитаризму и режиму личной власти президента, а также постколониальные клановo-этнические африканские автократии, где в основе

[61] Дибиров А.-Н. З. Легитимность власти и политический режим : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2002. С. 25.

легитимности лежат клановые и племенные связи.

Для каждой из выделенных **цивилизационных моделей легитимации** характерно собственное соотношение факторов легитимации: идеологической консолидации, внешнеполитической консолидации, персональной легитимности, личностной харизмы политического лидера, внутриэлитной консолидации, информационно-пропагандистского воздействия, технократической эффективности. Например, для России, неоднократно в течение своей долгой истории подвергавшейся внешним вторжениям и испытывавшей разрушительное воздействие внутренней смуты, важное значение для легитимации власти имеет наличие сильного политического лидера. Различные по степени и направлению векторы воздействия указанных факторов формируют и различные цивилизационные модели (механизмы) легитимации. При этом, очевидно, что поиск равновесной точки между легитимностью, эффективностью и стабильностью политической власти являются базовым условием устойчивого развития общества для любого из цивилизационных механизмов (моделей) легитимации власти.

***Механизм легитимации как комплексная система.*** Несмотря на существование различных цивилизационных моделей представляется возможным выделить общие универсальные качества легитимности, составляющие общую теоретическую модель механизма легитимации (систему воспроизводства) государственной власти. Под **механизмом легитимации власти** предлагается понимать комплексную систему воспроизводства власти публичных государственных органов. Современные исследования формируют представление о механизме легитимации как о многоуровневой синтетической модели формирования власти в которой есть место и традиционным и харизматическим и рационально-легальным ее составляющим.[62]

В.И. Авдийский понимает под механизмом легитимации комплексную систему элементов (субъектов, объектов, методов, условий, средств и принципов),

[62] Дибиров А.-Н. З. Теория политической легитимности : курс лекций. – Москва : РОССПЭН, 2007. С. 100–102.

обеспечивающую признание и узаконение институтов государственной власти. К числу функций данной системы учёный относит социально-политическое и юридическое обоснование власти, формирование её аппарата, нейтрализацию противодействия, идеологическое воздействие и поддержание авторитета.[63]

В.Н. Плигин относит к составляющим механизма легитимации конституционные и институциональные основы, партийную и избирательную системы, представительную функцию парламента, институт парламентского контроля, институт публичной ответственности. Конституционные основы задают «каркас» политико-правовой системы и формируют правовой идеал. [64] Институт партийного представительства обеспечивает мобилизацию массовой поддержки политических сил, трансформацию частных идей в общие политические программы, создаёт условия для конкуренции идей и политической конкуренции. Парламент обеспечивает представительство различных групп населения, балансировку их интересов, подотчётность и контроль за деятельностью исполнительной власти. Избирательная система определяет ротацию власти, отбор и смену политической элиты.

Г.А. Грищенко устанавливает, что свойствами механизма легитимации как системы являются его законность, эффективность, демократичность, устойчивость. Он должен обеспечивать выборность высших органов власти, их сменяемость, ответственность и ограниченность власти, гармонизацию и представительство интересов граждан, поддерживать постояннодействующую обратную связь с населением. Г.А. Грищенко даёт комплексную характеристику механизма легитимации, включая в него следующие виды легитимности: социокультурная, политическая, конституционная и электоральная. Электоральная легитимность достигается в электоральном (или избирательном) процессе, который является ключевым в механизме легитимации государственной власти. Г.А. Грищенко предлагает оценивать легитимность власти с помощью

---

[63] Авдийский В.И. Механизм легитимации государственной власти: Историко-теоретическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 342 с.

[64] Плигин В. Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях : дис. ... доктора юридических наук. М., 2022. 369 с.

специального «агрегата» – индекса легитимности, который должен определять уровень легитимности в конкретный временной промежуток. В числе таких показателей автор выделяет: интенсивность (т.е. характер, уровень и степень поддержки государственной власти, государственных институтов); эффективность (выделение количественных и качественных критериев, позволяющих оценить действенность системы); результативность (способность оценки действенности системы).[65]

Н.И. Сирота, Г.А. Мохорова определяют внешнеполитическую легитимность как признание режима и его правящих групп со стороны других государств, международных организаций и влиятельных кругов, формирующих общественное мнение. Международное признание может быть трех видов: признание суверенитета государства, признание правоспособности государства в международных делах, в том числе в организациях международного сотрудничества, признание легитимности конкретного политического режима.[66]

Выборы традиционно рассматриваются исследователями в качестве политико-правового института легитимирующего государственную власть. Легитимирующая роль выборов определяется с разных сторон: в рамках ценностного подхода как правовая ценность и явление электоральной культуры (Г. Алмонд, С. Верба,[67] Ю.А. Веденеев[68]); в рамках нормативистского подхода как система политических и правовых правил и норм (С.А. Авакьян[69], А.В. Иванченко,[70] С.Д. Князев,[71] В.И. Лысенко,[72] А.Е. Постников[73]); в рамках

---

[65] Грищенко Г.А. Механизм легитимации государственной власти в современной России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 32 с.
[66] Сирота Н. М., Мохоров Г. А. Основы политической науки : учебное пособие. 2-е изд., доп. и перераб. СПб. : ГУАП, 2018. С. 62.
[67] Almond G., Verba S. The civic culture. Boston: Little Brown, 1965. 379 p.
[68] Веденеев Ю. А. Политическая демократия и электорально-правовая культура. М., 1996. 123 с.
[69] Авакьян С. А. Политический плюрализм и общественные объединения в РФ: конституционно-правовые основы. М., 1996. 135 с.
[70] Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия / под ред. А. В. Иванченко. М., 2003. 297 с.
[71] Князев С. Д. Очерки теории российского избирательного права. Владивосток, 1999. 414 с.
[72] Лысенко В. И. Некоторые вопросы развития избирательной политики и права в Российской Федерации в 90-е годы // Федеральное Собрание России: опыт первых выборов. М., 1995. С. 72–85.
[73] Постников А. Е. Избирательное право России. М., 1996. С. 89.

институционального подхода как политико-правовой институт (Г.В. Голосов,[74] С.Е. Заславский,[75] А.В. Тер-Газарян,[76] К.Г. Холодковский). Вместе с тем вопросы места и роли выборов в механизме легитимации власти изучены недостаточно полно. Прежде всего это касается вопроса выявления соотношения формально-правового, социально-правового, ценностного или идеологического факторов легитимации власти в рамках избирательного процесса.

В широком смысле легитимность есть цель или результат всей деятельности власти по завоеванию доверия населения, а легитимация – процесс достижения легитимности. Конкретный **механизм легитимации** власти включает различные социально-правовые, политико-правовые и внешнеполитические аспекты. При этом в процессе легитимации в качестве **субъектов легитимации** власти принято выделять три различные социально-политические группы участников: население (избирателей, электорат), политический класс (государственный аппарат, политические партии и кандидаты), внешнеполитические силы и их представителей внутри государства (международные (иностранные) наблюдательные миссии, СМИ и НКО). Указанные группы и субъекты в составе каждой их групп имеют различные, часто несовпадающие интересы, в связи с чем выборы представляют собой процесс острой конкуренции и политической борьбы.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных отдельным составляющим легитимации **общей теоретической модели механизма легитимации государственной власти** не существует. Для её создания и определения в ней места избирательного процесса в целом и электорального наблюдения в частности необходимо рассмотреть общую универсальную схему механизма легитимации власти.

Д. Истон выделяет три типа легитимности (правомочности) властных институтов. **Идеологическая легитимность**, основанная на согласии в вопросах

---

[74] Голосов Г. В. Становление и развитие российской партийной системы (сравнительный анализ) : дис. ... д-ра полит. наук. М., 1999. 266 с.

[75] Заславский С. Е. Институционализация многопартийности современной России: генезис, механизм формирования, перспективы : дис. ... канд. полит. наук. М., 1995. С. 95. 212 с.

[76] Тер-Газарян А. В. Выборы как политический институт в условиях современного российского общества : дис. ... канд. полит. наук. М., 1995. 187 с.

ценностей, которые лежат в основе государства и политического режима; **структурная легитимность,** определяющая правомерность институтов власти; **персональная легитимность**, основанная на доверии к политическим лидерам.[77] Политолог А.Ю. Мамычев и юрист А.Ю. Мордовцев определяют эти же типы или уровни легитимации власти как **субстанциональный, институциональный и персональный**.[78]

Таким образом различные исследователи сходятся в том, что верхний уровень механизма легитимации, рассматриваемого как комплексная система составляет легитимность самого государства как такового. Это уровень **субстанциональный (конституционный, идеологический),** на котором роль легитимирующих принципов играют идея и ценность государственности, самоидентификация государствообразующей нации, историческая и культурная преемственность государства, международное признание государства, господствующая идеология, конституционные принципы формирования и построения публичной власти. Основные источники легитимности на этом уровне – духовно-нравственные, идеологические, которые во многом носят, пользуясь терминологией М. Вебера, ценностно-рациональный характер. Например, идея государственности в исламе предполагает неразделимость светской и духовной властей, а также ориентацию на принцип справедливости. Для России важна продолжающаяся дискуссия о роли в легитимации власти «определенной национально-государственной идеологии».[79] Важнейшим способом легитимации на субстанциональном уровне выступает реализация народом своей учредительной функции через механизмы народных соборов, съездов, общенациональных референдумов и других форм непосредственной прямой демократии. Источником легитимности власти в конституционном процессе становится «учредительный конституционный акт, порождающий коллективного правового субъекта —

[77] Easton D. A. Systems Analysis of Political Life. New York : Wiley, 1965. P. 507 p.
[78] Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю., Стародубцев С. С. Современные формы легитимации исполнительной власти. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. 152 с.
[79] Медушевская Н. Ф. Государственная идеология и миф о легитимации власти / Н. Ф. Медушевская, К. Е. Сигалов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 12 (124). С. 171—179.

народ».[80] Как правило, политико-правовые системы получают легитимность в момент своего создания и теряют ее в период разрушения, краха государственной идеи и всего политико-правового порядка при утрате «сцепляющего вещества» легитимности. Легитимация на этом уровне означает принятие гражданами политико-правовой системы, правил формирования органов власти независимо от отношения населения к политическому режиму, правительству, конкретным должностным лицам и правящим партиям. Конкретный политический лидер может быть очень или совсем непопулярным, но при этом ценность государственности, важность институтов государства, самоидентификация населения как граждан этого государства может не подвергаться сомнению. С другой стороны, как отмечает В.Н. Плигин «конституционная легитимность не является определяющим фактором легитимности власти, доверия к ней в целом, хотя и демонстрирует эффективность действий официальной власти в социуме и государстве».[81] Отношение народа к власти формируется преимущественно на институциональном и персональном уровнях её легитимации.

Легитимация и делигитимация на субстанциональном уровне представляют собой длящийся, циклический и диалектический общественно-политический процесс. Как правило, он включает принятие Основного закона страны, построение на его основе нового конституционного порядка, создание системы публичной власти и избирательной системы, их оптимизацию, кризисы легитимности и делигитимацию власти, видоизменение (эволюционный сценарий) или смену политико-правовой системы (революционный сценарий). К примеру, с момента провозглашения Французской революции и отмены монархии во Франции в 1792 году существовало пять французских республик, каждая из которых прошла указанные этапы, отличалась в указанных аспектах от предыдущих и подразумевала особый порядок своей легитимации. Как полагает ряд исследователей, новый цикл субстанциональной (конституционной) легитимности

[80] Исаев И. А. Легитимность и легальность в конституционном процессе // История государства и права. 2012. № 6. С. 2–6.
[81] Плигин В. Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях : дис. ... доктора юридических наук. М., 2022. С. 228.

российского государства или конституционного порядка начался в 2020 году, когда благодаря поправкам в Конституцию Российской Федерации, и последовавшим изменениям в федеральные законы, были обновлены принципы на которых строится взаимодействие государства и общества.[82]

Второй уровень, **институциональный (структурный),** определяющий механизм легитимации системы политико-правововых институтов (главы государства, правительства, парламента, суда и т.д.). Источники легитимности на этом уровне имеют инструментальную или процессуальную характеристику. Легитимация политико-правовой системы на институциональном уровне должна обеспечивать, реализовывать и поддерживать первичные, базовые ценности, заданные на высшем субстанциональном уровне легитимности. Например, важнейший принцип разделения властей закрепляется на субстанциональном уровне всенародным голосованием на референдуме при принятии Основного закона страны. На институциональном уровне этот принцип реализуется через особый характер легитимации ветвей власти, обеспечивающий самостоятельный и независимый характер реализации полномочий каждой из них. На институциональном уровне легитимации осуществляется формирование единой системы органов публичной власти, а также формально не входящих в неё публичных институтов, исполняющих отдельные публичные функции и поддерживающих общую легитимность системы. К последним в России мы относим школу, полицию, армию, религиозные организации, средства массовой информации, государственные корпорации, бизнес, общественные организации и др. Уровень одобрения деятельности государственных и негосударственных публичных институтов определяет социокультурную и политическую легитимацию политико-правовой системы.

Способы легитимации системы институтов государственной власти могут варьироваться в зависимости от формы правления (монархические республики, республиканские монархии, президентско-парламентские и др.), формы

[82] Медушевский А. Н. Конституционная реформа — 2020 с позиций теории легитимности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4. С. 15-30.

государственного устройства (унитарные, федеративные, конфедеративные) и политического режима (авторитарные, демократические, гибридные и т.д.). Однако общим правилом является то, что формирование органов публичной власти осуществляется периодически в соответствии со сроками их полномочий, определенными Конституцией и законами.

Отсутствие традиций надлежащей легитимации власти на институциональном уровне является причиной слабости политических институтов. Так, результатом частых военных переворотов и установления военно-диктаторских режимов в Латинской Америке является падение легитимности власти и хроническая политическая нестабильность в этом регионе. Напротив, устойчивые традиции демократической легитимации институтов власти в США и Европе, основанные на рационально-легальных принципах, служат основой стабильности и легитимности власти.

Важнейшими способами формирования государственных органов на институциональном уровне является избрание, назначение, наделение полномочиями, кооптация. При этом возможно два уровня политико-правового признания институтов: это уровень непосредственной легитимации и уровень легитимации делегированной. Принципы организации публичной власти могут определять иные, кроме непосредственной легитимации, то есть избрания, формы наделения властными полномочиями. Различные должностные лица на федеральном, региональном и муниципальном уровнях публичной власти в соответствии со своими предметами ведения и полномочиями могут избираться, назначаться, кооптироваться и наниматься. В этих случаях властные полномочия от избранных народом представителей делегируются назначаемым ими менеджерам, которые получают всю полноту распорядительной власти, не являясь прямо ответственными перед жителями.

Институциональный уровень в механизме легитимации власти обеспечивает стабильность системы публичной власти, ее воспроизводство, обновление политической элиты, эволюционное развитие государства.

Наконец, третий, **персональный (плебисцитарный)** уровень механизма

легитимности, подразумевает приобретение властных полномочий должностными лицами в результате избрания, назначения или кооптации. Также это уровень непосредственного прямого народного волеизъявления по вопросам государственного значения или референдума. Легитимация высших должностных лиц в большинстве демократических государств осуществляется посредством избирательного процесса. Выборы верховной власти как правило запускают череду преобразований, легитимирующих новую власть: формирование парламента, правительства, органов власти, обновление политической элиты и всей системы публичной власти. Выборы как важнейший институт рациональной легитимации власти реализуют объяснительную теоретическую модель легитимности, предложенную Н. Луманом, осуществляя на практике «легитимацию с помощью процедур» через участие граждан в принятии важнейшего решения «о власти». Но одновременно с этим, выборы являются примером непреходящей важности иррационально-эмоциональных составляющих легитимации власти. Ряд исследователей на волне глобальной демократизации власти на рубеже XX и XXI веков утверждали, что что в промышленно развитых демократических странах времена харизматических лидеров и экзальтированных толп постепенно уходят в прошлое,[83] уступая место рационально организованным политическим институтам. Утверждалось, что харизматическая легитимность власти остаётся приоритетной только в постколониальных африканских и азиатских государствах с их неразвитой демократической традицией, однако это не совсем так. Личность политического лидера остаётся ключевой в государствах всех типов, и этому есть несколько причин. Во-первых, выборы позволяют трансформировать доверие избирателя к лидеру в согласие наделить его полнотой властно-распорядительных полномочий через рационально-волевой акт голосования. Во-вторых, выборы отвечают на ключевой вопрос коммуникационной теории справедливости, а именно, «что именно легитимирует консенсус?». Фигура политического лидера, ставшего главой государства, устанавливает консенсус. Выборы призваны достичь длительного

[83] Эрме Г. Авторитаризм // Политология вчера и сегодня. Вып. 3. М., 1991. С. 181–206.

согласия множества по фигуре политического лидера, олицетворяющего общенародный консенсус по основным экономическим, социальным и политическим вопросам или «перекрестный консенсус», как это определял Д. Ролз. А результат, полученный победителем на выборах обладает, пользуясь терминологией Ю. Хабермаса, «силой лучшего аргумента» в рамках итога своеобразного формализованного дискурса о власти, который представляют собой выборы. В-третьих, избирательные процедуры реализуют ценности демократии, свободного выбора, плюрализма, которые сами по себе носят во многом иррациональный (ценностно-рациональный) характер, то есть имеют подчас неочевидную для народного большинства ценность. Рационально организованные процедуры избирательного процесса позволяют институализировать эти важнейшие демократические ценности на основе общепризнанных стандартов. Серьёзной задачей является обеспечение чистоты этих процедур, которые в большинстве демократий носят формально определенный, строгий, алгоритмизированный характер. Нарушение процедур жестко преследуется законом как нарушение основополагающих прав и свобод человека.

***Механизм легитимации государственной власти как процесс.*** Легитимация на каждом из перечисленных уровней механизма (системы) легитимации государственной власти является цикличной. Легитимация на субстанциональном (конституционном) уровне реализуется в рамках большого конституционного цикла, охватывающего установление, обновление и(или) смену основ конституционного строя, господствующей системы ценностей и идеологии. А.Н. Медушевский выделяет в конституционном цикле легитимности следующие этапы[84]:

– конституционной стабильности, когда конституция и существующий конституционный строй воспринимаются обществом как легитимные;

– эрозии традиционного конституционного консенсуса, когда назревает несовпадение между двумя категориями — справедливостью и законностью.

[84] Медушевский А.Н. Размышления о современном российском конституционализме. М.: РОССПЭН, 2007. С. 31.

Политическая система стремится найти новый баланс между этими категориями, что приводит к формированию общественного мнения о необходимости изменения конституции и конституционного порядка;

– кризиса конституционной легитимности, который разрешается либо конституционной реформой, либо революцией;

– восстановление конституционного порядка, который происходит путём поиска предварительного консенсуса, принятия новой конституции и её последующего согласования с изменяющейся реальностью.

Профессор В.В. Полянский полагает, что изменения, внесённые в Конституцию Российской Федерации в 2020 году завершили своеобразный цикл конституционной легитимности — «это точка отсчета относительной завершенности полноценной конституционной модели политического процесса, поскольку первоначальный вариант Конституции РФ 1993 г. принимался на пике жесткого противостояния идейных противников, идеологических врагов, доминирования агрессивного антикоммунизма и антисоветизма при поддержке одной из сторон так называемым коллективным Западом, контролировавшим процесс создания Конституции, влиявшим на ее содержание».[85]

На институциональном уровне каждый государственный институт имеет свои, зачастую несовпадающие сроки полномочий. Например, в России для главы государства в соответствии со сроком полномочий этот цикл составляет 6 лет, для нижней палаты парламента - 5 лет (во Франции - 7 и 5 лет; в США - 4 и 2 года; в КНР – 5 и 5 лет соответственно).

Цикл легитимности политического лидера определяется многими факторами, однако определяющими являются, с одной стороны, доверие к нему избирателей, подтверждённое в ходе очередных выборов, а с другой стороны предельные сроки нахождения на государственной должности. Непрерывность механизма (процесса) легитимации институтов власти определяется его циклической природой.

---

[85] Национальные модели политического процесса как основа многополярного мира: конституционные и политологические аспекты : монография / отв. ред. А. В. Шапошников ; науч. ред. В. В. Комарова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. С. 261

Персональный (плебисцитарный) уровень в механизме легитимации власти является определяющим. На этом уровне в рамках избирательного цикла реализуется принципы народовластия и конституционные право граждан избирать и быть избранными, определяется персональный состав избираемых органов публичной власти, происходит делегирование им народом властных полномочий. Выборы на персональном (плебисцитарном) уровне легитимации являются точкой отчёта для формирования всех институтов публичной власти как избираемых непосредственно (президент, главы регионов, законодательные собрания), так и впоследствии определяемых избранными представителями (правительство, суды). Цикл легитимации власти включает в себя выборы как способ выражения воли народа, формирование представительства и передачу избранным органам права на осуществление публичной власти от имени народа, а также передачу отдельных публичных полномочий органам власти не избираемым населением непосредственно. Референдум или иная определённая законом форма общенародного голосования применяется для решения вопросов общенационального значения и внесения изменений в Основной закон страны.

Ключевым в механизме легитимации государственной власти на персональном уровне является отношение граждан к политической фигуре (персональная легитимность), которое трансформируется в доверие к политической силе, и в дальнейшем к формируемым этой силой политико-правовым институтам или органам власти (институциональная легитимность), а также влияет на восприятие государственности в целом (субстанциональная легитимность). Отношение гражданина к политико-правовой системе на всех уровнях механизма легитимности фиксируется и определяется социологами как **доверие к власти**.

Таким образом механизм легитимации власти, имеет различные этапы и охватывает различные уровни и ветви власти. Однако **избирательный процесс является ключевым этапом в механизме легитимации власти.**

Демократические выборы необходимо рассматривать как источник легитимности государственной власти, избирательный процесс как форму её

легитимации, а электоральное наблюдение как элемент механизма легитимации в рамках избирательного процесса.

Реализуя свою важнейшую задачу демократической легитимации государственной власти избирательная система:

– представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных структурно-функциональных элементов (избирательное право, избирательный процесс, электоральное наблюдение);

– существует в логическом единстве с социальной средой (государством, политическим режимом, международным сообществом, российским гражданским обществом, политическими партиями, общественными организациями);

– определяет как система более высокого порядка взаимодействие элементов более низкого порядка (система избирательных комиссий, партийная система, система электорального контроля).

Электоральная легитимность — это вид легитимности государственной власти, через который обеспечивается политическая легитимность всей политико-правовой системы. В основе электоральной легитимности признание народа единственным источником власти и носителем суверенитета и источником государственной власти. Избирательный процесс является ключевым механизмом обеспечения как демократической рационально-правовой, так и идеологической легитимности публичной власти.

Согласно недавним исследованиям в 144 (75%) суверенных государствах их конституциями установлены такие республиканские формы правления, как парламентская республика – 49 (25.5%), полупрезидентская (смешанная) республика – 34 (17.7%) и президентская республика – 61 (31.8%). Из 43 (22.4%) государств с монархическими формами правления лишь 5 (2.6%) – абсолютные монархии.[86] Таким образом большинство (95%)[87] современных государств

[86] Нисневич Ю. А. Институт выборов как механизм легитимации государственной власти // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 2. С. 62.
[87] Там же. С. 70.

осуществляют легитимацию верховной власти через институт выборов. По данным, приводимым В.И. Лысенко, всеобщие и прямые выборы главы государства проводятся в 110 (57%) государствах и территориях.[88] Однако общемировое распространение принципа всеобщего избирательного права не означает победы демократической формы легитимации государственной власти.

Ю.А. Нисневич отмечал, что в «недемократических государствах с правящими авторитарными режимами диктаторского типа и неоавторитарными режимами институт выборов целенаправленно деформируется посредством искажения правовых основ избирательного законодательства и использования электоральной коррупции в процессе избирательных кампаний. В таких государствах выборы превращаются в мероприятия по **плебисцитарной легитимации** с симуляцией состязательности, которые имитируют рационально-легальную легитимацию публичной власти в комплексе с ее манипулятивной харизматической и этатистской идеологической легитимацией».[89]

Симптоматичны попытки в западной юридической и политической науках вывести ненаучные понятия «электорального авторитаризма», «виртуальной политики», «фейковой демократии» в отношении посткоммунистических государств Восточной Европы. В этом направлении интересны современные исследования Ларри Даймонда (Larry Diamond), Эндрю Уилсона (Andrew Wilson) и Андреаса Шедлера (Andreas Schedler), в которых обосновывается, что что политтехнологии в постсоветских государствах используются для фальсификации политического процесса, определяется, что факт проведения выборов на формально многопартийной или конкурентной основе ещё не создаёт демократии.[90] [91] [92] Однако необходимо отметить, что деление всех политических

---

[88] Лысенко В. И. Президентские выборы в государствах региона ОБСЕ — электоральная практика // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 1(31). С. 11.

[89] Нисневич Ю. А. Институт выборов как механизм легитимации публичной власти // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 2. С. 62–72.

[90] Diamond, L. Is the Third Wave Over? / L. Diamond // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7, No. 3. – P. 20–37.; Diamond L. Developing Democracy: Toward Consolidation / L. Diamond. Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press, 1999. 362 p.

[91] Schedler A. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by A. Schedler. Boulder, CO ; London : Lynne Rienner Publishers, 2006. 264 p.

[92] Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven, CT, and London, UK:

режимов на **демократические, авторитарные и тоталитарные**, долгое время навязывавшееся в качестве аксиомы[93] в научной среде, в настоящее время подвергается пересмотру.

Традиционная классификация политических режимов на демократические, авторитарные и тоталитарные в настоящее время пересматривается, поскольку идеальные типы не описывают реальные политико-правовые системы.[94] Противопоставление демократии и диктатуры неабсолютно, как и попытка противопоставить «конкурентную» легитимность Запада «плебисцитарной» легитимности других стран. Проблемы, приписываемые автократиям, — архаичное законодательство, ограничение волеизъявления и симуляция политической борьбы — наблюдаются и в западных демократиях.[95] Например, в США избирательная система не обеспечивает полностью равное прямое голосование, а политическая конкуренция ограничена двумя партиями. Длительное пребывание у власти западных политиков, например, Ангелы Меркель в Германии, также ставит вопрос о строгости соответствующего критерия классификации типов легитимности.[96] Критика идеологической или харизматической легитимации в авторитарных странах теряет силу, поскольку харизматическое лидерство и вульгарно понимаемый идеологический либерализм имеют широкое распространение по всему миру.

Традиционный западный взгляд на электоральную легитимность представлен в трудах профессора сравнительной политологии Школы управления им. Джона Ф. Кеннеди Гарвардского университета Пиппы Норрис, которая оценивает честность выборов по 49 индикаторам, на 11 этапах электорального цикла. Её индекс восприятия электоральной честности (Perceptions of Electoral

---

Yale University Press, 2005. 332 p.

[93] Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с.

[94] Кукушкина Ю.О., Черапкин А.Н. Различные стороны «медали» демократии и тоталитаризма // Молодой ученый. 2014. № 18 (77). С. 698-700.

[95] Лукин М. Тайна либеральной демократии. Завтра.ру. 19.04.2014. URL: https://zavtra.ru/blogs/tajna-liberalnoj-demokratii (дата обращения: 04.01.2026).

[96] About Freedom in the World. List of Electoral Democracies, FIW (1989-2016). Freedom House. URL: https://freedomhouse.org/report-types/freedom-world (дата обращения: 12.01.2026).

Integrity, PEI) [97] строится на экспертных оценках, интервью с оппозицией и данных соцопросов (в частности, шестой волны World Values Survey , WVS). [98] Опираясь на методологию всемирного анализа ценностей американского социолога Р. Инглхарта, она сравнивает национальные выборы с международными нормами и стандартами, отражающими господствующие на Западе ценности, и ранжирует страны по уровню их воплощения в национальном избирательном процессе. Р. Ингельхарт на протяжении десятилетий проводил масштабный факторный анализ господствующих в мире ценностей, определяющих поведение человека в межличностном общении, семье, обществе. В его методологии ценности выживания противостоят ценностям самовыражения, а традиционные ценности – секулярно-рациональным ценностям. Свободные выборы в этой системе относятся к категории ценностей самовыражения (self-expression values), которые являются неотъемлемой частью процесса эмансипации человека и противопоставляются ценностям выживания (survival values), которые проявляются в покорности власти и авторитаризме. Как ответ на кризис правопонимания, вызванный сомнениями в универсальности западных ценностей, российские исследователи А.Д. Харичев, А.Ю. Шутов, А.В. Полосин, Е.Н. Соколова сформулировали оригинальную, отличную от западной, модель ценностных доминант в российском обществе, названную ими «Пентабазис».[99] Последний включает ценности созидания (носитель ценности – человек), традиции (носитель – семья), доверия (носитель – государство), патриотизма (носитель – страна). В «Пентабазисе» выборы – это проявление доверия человека и общества к государству. Представляется, что данная теоретическая модель более применима к анализу современных избирательных процессов в различных странах. А.А. Мартынов, В.А. Лукушин,

[97] The Electoral Integrity Project [Электронный ресурс] : офиц. сайт / Department of Government and International Relations, University of Sydney. – Sydney, 2019. – Режим доступа: http://www.electoralintegrityproject.com (дата обращения: 01.02.2025)

[98] World Values Survey : Round Six – Country-Pooled Datafile / R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno [и др.] ; ed. by R. Inglehart [и др.]. – Madrid : JD Systems Institute, 2014. – URL: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp (дата обращения: 13.02.2026).

[99] Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 9–19.

Н.А. Тюков развили этот подход, применив его к своему анализу выборов. Они предложили отказаться от формального эталона в пользу анализа функциональности избирательных систем — то есть того, насколько точно выборы выявляют реальные предпочтения граждан с учётом национальной политической культуры. Их методология включает оценку реализации активного и пассивного избирательного права, организации избирательных процедур, масштаба и характера наблюдения, а также порядка подведения итогов.[100]

Широко распространена точка зрения, что на протяжении почти всей многовековой истории России в нашей стране отсутствовала устойчивая традиция демократической легитимации власти – свободных и гласных выборов.

Однако вопреки этому выборы в России имеют длительную традицию. Известный исследователь истории выборов в нашей стране И.В. Минникес прослеживает историю выборов в Российском государстве с начала IX.[101] Она выделяет начальный (IX–XV в.) этап генезиса выборов в древнерусском и удельном государстве, когда на Руси действовали процедуры «призвания» князя, замещения кафедры владыкой, «настолования» князей, избрание посадников, сотских, тысяцких, старост. Участие в выборах в этот период было правом свободных жителей без элементов принуждения, а выборы являлись наследием догосударственной эпохи.[102] Зачатки избирательного права, существовавшие в Древней Руси в виде вечевого строя, не «канули в лету» вместе с поглощением Новгородской и Псковской республик «самодержавным» Московским государством в XV веке. На втором этапе (XVI–XVII в.) широко реализовывался принцип выборности местного самоуправления: губных, земских, посадских, слободских властей, а также распространение получили общегосударственные совещания (соборы), в том числе так называемые «избирательные соборы» в ходе

[100] Участники Конгресса политологов сравнили избирательные системы разных стран // НОМ : [сайт]. — 09.12.2024. — URL: https://nom24.ru/info/events/uchastniki-kongressa-politologov-sravnili-izbiratelnye-sistemy-raznykh-stran/?ysclid=mlkzv8h36r887051357 (дата обращения: 13.02.2026).

[101] Минникес И.В. История выборов: избиратель и субъективное избирательное право // Академический юридический журнал. 2020. № 1 (79). С. 42.

[102] Минникес И. В. Избирать: право и обязанность (российские выборы X–XVII вв.) // Выборы в России и в мире: общество, право, технологии : материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 26–27 сентября 2024 г. / отв. ред. И.А. Минникес. Иркутск : Изд. дом БГУ, 2024. С. 80-88.

которых избирался государь.[103] Безусловно, Земский собор не был в полной мере прообразом современного парламентаризма, хотя на протяжении почти столетия выполнял роль легитимирующей инстанции, своего рода коллективного наблюдателя, удостоверяющего в специальном «постановлении об утверждении в царском чине» достоверность всего сложного ритуала «избрания на царство». Земские соборы как своеобразная форма сословного представительства перестали созываться уже во второй половине XVII века, так и не превратившись в постоянно действующий репрезентативный орган всего населения. Третий этап (XVIII – начало XIX в.), когда на основе опыта выборов органов земского и городского самоуправления и особенно после учреждения Государственной Думы в 1905 году происходил процесс важный своей «детальной правовой регламентацией, определенностью требований к избирателям и избираемым, конкретизацией важнейших стадий процедуры».[104] Учреждение Государственной Думы в 1905 году в условиях революции также не привело к утверждению всеобщего избирательного права. Её формирование осуществлялось по куриально-сословному принципу с использованием многостепенных выборов и многочисленных цензов, что, по экспертным оценкам, ограничивало круг избирателей 15% взрослого населения России.[105] Однако очевидно, что Государственная Дума как «первый опыт реальной системы общероссийского представительства» была «важнейшим завоеванием революции 1905 года».[106] Интересно, что уже тогда появилась норма, позволяющая избирателям присутствовать при подсчете голосов в городских избирательных участках, что напоминает современный институт электоральных наблюдателей.[107] В период Советской власти, несмотря на формальное закрепление в поздних советских конституциях «буржуазных» принципов всеобщего, равного, прямого и

[103] Там же. С. 80-88.
[104] Минникес И. В. Выборы в истории Российского государства в IX — начале XIX века. СПб. : Юридический центр Пресс, 2010. С. 11.
[105] Мироненко К. Н. Манифест 17 октября 1905 г. // Вопросы государства и права. Л., 1958. С. 158–179.
[106] Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX вв. / авт.-сост.: Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. В. Луговой ; под общ. ред. А. А. Вешнякова. М. : НОРМА, 2001. С. 485.
[107] Биктагиров Р. Т. Эволюция избирательной системы России: от выборов царской думы к выборам палат Федерального Собрания Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 3 (29). С. 11–46.

тайного избирательного права (знаменитой «четыреххвостки»), роль гражданина на выборах сводилась главным образом к выражению одобрения и поддержки единственного кандидата, выдвинутого правящей коммунистической партией.[108]

В период завершения советской эпохи в Законе СССР были впервые закреплены права представителей трудовых коллективов, общественных организаций, собраний избирателей, доверенных лиц и средств массовой информации на участие в заседаниях избирательных комиссий. Эти права включали возможность присутствовать при регистрации кандидатов в депутаты, подсчете голосов на избирательных участках, а также при подведении итогов голосования по избирательному округу и определении общих результатов выборов.[109] Исторический опыт создал достаточные условия для общественного признания ценности свободного выбора. Условия для реализации избирательных прав граждан в современном их понимании сложились в новой России.

Уже в новой России Конституция Российской Федерации 1993 года впервые закрепила **правовые гарантии** свободы, открытости, гласности выборов и достоверности волеизъявления граждан. В ее ключевых положениях устанавливались принципы электоральной демократии.

Как отмечал Ю.А. Веденеев, основные этапы формирования системы современного избирательного права и законодательства Российской Федерации в целом соотносятся с электоральными циклам по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Президента Российской Федерации,[110] соответственно: 1993 г.; 1995-1996 гг.; 1999-2000 гг.; 2003-2004 гг.; 2007-2008 гг.; 2011-2012 гг.; 2016-2018 гг.; с 2020 по настоящее время. При этом для России свойственна частая смена избирательной системы в поиске идеальной нормативной модели. Смешанная избирательная модель сменилась полностью пропорциональной в 2006 году, а затем снова

---

[108] Горылев А. И., Зеленое А. В. Особенности становления избирательного права в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 186.

[109] О выборах народных депутатов СССР : Закон СССР от 1 дек. 1988 г. № 9852-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 49. Ст. 727.

[110] Веденеев Ю. А. Развитие избирательной системы Российской Федерации: проблемы правовой институционализации // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 47.

вернулась в 2016 году. Главы субъектов Российской Федерации избирались до 2005 года, назначались законодательными собраниями по представлению Президента Российской Федерации с 2005 по 2012 годы, а с 2012 года снова избираются при условии прохождения «муниципального фильтра».[111] Электоральное наблюдение на выборах и референдумах являлось важной частью системы российского избирательного права и процесса на всех этих этапах. В этой связи многие исследователи предлагают рассматривать эволюцию электорального наблюдения узко, исходя из логики развития отрасли избирательного права и электорального наблюдения как его составной части (нормативистский подход).[112] Другие, в основном политологи, наоборот, широко, в контексте реализации права граждан на власть (бихевиористский подход).[113] Третьи, видят в основе развития практический опыт участия субъектов наблюдения и самих наблюдателей в общественном контроле (формально-догматический подход).[114] Последний определяет необходимость уточнения субъектного состава, определение функционала и пределов компетенций субъектов наблюдения и наблюдателей. Однако представляется, что электоральное наблюдение следует изучать комплексно, как важную часть доктрины избирательного права; важнейший компонент в механизме легитимации власти в избирательном процессе; заметную практику гражданской протестной активности на выборах и как инструмент борьбы за власть противоборствующих политических сил.[115] В этой связи смена основных нормативных моделей электорального наблюдения связана не только с электоральными циклами и внутренней логикой совершенствования электорального законодательства, но не меньшей степени она диктуется развитием

---

[111] Полянский В.В. Методы и принципы гармонизации публичной власти // Lex Russica. 2015. Т. CVIII, № 10. С. 42.

[112] Троицкая Т. В., Угланова О. А. История становления и развития института наблюдателей на выборах в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 65–71.

[113] Данилин П. В., Данилов В. Н. Наблюдение на выборах в контексте реализации права граждан на власть. Российский опыт // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1 (19). С. 53–66.

[114] Берлявский Л. Г., Махова А. В. Наблюдение на выборах в России: основные вехи становления и перспективы развития // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 3. С. 32.

[115] Институционализация общественного контроля на российских выборах: этапы, формы и механизмы, перспективы развития : доклад // Ассоциация «Независимый общественный мониторинг». URL: https://nom24.ru/dok_lists/ (дата обращения: 12.01.2025).

гражданского общества, политическими решениями властей, вызванными задачами партийного строительства, укрепления вертикали власти, стабилизации внутриполитической обстановки в стране, а также изменчивой внешнеполитической конъюнктурой. Справедливо отмечают А.С. Брод, О.В. Иванников и В.Л. Шаповалов, что изменения избирательного законодательства и электоральной практики являются «реакцией на совершенствование политической системы, динамику общественных отношений, изменения в социальной и демографической сферах, освоение научно-технических достижений».[116] Для описания эволюции электорального наблюдения подходит теоретическая описательная модель, предлагаемая рядом исследователей для оценки динамики развития всей политико-правовой системы Российской Федерации. В ней выделяется четыре стадии: либерализация, институционализация, стабилизация, оптимизация.[117] [118] [119] [120] На первой стадии происходит ускоренное внедрение демократических норм и принципов избирательного права и процесса; на второй институционализация законодательства в рамках «укрепления вертикали власти»; на третьей стадии его стабилизация в условиях роста неформальных практик участия в электоральном наблюдении и усиления внешнего давления на национальную избирательную систему; на четвертой – совершенствование избирательных процедур, пересмотр ряда неэффективных норм или приспособление их к российским особенностям с учётом достижений научно-технического прогресса.[121] В этой связи смена моделей наблюдения за выборами и

---

[116] Брод А. С., Иванников О. В., Шаповалов В. Л. Российское законодательство о выборах: основные этапы эволюции и приоритеты развития // Избирательное законодательство и практика. 2021. № 1. С. 3.

[117] Веденеев Ю. А. Развитие избирательной системы Российской Федерации: проблемы правовой институционализации // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 17-26.

[118] Мозгунова Е. А. Становление и развитие избирательной системы Российской Федерации в контексте эволюции норм электорального законодательства : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2006. 30 с.

[119] Любарев А. Е. Избирательная система и политические партии в регионах России // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 78.

[120] Институционализация общественного контроля на российских выборах: этапы, формы и механизмы, перспективы развития : доклад // Ассоциация «Независимый общественный мониторинг». URL: https://nom24.ru/dok_lists/ (дата обращения: 12.01.2026).

[121] Ниточкин Ф. В. Выборы - традиционная правовая и духовно-нравственная ценность или результат рецепции западных норм права? // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : сб. докл. XIV Моск. юрид. нед.: в 6 ч. М., 2025. Ч. 3. С. 161–165.

референдумами хронологически не всегда укладывается в рамки электоральных циклов и находится в тесной связи в целом с экономическими и политическими преобразованиями, развитием гражданского общества и правового государства в нашей стране. Конституционно-правовые основы России во многом отражают ценности западной либеральной демократической модели государственности, где приоритет отдаётся правам и свободам человека и гражданина (Глава 2 Конституции Российской Федерации). Однако при автоматическом переносе механизмов легитимации западного типа на почву общества, имеющего отличные от западной традиции историю и политическую культуру, происходит разрыв между нормативной (предписываемой) и действующей (традиционной) моделью легитимации. С этим связана эволюция, которую пережила российская избирательная система.

О.В. Парамонова предлагает периодизацию общественного наблюдения на основе логики его закрепления в российском избирательном законодательстве:

«1. 1993-2002 гг. – этап правового оформления института наблюдения на выборах и становление механизмов общественного контроля.

2. 2002-2011 гг. – этап «партизации» наблюдения на выборах, юридическая факультативность и практическое переосмысление форм и методов осуществления общественного контроля.

3. 2012-2017 гг. – этап формирования практик общественного наблюдения в качестве неотъемлемого элемента системы наблюдения за выборами.

4. 2017 - н.в. – этап правового закрепления и дальнейшего совершенствования системы общественного наблюдения за выборами».[122]

Соглашаясь с представленной общей схемой периодизации электорального наблюдения в России, предлагается выделить критерий достоверности волеизъявления избирателей в качестве детерминирующего признака его развития.

Первый этап (1993–2001 гг.). – период становления избирательного

[122] Парамонова О. В. Основные этапы институционализации общественного контроля за выборами в Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. С. 14-27.

законодательства. На этом этапе были сформированы правовые гарантии проведения демократических выборов, осуществлён переход от однопартийной системы к многопартийности и политическому плюрализму. Электоральное наблюдение выступало в качестве инструмента борьбы за власть между конкурирующими политическими силами. Этап был ознаменован принятием базовых законов: о гарантиях избирательных прав граждан,[123] о выборах депутатов Государственной Думы[124] и Президента Российской Федерации,[125] а также закона о местном самоуправлении,[126] закрепившего прямые выборы глав муниципалитетов или их избрание представительными органами. В эти годы началась разработка ГАС «Выборы»,[127] был сформирован институт независимых избирательных комиссий и создан Российский центр обучения избирательным технологиям (РЦОИТ), внесший значительный вклад в подготовку организаторов выборов и наблюдателей.[128]

Подготовка к принятию Конституции Российской Федерации 1993 года,[129] гарантирующей избирательные права граждан, сопровождалась Указом Президента, который впервые утвердил право избирательных объединений направлять наблюдателей на участки. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» (1994)[130] расширил круг субъектов, наделённых этим правом, включив в него общественные объединения и международных наблюдателей. Были закреплены ключевые права наблюдателей,

---

[123] Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ : утратил силу // СЗ РФ. 1994. № 33. Ст. 3406. (Утратил силу).

[124] О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 21.06.1995 № 90-ФЗ : утратил силу // СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 2398. (Утратил силу).

[125] О выборах Президента Российской Федерации : Федеральный закон от 17.05.1995 № 76-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1924. (Утратил силу).

[126] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ : утратил силу // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3506. (Утратил силу).

[127] О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21.09.1993 № 1400 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39. Ст. 3597.

[128] Об организации обучения кадров избирательных комиссий и других участников избирательного процесса : распоряжение Президента РФ от 01.11.1994 № 558-рп // СЗ РФ. 1994. № 28. Ст. 2975.

[129] О некоторых мерах по обеспечению государственной и общественной безопасности в период проведения избирательной кампании 1993 года : Указ Президента РФ от 01.10.1993 № 1557 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 41. Ст. 3913.

[130] Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ : утратил силу // СЗ РФ. 1994. № 33. Ст. 3406. (Утратил силу).

такие как присутствие на участке в день голосования, ознакомление со списками избирателей и право обжаловать действия комиссий.[131] Таким образом, впервые в России были установлены правовые гарантии гражданского контроля за выборами.

Получив законодательное закрепление, электоральное наблюдение стало прежде всего инструментом борьбы за власть. Как отмечали классики политической науки (С.М. Липсет, Й. Шумпетер),[132] [133] выборы являются формой управляемого конфликта и элементом политической конкуренции. Эта концепция была воспринята и российскими организаторами выборов. Например, председатель ЦИК России в 1999-2007 годах А.А. Вешняков, определял выборы так: «Всякие выборы – это выявление различных позиций, противоречий, которые возникли, накопились, выборы – это конфликт».[134] Роль политической конкуренции для развития демократии никогда не подвергалась сомнению руководством нашей страны: «Политическая конкуренция – это нерв демократии, ее движущая сила».[135] Вместе с тем партийно-политическая система в начальный период характеризовалась «высокой степенью фрагментации, отсутствием устойчивых идейных платформ, а также значительным влиянием конкретных политиков на формирование и жизнеспособность новых объединений».[136]

Наблюдатели, назначаемые политическими силами (в том числе общественными объединениями, которые до принятия закона о партиях в 2001 году участвовали в выборах), были политически ангажированы. Их задача состояла в сборе доказательств нарушений для последующего оспаривания результатов голосования в административном или судебном порядке. Созданная к 1995 году нормативная модель в целом соответствовала международным стандартам, что

---

[131] См.: О выборах Президента Российской Федерации : Федеральный закон от 17.05.1995 № 76-ФЗ : утратил силу // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1924. Ст. 20. (Утратил силу).

[132] Липсет С. М. Консенсус и конфликт: очерки по политической социологии / пер. с англ. М. : ИНИОН РАН, 1987. С. 10.

[133] Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ. М. : Экономика, 1995. 540 с.

[134] Вешняков А. А. Демократия грязи не боится [Интервью] // Российская газета. 2002. 24 окт. № 202. С. 4.

[135] Путин В. В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февр. № 6 (4805). С. 1. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1866753 (дата обращения: 15.01.2025).

[136] Заславский С. Е., Лукушин В. А. В поисках оптимальной шкалы: проблема описания и структурирования российской партийной системы // Власть. 2025. Т. 33, № 3. С. 128.

положительно оценивалось иностранными наблюдателями.

Второй этап (2002–2011 гг.) – период унификации и институционализации избирательного права и процесса, отражавший курс на укрепление государственности. Время определения политических партий как единственных коллективных участников избирательного процесса на федеральном и региональном уровнях, законодательного ограничения общественного наблюдения и преобладания партийного наблюдения за голосованием на выборах. В отсутствии общественных наблюдателей, обеспечивающих независимую оценку достоверности волеизъявления избирателей, к концу данного периода российская избирательная система столкнулась с кризисом своей легитимности.

В рамках курса на «укрепление вертикали власти» в 2000-е годы была проведена масштабная реформа: отменены прямые выборы губернаторов, введена полностью пропорциональная система на выборах в Государственную Думу, увеличен «заградительный барьер» для партий, претендующих на попадание в неё, ограничено представительство независимых членов в избирательных комиссиях. Принятие федерального закона о политических партиях[137] являлось «ключевой вехой данного периода, поскольку определило их в качестве единственной разновидности общественных объединений, имеющих право участвовать в выборах» на федеральном и региональном уровнях выборов.[138] «В результате политические партии стали обеспечивать формирование политически структурированных законодательных (представительных) органов государственной власти, призванных учитывать в своей деятельности широкий спектр социальных предпочтений».[139] Инициаторы реформы также объясняли эти меры необходимостью укрепления суверенитета, усиления роли партий и борьбы с негативной практикой избирательных блоков.

Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на

---

[137] О политических партиях: Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.
[138] Там же.
[139] Плигин В. Н. Этапы развития избирательного законодательства в Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. 2014. № 2. С. 3.

участие в референдуме граждан Российской Федерации»[140] (2002) детализировал статус наблюдателя, а закон о ГАС «Выборы»[141] (2003) предоставил им возможность сверять протоколы с данными, публикуемыми в Интернете. Однако ключевым изменением стало ограничение права общественных объединений назначать наблюдателей на федеральных выборах, что было расценено многими экспертами как шаг назад и отступление от международных обязательств.[142]

Третий этап (2012-2017 гг.) – период стабилизации избирательного права и процесса. В конце предыдущего этапа, вопреки усилиям властей определить жесткие законодательные рамки наблюдения, оно превратилось в неформальную практику электорального протеста, которую использовали как внутренние и внешние силы для дестабилизации обстановки, так и сама власть для гражданской мобилизации и противостояния этим попыткам.

На фоне роста гражданской активности и внешнего давления избирательная система пережила новую трансформацию. Избирательная реформа 2012–2014 годов, отчасти ставшая реакцией на массовые протесты 2011 года, привела к смягчению партийного законодательства, возвращению прямых выборов губернаторов и смешанной системы на выборах в Государственную Думу. Субъекты Федерации получили право самостоятельно определять избирательную систему, что привело к её разнообразию на региональном уровне.

Эти изменения, наряду с ростом недоверия к выборам, спровоцировали всплеск электорального протеста, который проявлялся в голосовании за оппозицию, абсентеизме и нигилизме (включая голосование «против всех»). После выборов 2011 года злоупотребление правом наблюдения с целью делегитимации избирательного процесса стало новой формой протеста. Для этого периода

---

[140] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

[141] О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации "Выборы" : Федеральный закон от 10.01.2003 № 20-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 172.

[142] См.: Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 21.Ст. 1919; Федеральный закон от 21.07.2005 № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. I). Ст. 3104.

характерен взрывной рост числа общественных организаций, специализирующихся в контроле за избирательным процессом, и гражданских наблюдателей, появление новых методик и проектов наблюдения, включая заимствованные из-за рубежа технологии экзит-поллов, «умного голосования» и «параллельного» подсчета голосов.

Четвёртый этап (с 2018 года по настоящее время) – период оптимизации и развития избирательного законодательства. В рамках общего курса на демократизацию избирательного процесса происходит трансформация электорального наблюдения в проект российского гражданского общества в форме независимого общественного контроля. Он характеризуется развитием политической конкуренции, повышением прозрачности избирательного процесса и развитием независимого общественного наблюдения. Ключевым нововведением 2018 года стало предоставление Общественной палате Российской Федерации и региональным общественным палатам права назначать наблюдателей на всех выборах.[143] Это преобразовало электоральное наблюдение в форму публичного общественного контроля. Возвращение общественным организациям и НКО возможности участвовать в наблюдении через взаимодействие с общественными палатами способствовало «суверенизации» этого сектора, снижению влияния западных фондов и росту доверия граждан к избирательным процедурам и их результатам.

*Таким образом,* ***механизм легитимации государственной*** *власти представляет собой упорядоченную систему воспроизводства власти на трех уровнях: субстанциональном, на основе принятия (и обновления) основного закона страны, а также иных основополагающих актов, регулирующих вопросы базовых прав и свобод человека, государственного устройства, идеологии, духовно-нравственных ценностей, исторической памяти; институциональном, путём формирования и наделения полномочиями политико-правовых институтов:*

[143] См.: Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253. Ч. 3, 4 ст. 30.

*правительства, парламента, суда, органов государственной власти, политических партий; персональном, через наделение властными полномочиями политических лидеров, получивших поддержку населения в ходе избирательного процесса.*

*Избирательный процесс является формой демократической легитимации государственной власти на персональном уровне указанного механизма, осуществляющейся путём наделения народом своих представителей властными полномочиями. Российская избирательная система как совокупность правовых институтов и норм, регулирующих избирательный процесс в нашей стране, прошла четыре стадии своего развития: либерализации, институционализации, стабилизации, оптимизации. На первой стадии происходило ускоренное внедрение демократических норм и принципов избирательного права и процесса; на второй – унификация и институционализация партийно-политической и избирательной систем; на третьей стадии их дальнейшее нормативное регулирование; на четвертой – совершенствование избирательных процедур, пересмотр ряда неэффективных норм или приспособление их к российским особенностям. На указанных стадиях важнейшую роль для электоральной легитимации государственной власти имела реально действовавшая и отличавшееся от нормативной модель электорального наблюдения.*

*Электоральное наблюдение последовательно являлось: на первой стадии – инструментом борьбы за власть противоборствующих политических сил; на второй – полномочием политических партий и кандидатов; на третьей – формой электорального протеста и инструментом провластной электоральной мобилизации; наконец, на четвертой, продолжающейся в настоящее время – массовым проектом российского гражданского общества.*

## 1.3. Достоверность волеизъявления избирателей как фактор легитимации государственной власти в избирательном процессе

В политико-правовом контексте легитимность власти основывается на **доверии** к ней граждан, принятии государственной власти населением страны, признании её права управлять, готовность ей подчиняться. Соответственно легитимность власти раскрывается через категорию доверия. После Конституционной реформы 2020 года в Российской Федерации доверие как правовая категория получила закрепление в статье 75.1 Основного закона. В указанной статье Конституции Российской Федерации взаимное доверие между обществом и государством рассматривается как базовая конституционная ценность наряду с гарантиями защиты достоинства граждан и уважения человека труда, сбалансированностью прав и обязанностей гражданина, социальным партнерством, экономической, политической и социальной солидарностью.[144] В недавнем исследовании ценностных установок молодёжи политологи А.Д. Харичев, А.Ю. Шутов, А.В. Полосин, Е.Н. Соколова установили, что доверие к государству в современной молодёжной среде воспринимается как «признание компетентности и эффективности власти», «признание открытости власти, уважительного отношения к человеку», «единство целей власти и общества», «доверие к демократическим процедурам» (выборам)».[145] В правовом смысле «механизмы обеспечения доверия – это, прежде всего система права и правоприменения».[146] А.Н. Кокотов справедливо отмечает, что доверие соединяется «с осознанием важности институтов контроля и ответственности».[147] В.В. Комарова указывает на важность дальнейшего практического закрепления

[144] Ниточкин Ф. В., Чумаков В. А. 20 лет Общественной палате Российской Федерации: прошлое, настоящее, будущее // Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 2 (36). С. 78–94.
[145] Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 9–19.
[146] Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России // Вестник Московского университета. 2014. № 1. С. 19–26.
[147] Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. М.: Юристъ, 2004. 192 с.

категории «доверия» в конституционно-правовой сфере и определения механизмов ее использования.[148] Соответствующее закрепление категория доверия получила в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в которых подрыв доверия к институтам государства рассматривается в качестве угрозы охраняемым государством духовно-нравственным ценностям. Такая угроза возникает в случае распространения деструктивной идеологии.[149] Разновидность деструктивной идеологии в форме электорального абсентеизма – сознательного отказа от голосования на выборах была серьезной проблемой для российского общества на протяжении нескольких десятилетий, сформировав категорию граждан принципиально не участвующих в голосовании, не доверяющих российской избирательной системе и распространяющих недостоверную информацию о нарушениях на выборах. Однако в последнее время ситуация с уровнем доверия к отечественной избирательной системе меняется в лучшую сторону.

Крупнейшее российское социологическое агентство Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на протяжении многих лет регулярно составляет рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных и общественных институтов, партий, а также рейтинги доверия к избирательной системе и результатам выборов. Опросы показывают, что динамика изменения уровня доверия граждан к политическим институтам, политическим лидерам и доверия к избирательной системе находится в прямой зависимости.

Электоральное поведение российских граждан свидетельствует о формировании устойчивой модели высокой вовлеченности в избирательный процесс. На президентских выборах 2024 года был зафиксирован рекордный уровень явки (77,4%) и поддержки действующего главы государства (87,28%).[150]

---

[148] Комарова В.В. Доверие как элемент социально-экономических преобразований — конституционно-правовые аспекты // Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая: колл. монография к 90-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2021. С. 47—59.

[149] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7861.

[150] Выборы в России: участие, легитимность, доверие: аналитический обзор // ВЦИОМ. 2023. 15 нояб.

Эти результаты не являются ситуативной аномалией, а подтверждаются долгосрочными социологическими трендами. Так, за период с 2020 по 2023 год доля россиян, заявляющих о доверии к выборам, выросла с 46% до 61%. Участие в голосовании становится для граждан устойчивой социальной нормой: 38% респондентов постоянно принимают участие во всех уровнях выборов, а каждый четвертый (25%) голосует при первой возможности. Лишь 10% населения принципиально игнорируют электоральные процедуры.[151] Положительную динамику демонстрирует оценка россиянами деятельности избирательных комиссий по итогам федеральных выборов: 83 % (в 2024 году), 80 % (в 2021), 66 % (в 2018), 47 % (в 2016).[152] Социологические замеры также показывают, что итоги голосования оказывают значительное влияние на общественные настроения, вызывая у большинства граждан позитивные эмоции — надежду (42%), радость (34%) и воодушевление (21%).[153]

Таким образом, на основе объективных данных можно констатировать, что институт выборов в России выполняет не только сугубо утилитарную функцию формирования органов власти, но и важнейшую социально-политическую роль. Для значительной части общества голосование воспринимается как акт гражданской солидарности, публичное подтверждение поддержки политического курса и ключевой механизм взаимодействия между обществом и государством.

Повышение доверия граждан к российской избирательной системе связывают с ростом **достоверности не только исключительно самого голосования, но и волеизъявления граждан в целом**. Такой рост доверия к выборам в значительной степени определяется расширением практики контроля за выборами, повышения гласности, открытости, прозрачности избирательных процедур. Краткая философская энциклопедия возводит достоверность к доверию

URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-rossii-uchastie-legitimnost-doverie (дата обращения: 09.12.2025).

[151] Там же.

[152]

[153] Выборы Президента РФ-2024: оценка результатов : аналитический обзор // ВЦИОМ. 2024. 19 марта. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-prezidenta-rf-2024-ocenka-rezultatov (дата обращения: 09.12.2025).

как психологическому свойству отсутствия сомнения: «Достоверность – убеждение, основанное на знании и исключающее всякое сомнение». Достоверность может быть субъективной (в вере), объективной (в науке), непосредственной (основанной на созерцании, собственном восприятии, собственном переживании – интуитивная достоверность) или опосредованной, исторической или логической (полученной посредством сообщения или мышления).[154] Исходя из общефилософской дефиниции термина, **достоверность в избирательном процессе** можно определить как объективное (основанное на наблюдении или анализе открытых данных о выборах), непосредственное (обусловленное собственным опытом участия в избирательном процессе в качестве избирателя, кандидата или наблюдателя) и доказательное (подтверждаемое результатами наблюдения, открытыми данными и электоральной статистикой) знание о подлинности (соответствии действительной воли избирателей) результатов голосования на выборах.

В избирательном праве и международных документах подлинность волеизъявления является устоявшимся и нормативно закреплённым понятием. Подлинность волеизъявления — подтверждение правильности выражения избирателем своей воли, а также соответствие выборов международным демократическим электоральным стандартам.[155] [156] Несфальсифицированность волеизъявления — отсутствие искажений волеизъявления, возможных в результате прямой фальсификации избирательных документов, итогов голосования и результатов выборов либо в результате ошибок, в том числе технических, которые совершают члены избирательных комиссий по неосторожности, в связи с невнимательностью или по другим причинам. Чаще всего подлинность волеизъявления удостоверяется международными мониторинговыми миссиями, а

---

[154] Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. С. 279.

[155] Митин Г.Н. К вопросу о принципах выборов, соблюдением которых может быть обусловлена их легитимность // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 4. С. 20.

[156] О стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств : конвенция от 07.10.2002 // Бюллетень международных договоров. 2006. № 2. Ст. 9.

его несфальсифицированность — судом. Однако подлинность и несфальсифицированность волеизъявления являются необходимыми, но не единственными условиями доверия к выборам и их достоверности.

Голосование на выборах и референдумах – волевой акт, в котором следует различать два элемента: волю (субъективный) и волеизъявление (объективный) избирателя. Понятия «воля» и «волеизъявление» соотносятся между собой как причина и следствие. Волеизъявление формализует волю избирателя путём осуществления юридически значимых действий в форме голосования или отказа от голосования на выборах.

Ещё в 2002 году Конституционный суд Российской Федерации указывал, что «оценка адекватности отражения в результатах выборов действительной воли избирателей» не сводится к «формальной проверке характеристик подлинности бюллетеней, правильности голосования и его количественных итогов» т.е. к проверке результатов состоявшегося голосования.[157] Также Конституционный суд Российской Федерации указывал на юридическую неопределённость формулировки «достоверность результатов волеизъявления избирателей», которая «позволяет правоприменителю отказываться при рассмотрении соответствующих споров от установления влияния обнаруженных существенных нарушений в ходе выборов на адекватное отражение действительной воли избирателей в итогах голосования, результатах выборов, что фактически приводит к отказу в эффективной судебной защите избирательных прав граждан и, следовательно, противоречит Конституции Российской Федерации».[158]

Оценочное понятие «действительная воля избирателей», впервые введённое в российское законодательство о выборах при принятии нынешней редакции Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права

---

[157] По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и статьи 92 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина А. М. Траспова : постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 2.

[158] Там же.

граждан на участие в референдуме Российской Федерации», подразумевает, что в процессе голосования должно быть выявлено свободно сформированное сознательное желание избирателя поддержать на выборах того, или иного конкретного кандидата, партию или не поддерживать никого. Сумма индивидуальных желаний избирателей определённого участка (территории, округа) формируют, таким образом их коллективную «действительную волю».

В теоретико-правовом анализе достоверности как соответствия официально зафиксированных результатов выборов действительной, свободно выраженной воле избирателей может быть полезна теория юридических фикций. Крупнейший исследователь юридических фикций О.В. Танимов рассматривает, в рамках одного из подходов, последнюю как прием юридической техники, заключающийся в условном признании определенного факта существующим для решения конкретных правовых задач.[159] В контексте избирательного права данный подход можно интерпретировать следующим образом: законодатель и правоприменитель исходят из того, что при соблюдении всех установленных процедур (голосования, подсчета голосов, подведения итогов) результаты выборов считаются достоверным выражением воли избирателей. Однако даже безупречное формальное соблюдение процедур не исключает полностью возможность ошибок, технических сбоев или скрытых злоупотреблений, способных исказить эту волю.

Таким образом, сама по себе декларируемая достоверность, не обеспеченная комплексом эффективных правовых средств верификации, оспаривания и защиты, рискует остаться лишь юридической фикцией — условным допущением, необходимым для стабильности правопорядка.

**Электоральная достоверность** достигается в избирательном (электоральном) процессе, который является частью более широкого механизма легитимации власти. Как отмечает Г.Н. Митин, легитимность выборов обусловлена соблюдением комплекса взаимосвязанных принципов избирательного процесса.[160]

---

[159] Танимов О. В. Теория юридических фикций : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 437 с.

[160] Митин Г. Н. К вопросу о принципах выборов, соблюдением которых может быть обусловлена их легитимность // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 4. С. 20.

Однако, в узком, практическом смысле, легитимной признаётся законная власть, образованная в соответствии с процедурой легитимации, предусмотренной правовыми нормами. Процедура или механизм легитимации власти в избирательном процессе должны быть обеспечены доверием к ним со стороны населения, то есть быть достоверными. В противном случае избирательный процесс не выполнит своего основного предназначения – формирование институтов и органов государственной власти на основе осознанного выбора граждан. Таким образом достоверность волеизъявления в процессе голосования на выборах и референдумах является детерминирующим фактором в механизме электоральной легитимации государственной власти.

**Достоверность волеизъявления** – субъективное избирательное право гражданина и, одновременно, ключевая, результирующая характеристика избирательного процесса. Исследователь конституционно-правовой природы этого явления О.А. Кравченко указывает, что достоверность волеизъявления определяет, что голос избирателей учтён в точном соответствии с состоявшимся волеизъявлением.[161] Достоверность волеизъявления конечно находится во взаимосвязи с другими субъективными правами и свободами избирателей: правом участвовать в выдвижении кандидатов, списков кандидатов, правом избирать и быть избранным, в общественном контроле за избирательными процессами, а также, с объективными принципами организации избирательного процесса: прямого, равного, всеобщего избирательного права при тайном голосовании, свободы, обязательности, периодичности и альтернативности выборов, добровольного участия в них. Достоверность определяется психологическим свойством доверия, убеждённости в свободном и независимом характере формирования воли избирателя и правильности учёта результатов его голосования.

Весь смысл принципов электоральной демократии утрачивается, если официальные результаты выборов не отражают действительного волеизъявления избирателей. Искажение воли народа в итогах голосования приводит к системному

---

[161] Кравченко О. А. Конституционно-правовые гарантии обеспечения достоверности волеизъявления народа при голосовании. М. : Проспект, 2017. С. 45.

кризису легитимности: органы публичной власти, сформированные по результатам таких выборов, не могут считаться законными представителями суверена — народа, а сама процедура выборов перестаёт быть высшим непосредственным выражением его власти.

Представляется, что именно право на достоверность волеизъявления является важнейшим среди всех избирательных прав. Достоверность волеизъявления достигается в избирательном процессе в целом. То есть, например, не могут быть признаны достоверными результаты выборов, если от участия в выборах на стадии регистрации или предвыборной агитации был неправомерно отстранён кандидат, пользующийся доверием и представляющий значимую группу избирателей. Избирательный процесс рассматривается его исследователями прежде всего как «**юридический процесс**» «развернутых во времени и в пространстве избирательных действий и процедур, совершаемых многочисленными субъектами избирательного права в порядке и сроки, определенные законом».[162] [163]

Юридическая природа избирательного процесса определяет совокупность юридических действий и процедур, осуществляемых субъектами избирательного права в период кампании по выборам органов государственной и муниципальной власти, их должностных лиц. Эти действия и процедуры обладают свойствами:

– строгой регламентированной и формальной определённости;

– стадийности процесса, наличия и взаимосвязанности этапов, определённости их временных рамок и промежуточных и окончательных результатов;

– обеспечения исполнения государственной воли, выраженной в актах, принятых участниками процесса и другими компетентными органами;

– направленности на реализацию материальных правовых норм.

Достоверность выборов таким образом основывается на легитимности (законности и корректности, народном признании) применяемых избирательных

---

[162] Биктагиров Р. Т. Избирательный процесс как вид юридического процесса: теоретические проблемы становления // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1 (15). С. 143.

[163] Гетманская О. Ю. Избирательный процесс как разновидность юридического процесса: легитимация решений посредством процедур // Избирательное законодательство и практика. 2024. № 1. С. 2-9.

действий и процедур, их соответствия международным избирательным стандартам и национальному праву. Ключевым фактором достоверности является общественный контроль за легитимностью избирательного процесса на всех его стадиях. Но прежде всего на тех из них, в рамках которых осуществляется **непосредственное выявление воли избирателя**, то есть на стадии голосования, подсчёта голосов (включая суммирование данных избирательных бюллетеней) и подведения итогов голосования. В этой связи очевидно, что основное внимание должно быть направлено на обеспечение чистоты, прозрачности избирательного процесса и действенного гражданского контроля за точным соблюдением избирательных процедур (законностью) на этих этапах избирательного процесса.

Соблюдение указанных принципов в теории должно обеспечить достоверность голосования. Однако на практике основные положения, обеспечивающие электоральную демократию в нашей стране, закреплённые в Конституции Российской Федерации, международных договорах и конвенциях, постановлениях и определениях Верховного суда Российской Федерации и Конституционного суда Российской Федерации, нуждаются в защите. Гарантиях, обеспечивающих полную защиту волеизъявления от искажения, профанации, злоупотреблений правом, в том числе гарантий достоверности волеизъявления граждан. Исследователи выделяют конституционно-правовые, организационные или процедурные и процессуальные гарантии достоверности голосования.

Конституционно-правовые гарантии избирательных прав непосредственно вытекают из положений Конституции Российской Федерации. Согласно ст. 3, носителем суверенитета и единственным источником власти является её многонациональный народ, а высшим непосредственным выражением власти народа — референдум и свободные выборы. Ст. 32 закрепляет право граждан избирать и быть избранными, а также участвовать в референдуме. Более конкретизированная норма содержится в ч. 1 ст. 81, которая устанавливает, что Президент Российской Федерации избирается на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Таким образом, конституционные нормы формируют фундаментальный правовой каркас, выход за

пределы которого свидетельствует о нарушениях, ставящих под сомнение легитимность итогов голосования.

Организационные гарантии представляют собой создаваемую государством систему условий и процедур, обеспечивающих реальное воплощение конституционных принципов на практике. Их цель — создать справедливые и равные условия для реализации избирательных прав, точный учет голосов и, как следствие, легитимацию органов власти. Эти гарантии реализуются законодателем через детальную регламентацию избирательного процесса, который должен отвечать требованиям честности, прозрачности, открытости и безопасности, а также предотвращать возможные злоупотребления.[164]

Процессуальные гарантии — это система правовых средств, обеспечивающих судебную защиту избирательных прав и восстановление нарушенной законности. Как верно отмечают Л.В. Тихомирова и М.Ю. Тихомиров, это гарантии «надлежащего отправления правосудия».[165] В контексте избирательного права их суть заключается в обеспечении возможности оспорить нарушения, допущенные в ходе голосования или подсчета голосов, и добиться либо восстановления достоверного волеизъявления избирателей, либо отмены незаконных результатов выборов. Ключевая роль в оценке существенности этих нарушений принадлежит вышестоящей избирательной комиссии и суду, который, действуя на основании закона, принимает окончательное решение.

В основе правоприменительной практики избирательных комиссий и судов лежит принцип соразмерности (пропорциональности). Он предполагает, что юридические последствия нарушения должны соответствовать его масштабу и влиянию на результаты волеизъявления. Ключевым критерием здесь является существенность нарушения. Далеко не каждое отступление от процедуры признается достаточным для отмены результатов выборов. Основанием для такого решения может служить только нарушение, которое не позволяет с достоверностью

---

[164] Ниточкин Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием в механизме обеспечения избирательных прав граждан // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 2 (32). С. 62–76.

[165] Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1998. С. 374.

установить подлинную волю избирателей на конкретной территории (участке, округе). Классическим примером, иллюстрирующим этот принцип, является ситуация, когда на избирательном участке с двумя тысячами проголосовавших выявлено нарушение, исказившее волю лишь двух избирателей. В таком случае отмена результатов голосования была бы непропорциональной мерой, поскольку не влияет на общий итог. Более того, она нарушила бы права добросовестного большинства, принудив его к повторному голосованию из-за незначительного инцидента. Таким образом, соразмерность служит барьером против злоупотреблений правом на обжалование и обеспечивает стабильность избирательного процесса.

Для установления достоверности волеизъявления используются процессуальные правовые средства, которыми обладают избирательные комиссии и суды. Однако субъективное усмотрение суда при рассмотрении схожих нарушений, возложение бремени доказывания на истца, не обладающего первичными (бюллетень голосования) и вторичными (протокол голосования) документами, отображающими волю избирателя, сопряженное с необходимостью истребования судом указанных документов у избирательных комиссий, узкие рамки избирательного или референдумного процесса, которыми ограничен суд в принятии своего решения, делают судебную систему недостаточно эффективной для разрешения избирательных споров. В этих условиях целесообразно сместить акцент с судебного разбирательства на досудебное урегулирование избирательных споров и медиацию избирательных конфликтов.

Категория достоверности определяет **меру допустимости искажения результатов голосования**, при превышении которой, мы уже не можем считать выборы на определённом участке, территории или в субъекте Российской Федерации состоявшимися законно. Значимой проблемой современной теории и практики избирательного права и процесса является определение существенности тех или иных нарушений для признания выборов недействительными. В этих условиях исследователями предлагаются различные варианты повышения достоверности волеизъявления граждан в процессе голосования.

В частности, предлагается дополнить организационные гарантии, которые определяют процедурные и технологические условия реализации активного и пассивного избирательного права, возможностью избирателю самостоятельно проверить правильность учёта его голоса. Для этого необходимо ввести нумерацию избирательных бюллетеней, чтобы при голосовании каждый избиратель мог знать номер своего бюллетеня и убедиться, что его голос учтён верно. Однако предложения по деанонимизации голосования входят в противоречие с принципом тайны голосования, который предполагает полное обезличивание «голоса» избирателя. Кроме того, это создаёт условия для давления на избирателя со стороны властей, работодателей или злоумышленников. Ряд исследователей предлагает определить долю погрешности в 1% от числа проголосовавших существенной для признания выборов недействительными.[166] Однако представляется, что введение такой нормы погрешности нарушит баланс прав и обязанностей избирателей, перегрузит избирательную и судебную систему, послужит в целом дестабилизации общественно-политической обстановки в стране.

Учитывая, что электоральный абсентеизм существенным образом искажает результаты голосования профессор В.В. Полянский рассматривает введение обязательности голосования на выборах для повышения их легитимности. Он констатирует: «К сожалению, нередко выборы демонстрируют несогласие общества с государством (низкая явка – главный показатель). В отсутствие юридической обязанности граждан голосовать фактор явки становится инструментом манипуляций со стороны политически активных групп как до, так и во время и после выборов, как внутри, так и за пределами России».[167] На сегодняшний день обязательность голосования законодательно закреплена в 29 стране мира, что составляет примерно 10 % от общего числа государств, в том

---

[166] Кравченко О.А. Конституционно-правовые гарантии обеспечения достоверности волеизъявления народа при голосовании. М.: Проспект, 2017. С. 155.

[167] Полянский В.В. Конституционные гарантии государственной целостности и единства системы государственной власти: правовое и политическое содержание // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 5. С. 16-22.

числе в некоторых странах Европы (Бельгия, Греция, Люксембург) и странах Южной Америки (Аргентина, Бразилия, Боливия). При этом в 10 странах данная обязанность была отменена. Обязательность голосования действительно положительно сказывается на явке, качестве представительства на выборах, но вызывает существенные вопросы о соблюдении принципа свободы волеизъявления.[168]

Также предлагается рассматривать дела об искажении волеизъявления народа судом только с участием присяжных заседателей. Исследователи полагают, что это «сделает процесс действительно публичным, полностью исключит формальное рассмотрение дела без представления доказательств избирательными комиссиями (которые, по существу, находятся у них)».[169] Однако присяжные заседатели рассматривают уголовные дела об убийстве, умышленном тяжком вреде здоровью, повлекшем смерть и другие дела, связанные с соревнованием сторон и наглядным представлением и исследованием их доказательств в суде. В случаях уголовных преступлений против жизни и здоровья, имущества конкретных граждан присяжные могут самостоятельно принять решение о виновности либо невиновности подсудимого на основе требований закона, здравого смысла и своих представлений о справедливости. Судебный процесс в отношении нарушений процедур голосования вряд ли предоставит им такую возможность. Достоверность волеизъявления не может быть установлена путём документальной проверки бюллетеней – первичных документов, отражающих волеизъявление избирателей, поскольку тем самым будет нарушен принцип тайны голосования. Проверка же в досудебном и судебном порядке вторичных документов о голосовании – протоколов о голосовании участковых избирательных комиссий, может не дать требуемого результата. Во-первых, данные в них могут быть неправильно внесены, искажены или фальсифицированы на стадии подсчёта голосов. Во-вторых, время

---

[168] «Негражданство»: модели преодоления электорального абсентеизма и повышения ответственности гражданского выбора. М.: Экспертный институт социальных исследований (ЭИСИ). URL: https://eisr.ru/upload/iblock/e6f/e6f24edda3e25370cf5a183597fdcb8d.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[169] Кравченко О.А. Модель защиты средствами судебного процесса достоверного волеизъявления народа от искажения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 4. С. 95–114.

для обжалования действий избирательных комиссий либо иных участников избирательного процесса ограничено узкими временными рамками данной стадии избирательного процесса. Решение избирательной комиссии, комиссии референдума об итогах голосования может быть оспорено в течение 10 дней.[170]

В этих условиях серьёзной гарантией достоверности волеизъявления может быть только **включённое наблюдение,** осуществляемое во время голосования и подсчёта голосов прямо на избирательных участках электоральными наблюдателями из числа граждан, обладающих активным избирательным правом. В социологии под включённым наблюдением (англ. participant observation) понимается качественный метод исследования, который позволяет проводить полевое изучение индивидов в их естественной среде и в повседневных жизненных обстоятельствах, то есть изучение социальной группы «изнутри». Преимущество включённого наблюдения за голосованием на выборах, осуществляемого избирателями, получившими специальный статус наблюдателей, заключается в их мотивации, связанной с их личной заинтересованностью в исходе процесса голосования. При этом эта заинтересованность может быть двух видов. Первая, определяется **социоцентрическими мотивами**, ориентирующими человека на достижение общественного блага и, вторая, связанная с **эгоистическими мотивами** индивида или отдельных групп. Эгоистические мотивы характерны для партийного наблюдения, которое реализуют наблюдатели, назначенные конкурирующими политическими силами, партиями и кандидатами. Социоцентрические мотивы преобладают в независимом общественном наблюдении, которое осуществляется общественными непартийными наблюдателями.[171]

В мире существуют два принципиально различных подхода к организации национального (внутригосударственного) электорального наблюдения. Первый

---

[170] О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 22 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 9.

[171] Ниточкин Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием в механизме обеспечения избирательных прав граждан // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 2 (32). С. 62–76.

подход характеризуется контролем над процессом выборов со стороны власти и конкурирующих политических участников: партий, кандидатов, и организаторов, а также допуском к наблюдению за выборами международных (иностранных) наблюдательных миссий. Второй подход предусматривает введение системы дополнительного контроля со стороны гражданского общества через общественное наблюдение. Первый подход реализуется в крупнейших европейских демократиях, таких как Германия, Италия и Франция. Например, во Франции организатором выборов является Министерство внутренних дел, которое обеспечивает все организационные мероприятия, регулирует проведение выборов, собирает и анализирует результаты выборов и представляет их средствам массовой информации. Департамент по выборам МВД Италии регистрирует эмблемы политических партий, контролирует изготовление бюллетеней и другой избирательной документации, готовит руководство для председателей участковых избирательных комиссий. В Германии Федеральный министр внутренних дел непосредственно не организует выборы, но издает Федеральный избирательный закон и обеспечивает единообразие процедур на всей территории Германии.

При этом электоральные эксперты в странах, где общественное наблюдение не урегулировано специальным законодательным или подзаконным нормативным правовым актом ссылаются на то, что такого регулирования в принципе не требуется. Например, шведское государственное учреждение, занимающееся распространением информации о Швеции в мире, «Шведский институт» поясняет: «Если вы сомневаетесь в том, что выборы проходят честно, приходите на любой участок для голосования и наблюдайте за тем, как все проходит. Да-да, именно вы: наблюдателем может стать и подданный Швеции, и гражданин другой страны. Единственное правило, которое при этом нужно соблюдать, — не мешать процессу выборов, то есть не загораживать урны от голосующих, не отвлекать их расспросами, не создавать давку».[172] Однако отсутствие у таких «стихийных»

[172] Выборы в Швеции: 10 особенностей // Sweden.se : офиц. сайт Швеции. URL: https://ru.sweden.se/lyudi-i-obschestvo/demokratiya/vybory-v-shvecii-10-osobennostej (дата обращения: 11.01.2026).

наблюдателей специальных знаний, соответствующей подготовки, стандартов и методик наблюдения, свободного времени и просто мотивации может стать непреодолимым препятствием на пути реализации столь «широких» полномочий общественного наблюдения. Немецкий электоральный эксперт Хельмут Веллер так поясняет, почему немногие пользуются полномочиями общественного наблюдения: «На самом деле, наблюдать за выборами у нас просто очень скучно».[173]

Второй подход характерен для стран, которые не относят к демократиям «классического» западного образца. В них, напротив, предполагается активное участие общества в контроле за процессом выборов. В Декларации глобальных принципов непартийного наблюдения за выборами и мониторинга со стороны общественных организаций указывается, что «Организация избирательного процесса, открытого для общественного наблюдения, принципиально важна, поскольку граждане не только имеют право на подлинные выборы, но и право знать, обеспечивает ли избирательный процесс свободное волеизъявление избирателей и точно ли он фиксирует и исполняет их волю».[174]

При этом общественное наблюдение также бывает двух типов. Первый, связан с глобалистскими усилиями ряда стран и международных организаций по внешнему контролю за национальными избирательными процессами. По данным Глобальной сети национальных наблюдателей за выборами (ГСННВ), созданной в 2009 году под руководством Национального демократического института международных отношений (США)[175], на 2018 год её членами были 251 организации в 89 странах и территориях (преимущественно в странах Азии, Африки, Восточной Европы).[176] В значительной степени эти организации являются политическими, часто выполняя функции иностранных агентов. В этой связи стоит

[173] Красинский В. В. Общая характеристика основ избирательного законодательства Федеративной Республики Германии. URL: http://krasinskiy.ru/Deutschland1.DOC (дата обращения: 11.01.2026).
[174] Декларация глобальных принципов непартийного наблюдения за выборами и мониторинга со стороны общественных организаций. 2012. URL: https://gndem.org/ru/declaration-of-global-principles/ (дата обращения: 25.12.2025).
[175] Деятельность данной организации признана нежелательной на территории России
[176] О деятельности Глобальной сети национальных наблюдателей за выборами (ГСННВ) см.: [Электронный ресурс]. – URL: https://gndem.org/ru/members/ (дата обращения: 11.01.2025).

согласиться с мнением электоральных экспертов, полагающих, что для России «бесконтрольный допуск к наблюдению за выборами любых желающих недопустим. Так как создает слишком много рисков и возможностей для вмешательства в наши избирательные практики»[177]. В этой связи оптимальной выглядит процедура «сертификации» организаций и отдельных наблюдателей через Общественную палату Российской Федерации, выдача мандата наблюдателям от партий, а также выдача разрешений для СМИ».[178] Второй тип подразумевает суверенное общественное наблюдение как часть национальной политико-правовой и избирательной систем. По оценкам Ассоциации «Независимый общественный мониторинг» в настоящее время общественное наблюдение на постоянной и юрисдикционной основе применяется в порядка 20 стран мира, среди них: Азербайджан, Армения, Афганистан, Белоруссия, Болгария, Босния и Герцеговина, Иордания, Иран, Латвия, Ливан, Монголия, Норвегия, Россия, Румыния, Сев. Македония, Словакия, Хорватия.[179] Еще в нескольких странах (Ирландия, США, Швейцария) общественное наблюдение действует на отдельных территориях или в отдельных, оговоренных законом случаях (Бахрейн, Великобритания, Саудовская Аравия). В тех странах, где общественное наблюдение является важным элементом национального избирательного процесса, число наблюдателей на участках значительно больше чем в государствах, где общественное наблюдение специальным образом не урегулировано, и они обладают широкими правами, включая право на доступ к информации и право на участие в контроле за подсчетом голосов. Это позволяет общественности следить за соблюдением избирательных процедур и оперативно реагировать на возможные нарушения.

**Роль электорального наблюдения** в избирательном процессе таким образом определяется его значением для повышения конкурентности, открытости,

---

[177] Данилин П. В., Данилов В. Н. Наблюдение на выборах в контексте реализации права граждан на власть. Российский опыт // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1(19). С. 53.
[178] Там же. С. 53–66.
[179] Институт общественного наблюдения в законодательстве и практике зарубежных стран : доклад // Ассоциация «Независимый общественный мониторинг». URL: https://nom24.ru/upload/iblock/65c/65cbc63536e48f52f3efb2c511b66489.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

прозрачности избирательного процесса, снижения количества нарушений на избирательных участках, что является основанием **достоверности волеизъявления граждан** и как следствие – и **легитимности избирательного процесса.** *В настоящее время функция общественного наблюдения в механизме легитимации государственной власти заключается в обеспечении* ***доверия*** *к избирательному процессу через создание и реализацию дополнительных организационно-правовых гарантий* ***достоверности*** *волеизъявления избирателей.*

# Глава 2. Институт электорального наблюдения в механизме легитимации власти

## 2.1. Электоральное наблюдение как форма общественного контроля за избирательным процессом

В широком смысле, за ходом избирательного процесса могут наблюдать и давать ему оценку различные заинтересованные стороны. К ним относятся члены избирательных комиссий с правом решающего или совещательного голоса, избиратели, представители правоохранительных органов и СМИ, а также непосредственные участники кампании — кандидаты, политические партии, их доверенные лица и финансовые уполномоченные. Кроме того, в этот круг входят общественные организации, иностранные (международные) наблюдатели, электоральные эксперты, политтехнологи и другие лица. Широко трактует электоральное наблюдение ряд оппозиционных партий, вводя неюридический термин «участник наблюдения», относя к ним «члена комиссии с правом решающего голоса, наблюдателя, кандидата или представителя СМИ, участвующего с целью обеспечения честных выборов».[180] Однако полномочия участников избирательного процесса ограничиваются той ролью, которую они играют в избирательном процессе, целью их присутствия и временем нахождения на избирательных участках, доступом к избирательным процедурам и электоральной статистике. Как правило, их «наблюдение» носит субъективный характер, а свидетельства о ходе избирательного процесса ограничены функциональными обязанностями или нуждаются в дополнительной проверке и соотнесении с нормами действующего законодательства.

Под электоральным наблюдением в узком, определённом законом смысле, понимают наблюдение за выборами и референдумами, которое осуществляется специально подготовленными и уполномоченными наблюдателями. Такие

[180] Памятка участника наблюдения в УИК на выборах Президента. 14 сентября 2025 г. город Москва (для УИК без КОИБ) / КПРФ. URL: https://kprf.ru/m/att/2025/08/pamiatka_uik_s_koib_2025.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

наблюдатели могут назначаться политическими партиями и кандидатами, а также субъектами общественного контроля из числа избирателей, имеющих активное избирательное право. Также по приглашению государственных органов на участках могут присутствовать иностранные (международные) наблюдатели. Электоральное наблюдение, осуществляемое Общественной палатой Российской Федерации и общественными палатами субъектов Российской Федерации, в настоящее время выполняет важнейшую функцию обеспечения общественного контроля за избирательным процессом, обеспечивая достоверность волеизъявления избирателей и доверие к нему граждан.

Принятие Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Закон об основах общественного контроля) стало серьезным шагом на пути развития гражданского общества в Российской Федерации и своего рода актом взаимного доверия между государственной властью и российским гражданским обществом.[181] Это доверие граждан к государственным институтам, а также способность общественных институтов создать эффективные каналы «обратной связи» с государственной властью. Согласно определению А.Е. Постникова сегодня «общественный контроль — совокупность закрепленных в законодательстве организационно-правовых институтов и механизмов, которые позволяют гражданам и их объединениям осуществлять наблюдение и оценивать деятельность органов публичной власти на предмет соблюдения интересов гражданского общества и прав человека».[182]

Закон об основах общественного контроля принимался как **рамочный**, то есть устанавливающий правовые основы организации и гарантии осуществления контроля за деятельностью органов власти всех уровней, государственных и муниципальных учреждений, иных органов и юридических лиц, осуществляющих публично значимые функции. Он, однако, имеет ряд **отсылочных норм** и

---

[181] Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213.

[182] Общественный контроль в конституционном праве: монография / отв. ред. А.Е. Постников. М.: Проспект, 2024. С. 22.

существенных изъятий в части публичных отношений, регулируемых отдельными законодательными актами.

Так, в ч. 3 ст. 2 Закона об основах общественного контроля указывается, что его действие не распространяется на общественные отношения, регулируемые законодательством о выборах и референдумах. Соответственно для учёта специфики общественного контроля в электоральной сфере требовалось внесение изменений в отраслевое законодательство.[183]

Электоральные отношения – одна из немногих сфер общественных отношений, где вопросы общественного контроля, включая порядок его осуществления, полномочия и статус его субъектов, были системно урегулированы законодателем в отраслевом законодательстве уже после принятия Закона об основах общественного контроля и в развитие его ключевых положений. Основная цель общественного контроля на выборах – «содействие развитию демократических процедур и обеспечению формирования и устойчивого функционирования властных институтов, имеющих высокую степень легитимности благодаря участию общественного контроля».[184]

Общественным контролем в настоящее время охвачены процедуры голосования, подсчета голосов и установления итогов голосования на участковых и вышестоящих избирательных комиссиях, то есть те стадии избирательного процесса на которых определяется волеизъявление избирателей. Общественный контроль осуществляется в отношении всех форм голосования, как непосредственно на избирательных участках при голосовании в помещении для голосования, так и вне помещения для голосования, например, на дому, а также при применении дистанционного электронного голосования.[185]

В последнее время появилось значительное количество диссертационных исследований, посвященных различным аспектам общественного контроля за

---

[183] Ниточкин Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием в механизме обеспечения избирательных прав граждан // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 2 (32). С. 62–76.
[184] Общественный контроль на выборах. Учебное пособие / Под общ. ред. В.В. Полянского и И.Б. Борисова. М.: Бахрах-М, 2015. С. 32.
[185] Ниточкин Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием в механизме обеспечения избирательных прав граждан // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 2 (32). С. 62–76.

выборами. Е.В. Бердникова представляет общественное наблюдение за выборами как своего рода «электоральный краудсорсинг».[186] К.П. Киреев определяет его как «подфункцию общественного контроля и правозащиты».[187] А.В. Булгакова и Н.Г. Рагимов детально описывают организационно-правовые основы организации общественного контроля и наблюдения на выборах, оцениваются перспективы совершенствования инфраструктуры общественного наблюдения.[188] С.Е. Заславский и О.В. Парамонова рассматривают сформированную систему «институтов общественного контроля как устойчивую систему отношений по мониторингу, оценке, экспертизе избирательного процесса, реагированию на возможные проблемы и возможные отступления от требований избирательного законодательства, разрешению возникающих проблемных ситуаций в восстановлении требований законодательства».[189]

Ряд исследователей, однако, полагает, что развитие отраслевого законодательства действительно привело к созданию системной модели, но её главной характеристикой является не всеобъемлющий охват, а концентрация на финальной стадии избирательного процесса. Это формирует её «узкое место»: несмотря на детальную регламентацию наблюдения за голосованием и подсчетом голосов, не менее важные для достоверности выборов этапы (формирование комиссий, составление списков, регистрация кандидатов) остаются вне поля массового и эффективного общественного контроля, что ограничивает его общий потенциал по обеспечению легитимности.

Различные стадии избирательного процесса в различной степени охвачены электоральным наблюдением. К тому же статус и полномочия электоральных наблюдателей, назначенных различными субъектами, различаются в зависимости

---

[186] Бердникова Е. В. Общественный контроль в конституционно-правовом взаимодействии публичной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. С. 6.

[187] Киреев К. П. Институт наблюдения в публично-правовых отношениях: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Белгород, 2025. С. 8.

[188] Булгакова А. В., Рагимов Н. Г. Инфраструктура общественного наблюдения на выборах в России // Избирательное законодательство и практика. 2021. № 4. С. 23–24.

[189] Заславский С. Е., Парамонова О. В. Общественный контроль в избирательном процессе: вопросы политической и правовой институционализации // Власть. 2025. № 6. С. 68.

от субъекта их назначения. Для «внутренних» наблюдателей, назначенных политическими партиями, кандидатами и субъектами общественного контроля, наблюдение возможно лишь на финальных стадиях электорального цикла, а именно во время голосования, подсчета голосов и определения результатов голосования. В соответствии с российским законодательством полномочия иностранных (международных) наблюдателей не отличаются от полномочий наблюдателей, назначенных от российских политических партий, кандидатов и субъектов общественного контроля.[190] Однако международные наблюдатели на основании полученного от Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации или Центральной избирательной комиссии Российской Федерации приглашения, и, руководствуясь внутренними рекомендациями по осуществлению наблюдения, фактически могут развертывать свои наблюдательные миссии в предвыборный период, период голосования, а также послевыборный период.[191] Также, давая оценку результатам своего наблюдения в докладах, рекомендациях, руководствах, они имеют возможность самым непосредственным образом влиять на избирательный и политические процессы в суверенных государствах. Кроме того, деятельность гражданина Российской Федерации по наблюдению на соответствующих выборах ограничивается наличием у него на этих выборах активного избирательного права, а иностранные (международные) же наблюдатели могут осуществлять наблюдение на выборах любого уровня по всей территории Российской Федерации.

В этой связи следует дать определение понятию «электоральное наблюдение» и указать на различие в его трактовке в России и за рубежом.

**Электоральное наблюдение** (или наблюдение за выборами и референдумами) в России – это форма организованного негосударственного контроля за соблюдением законности избирательных процедур и реализацией избирательных прав граждан при осуществлении голосования и подсчета голосов

---

[190] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253. Ч. 6 ст. 30.

[191] О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740. Ст. 34.

на выборах и референдумах, установления его итогов, определения результатов выборов, референдума, включая деятельность комиссии по проверке правильности установления итогов голосования и определения результатов выборов, субъектами контроля, предусмотренными законодательством о выборах, осуществляемого без вмешательства в деятельность организаторов избирательного процесса. Таким образом, в Российской Федерации электоральное наблюдение осуществляется на этапах голосования и подсчета голосов, то есть там и когда непосредственно осуществляется волеизъявление граждан. На других этапах негосударственный контроль осуществляется в форме электоральной экспертизы, мониторинга обеспечения избирательных прав граждан, законности и непротиворечивости избирательных процедур и др.

**Электоральное наблюдение** (или наблюдение за выборами и референдумами) в соответствии с международной терминологией – это мониторинг избирательного процесса на всех его этапах, организуемый неправительственными организациями (международными или национальными), для оценки его соответствия международными стандартами и принятым страной обязательствами в сфере обеспечения гражданских и политических прав человека. Международные (иностранные) организации и органы европейских межгосударственных объединений понимают под электоральным наблюдением процесс контроля соответствия избирательного процесса международным стандартам на всех его этапах. Международное электоральное наблюдение в практике западных наблюдательных миссий осуществляется в широком контексте, то есть за соблюдением в ходе избирательного процесса обязательств в области «человеческого измерения», в том числе в сфере противодействия дискриминации национальных меньшинств, поддержки политической конкуренции и плюрализма, свободы СМИ, мирных собраний, гендерного равенства и др. Международные наблюдательные миссии готовят по итогам наблюдения и экспертизы электорального законодательства в странах присутствия рекомендации и руководства для наблюдателей по вопросам: совершенствования законодательной базы выборов, регистрации избирателей, финансирования избирательных

кампаний, участия национальных меньшинств в избирательном процессе, мониторинга средств массовой информации и др.[192] Нежелание или невозможность в силу особенностей национального законодательства государств выполнить все или часть выработанных наблюдательными миссиями рекомендаций в дальнейшем представляется как отступление от международных обязательств и демократических принципов.

Имеющиеся различия в понимании сущности электорального наблюдения в России и за рубежом приводят к разным представлениям о статусе электоральных наблюдателей. На различный статус и объем полномочий у российских и международных наблюдателей в отношении контроля на стадиях избирательного процесса, а также на необходимость создания независимой системы общественного контроля за избирательным процессом на всех его этапах неоднократно указывалось экспертами в области избирательного права.[193]

Так, председатель Ассоциации «Независимый общественный мониторинг» (НОМ), член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека А.С. Брод считает, что целесообразно распространить институт национального общественного наблюдения на все стадии избирательной кампании: «Назначение выборов, выдвижение, регистрация, проверка документов, прохождение «муниципального фильтра» – все это должно быть обеспечено общественным наблюдением. Общественные наблюдатели могут присутствовать на заседаниях избирательных комиссий, рабочих групп при проверке подписей, при прохождении муниципального фильтра, который вызывает порой немало вопросов».[194] [195]

В ходе заседания Совета по развитию гражданского общества и правам

---

[192] Публикации БДИПЧ ОБСЕ, касающиеся выборов. URL: https://www.osce.org/ru/odihr/85225 (дата обращения: 23.07.2025).

[193] См.: Выборы и референдум : справочник терминов и определений / авт.-сост. М. В. Батюшкина ; под общ. ред. А. А. Васильева. М. : ФЛИНТА, 2024. С. 60-62.

[194] Необходимо распространить общественное наблюдение на все стадии выборов — член СПЧ // Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. URL: http://www.president-sovet.ru/.../ (дата обращения: 11.01.2026).

[195] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 53 (ч. I). Ст. 8462. Ст. 22.

человека при Президенте Российской Федерации в декабре 2022 года Президент Российской Федерации В.В. Путин поддержал предложение А.С. Брода распространить общественный контроль на все стадии избирательного процесса, в том числе стадию регистрации кандидатов и период агитационной кампании: «Общественный контроль на всех стадиях избирательного процесса востребован. Это сделает процесс выборов более прозрачным, а значит, результаты будут пользоваться большим доверием наших граждан».[196] На важность «оценки адекватности отражения в результатах выборов действительной воли избирателей», которая «не сводится к формальной проверке характеристик подлинности бюллетеней, правильности голосования и его количественных итогов, т.е. к проверке результатов состоявшегося голосования», говорится в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2002 года № 1-П/2002. В этом же постановлении, утверждается, что «отмена результатов выборов возможна также в других случаях – если не были обеспечены необходимые условия, существенно влияющие на свободное волеизъявление избирателей».[197] Очевидно, что соответствующие необходимые условия, влияющие на свободное волеизъявление избирателей должны быть обеспечены на всех этапах избирательного процесса, предшествующих непосредственному голосованию.

В этой связи ключевым вопросом общественного контроля электоральных процедур должен стать вопрос о том, были ли допущены на всех этапах избирательного процесса нарушения, способные поставить под сомнение подлинность волеизъявления избирателей.

Первые шаги по организации полноценного общественного контроля на стадиях избирательного процесса, предшествующих голосованию, осуществлены

---

[196] Путин поддержал идею распространить общественное наблюдение на все стадии выборов // Российская газета. 2022. 7 дек. URL: https://rg.ru/2022/12/07/putin-podderzhal-ideiu-rasprostranit-obshchestvennoe-nabliudenie-na-vse-stadii-vyborov.html (дата обращения: 11.01.2026).

[197] По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П // СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 626. П. 5, абз. 1.

через назначение Общественной палатой Российской Федерации своего официального представителя в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, в задачи которого входит осуществление общественного контроля за ходом подготовки к голосованию, которое организует ЦИК России, и за подведением итогов этого голосования. Соответствующие изменения были внесены в регламент ЦИК России в 2023 году.[198] Для обеспечения общественного контроля на региональных и местных выборах Общественной палатой Российской Федерации предлагается внести аналогичные изменения в регламенты всех избирательных комиссий, организующих выборы.[199]

Международные наблюдатели рассматривают выборы как непрерывный цикл: от контроля голосования и выработки рекомендаций до проверки их исполнения и соответствия законодательства демократическим стандартам. [200] В «Руководстве для внутренних наблюдателей за выборами», подготовленном экспертами Совета Европы в 2004 году, говорится, что «разработка и внедрение подхода, основанного на избирательном цикле, представляет собой фундаментальный переход от краткосрочного содействия в проведении отдельных мероприятий к долгосрочному комплексному содействию с акцентом на устойчивые результаты, разумные расходы и эффективность».[201]

В Российской Федерации контроль на всех этапах электорального цикла пока не получил законодательного закрепления. Если наблюдение за процессами голосования и подсчёта голосов законодательно определено и детально регламентировано, то общественный контроль и экспертиза на других стадиях избирательного процесса осуществляется фрагментарно и ситуационно. Это даёт возможность политической оппозиции и НКО, выполняющим функции

---

[198] Об утверждении Порядка взаимодействия... : постановление ЦИК России от 30.08.2023 № 131/1016-8 // Вестник ЦИК России. 2023. № 8.

[199] Расширяется доступ общественников к работе избирательных комиссий в России // ТАСС. URL: https://tass.ru/politika/24952537 (дата обращения: 11.01.2026).

[200] International IDEA election cycle diagram. Схема избирательного цикла // International IDEA. URL: http://www.idea.int/ (дата обращения: 11.01.2026).

[201] Руководство для внутренних наблюдателей за выборами // ОБСЕ, Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). URL: https://www.osce.org/ru/odihr/elections/70289 (дата обращения: 11.01.2026).

иностранных агентов, под лозунгами продвижения в России «демократических ценностей и свобод» безапелляционно утверждать, что «основные изъяны российских выборов уже давно заключаются не в прямых подтасовках. Ужесточение ограничений на право быть избранным, ужесточение порядка выдвижения и регистрации кандидатов, беспрецедентные и произвольно трактуемые правила агитации вкупе с ущербной партийной системой, огосударствленными СМИ и силовым контролем гражданской активности наносят намного более серьезный удар по выборам, возвращая их к советской форме «демократического ритуала».[202] [203]

На роль органа, координирующего электоральное наблюдение на всех этапах избирательного процесса, претендуют региональные Штабы общественного наблюдения. Они являются, как правило, организационными структурами общественных палат субъектов Российской Федерации, организуют свою работу на коллегиальных началах, привлекают к наблюдению за голосованием на выборах представителей общественных организаций, политических партий и зарегистрированных кандидатов, экспертов и электоральных юристов, гражданских активистов и СМИ. В числе задач общественных штабов закрепляются координация усилий участников избирательного процесса, создание системы оперативного обмена информацией и условий для равного доступа к ней, мониторинг хода кампании, а также организация обучения наблюдателей и работы Центра общественного наблюдения.[204] Как отмечают С.Е. Заславский, Н.А. Тюков, В.А. Лукушин в настоящее время «порядок работы центров общественного наблюдения урегулирован повсеместно и предметно, причём в данном вопросе в большинстве случаев наблюдается единообразие правовых решений».[205] Одной из

---

[202] Бузин А. Прошлое и будущее общественного наблюдения на российских выборах // LiveJournal. URL: https://abuzin.livejournal.com/188596.html (дата обращения: 11.01.2026).

[203] Устинкин С. В., Рудакова Е. К., Эминов Д. С. Оценка воздействия неправительственных организаций на избирательный процесс в России // Власть. 2016. № 7. С. 28.

[204] Положение о Штабе общественного наблюдения за выборами на территории Чувашской Республики // Общественная палата Чувашской Республики : [сайт]. URL: https://opchr21.ru/docs/ПОЛОЖЕНИЕ%20О%20ШОН%202025%20ЕДИНОЕ.pdf?ysclid=mi1m34a693805355474/ (дата обращения: 11.01.2026).

[205] Заславский С. Е., Тюков Н. А., Лукушин В. А. Система общественного контроля на российских выборах: развитие инфраструктуры и механизмы институционализации // Российский социально-

основных практических задач в настоящее время является организация видеонаблюдения за происходящим на избирательных участках в период голосования на выборах, которое осуществляется наблюдателями от общественных организаций, партий и кандидатов со специально оборудованных автоматизированных рабочих мест (АРМ) в Центрах общественного наблюдения (ЦОН). На выборах Президента Российской Федерации в 2024 году общее количество АРМ составило 1171.[206] Изначальная зависимость процесса создания таких центров от наличия в регионе системы видеонаблюдения на выборах предопределила их преимущественную локализацию в административных центрах субъектов Российской Федерации. По сравнению с активной работой в период голосования в межвыборный период деятельность Штабов общественного наблюдения пока не не так заметна, что контрастирует с активной работой западных НПО, специализирующихся на непрерывном электоральном мониторинге.

Общественный контроль за федеральными выборами в межвыборный период возможен в рамках рабочих групп, создаваемых с участием общественности при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Однако, во-первых, состав таких рабочих групп определяется ЦИК России. А это вступает в противоречие с принципом независимости общественного контроля. Во-вторых, присутствие представителей общественности предусмотрено не во всех рабочих группах ЦИК России. Так, например, в состав рабочей группы Центральной избирательной комиссии Российской Федерации для установления результатов учёта объёма эфирного времени, затраченного в течение одного календарного месяца на освещение деятельности парламентских партий входят по два представителя от каждой парламентской партии и представители Общественной палаты Российской Федерации.[207] В состав рабочей группы Центральной

---

гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 97–116.

[206] Выборы Президента Российской Федерации. 2024: Электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2024. С. 285.

[207] Об утверждении Порядка осуществления Центральной избирательной комиссией Российской Федерации и иными избирательными комиссиями учета объема эфирного времени, затраченного на освещение деятельности парламентских политических партий телеканалами и радиоканалами в течение

избирательной комиссии Российской Федерации по обеспечению реализации избирательных прав граждан с инвалидностью входят представители общественных организаций инвалидов.[208] В то же время в состав рабочей группы по приему и проверке избирательных документов, представляемых кандидатами, уполномоченными представителями политических партий в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации представители политических партий и общественных организаций не входят.[209] Однако вопросы регистрации и допуска кандидатов, политических партий к выборам являются наиболее резонансными и критикуемыми за отсутствие прозрачности и открытости, а также сложность процедуры сбора подписей.

Авторы доклада «Институционализация общественного контроля на российских выборах: этапы, формы и механизмы, перспективы развития», подготовленного в 2023 году Ассоциацией «Независимый общественный мониторинг» справедливо полагают, что общественным контролем в форме общественного мониторинга, общественной экспертизы и общественной проверки, реализуемым в порядке, предусмотренном ст. 18 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» могут быть охвачены «все стадии избирательной кампании, нулевой цикл подготовки к ней и даже межвыборный период».[210]

Однако, представляется, что для успеха такого общественного контроля за электоральными процессами нужна ревизия правовых инструментов, предусмотренных в общем виде Федеральным законом от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ

---

одного календарного месяца : постановление ЦИК России от 17.11.2021 № 08/106-9 // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2022. № 1. Ст. 352.

[208] О Рабочей группе Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по обеспечению реализации избирательных прав граждан с инвалидностью : постановление ЦИК России от 09.08.2023 № 128/1010-8 // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2023. № 9.

[209] О Рабочей группе по приему и проверке избирательных документов, представляемых кандидатами, уполномоченными представителями политических партий в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации при проведении выборов Президента Российской Федерации : постановление ЦИК России от 06.12.2023 № 139/1070-8 // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2023. № 12.

[210] Институционализация общественного контроля на российских выборах: этапы, формы и механизмы, перспективы развития : доклад // Ассоциация «Независимый общественный мониторинг». URL: https://nom24.ru/dok_lists/ (дата обращения: 11.01.2026).

«Об основах общественного контроля в Российской Федерации» для задач повышения гласности, открытости, прозрачности и законности избирательного процесса на всех его этапах. В настоящее время общественное наблюдение за избирательным процессом осуществляется в полной мере лишь на этапе голосования на выборах и референдумах.

В целях обеспечения соблюдения избирательных прав граждан и легитимности электорального процесса предлагается обеспечить общественный контроль путём повышения прозрачности следующих избирательных процедур:

– утверждения схемы избирательных округов для обеспечения равенства числа избирателей в расчёте на один депутатский мандат, а также равенства веса голоса (голосов) избирателя вне зависимости от уровня выборов и применяемой избирательной системы;

– выдвижения и регистрации кандидатов (списков кандидатов) для обеспечения наиболее полного представительства различных политических сил и исключения случаев неправомерного отказа в их регистрации, каких-либо ограничений дискриминационного характера по признаку пола, языка, религии или вероисповедания, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальному меньшинству или этнической группе, имущественного положения или иных подобных обстоятельств;

– сбора подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов (списков кандидатов) для непарламентских партий для повышения уровня и качества политической конкуренции;

– информирования граждан о назначенных выборах для исключения влияний, проявлений насилия, угроз применения насилия и иного противоправного воздействия на свободу и добровольность принятия решения относительно участия или неучастия в выборах, голосования за или против какого-либо определенного кандидата (списка кандидатов);

– предвыборной агитации для обеспечения права граждан на получение достоверной информации, свободного доступа избирателей к информации о

кандидатах, списках кандидатов, политических партиях и их коалициях, а также равенства в доступе различных политических сил к СМИ;[211]

– подготовки избирательных участков с точки зрениях их доступности для людей с инвалидностью и маломобильных групп граждан, удобства голосования всех групп граждан, оборудования помещений для голосования;

– разрешения споров в ходе избирательной кампании, рассмотрения судами, иными уполномоченными органами жалоб на нарушения избирательных прав и свобод граждан, кандидатов, политических партий;

– подсчета голосов и суммирования данных протоколов о голосовании, подведения итогов голосования на участковых и вышестоящих избирательных комиссиях для установления достоверности волеизъявления граждан;

– ввода протоколов участковых комиссий об итогах голосования в Государственную автоматизированную систему Российской Федерации «Выборы».

Деятельность по электоральному наблюдению может выходить за рамки, определенные законодательством и принимать различные формы, о чём неоднократно говорилось в докладах Общественной палаты Российской Федерации. Примерами конвенциональной и конструктивной деятельности по наблюдению за электоральными процессами, может служить деятельность:

– «киберволонтёров», которые ведут мониторинг распространения непроверенной или ложной информации в телекоммуникационной сети «Интернет» во время проведения выборов, а также готовят соответствующие обращения в компетентные органы;

– специалистов в сфере ИТ-технологий и криптографии, которые осуществляют наблюдение за дистанционным электронным голосованием, пользуясь общедоступными сервисами для наблюдения, без получения формального статуса наблюдателя;

---

[211] Методические рекомендации по поиску и анализу нарушений требований Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Роскомнадзор, ЦИК России. URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news71738.htm (дата обращения: 11.01.2026).

– мониторинговых групп Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, направляемых в период голосования в субъекты Российской Федерации и осуществляющие там деятельность по наблюдению за голосованием на выборах без учёта наличия у членов таких групп активного избирательного права;

– уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, которые участвуют в мониторинге соблюдения избирательных прав граждан.

Большую работу по разрешению конфликтных ситуаций на избирательных участках в период голосования осуществляют мониторинговые миссии Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. При этом, не подменяя работу общественных наблюдателей и наблюдателей от кандидатов и политических партий, участвующих в избирательной кампании в рамках своих полномочий, они заполняют определенный правовой пробел, связанный с привязкой наблюдателей к избирательным участкам, куда они назначены. Мониторинговые миссии могут свободно перемещаться между участками, сравнивать ход голосования на них, участвовать в контроле за установлением результатов голосования в территориальных и участковых избирательных комиссиях, а также в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

При этом Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека видит свою роль в избирательном процессе в предотвращении конфликтов между его участниками.[212]

В соответствии с п. 1.4. Положения о Мониторинговой рабочей группе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, она в рамках своей деятельности:

---

[212] Положение о Мониторинговой рабочей группе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека // Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. URL: http://www.president-sovet.ru/docs/requests_responses/polozhenie_o_monitoringovoy_rabochey_gruppe_soveta_pri_prezidente_rossiyskoy_federatsii_po_razvitiyu/ (дата обращения: 11.01.2026).

– аккумулирует, анализирует и обобщает достоверную информацию об имевших место конфликтах, связанных с предполагаемыми нарушениями избирательных прав граждан (далее – конфликты), поступающую от членов и экспертов МРГ, работающих в регионах в дни голосования, а также проводящих иной мониторинг о ходе избирательных кампаний;

– оказывает содействие в урегулировании конфликтов;

– готовит по итогам своей работы консолидированный доклад, содержащий выводы о причинах и условиях возникновения конфликтов в ходе избирательной кампании, а также о путях их предупреждения.

В период подготовки и проведения выборов в Аппарате Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации также организуется мониторинговая рабочая группа, которая принимает обращения граждан, осуществляет мониторинг СМИ, взаимодействует с региональными уполномоченными, обменивается информацией с Аппаратом ЦИК России. В нее традиционно входят представители правозащитного и научного сообществ, «Корпуса за чистые выборы», Ассоциации юристов России и служащие Аппарата Уполномоченного.[213]

В местах принудительного содержания (следственные изоляторы, изоляторы временного содержания, специальные приемники) содержатся граждане, в отношении которых еще не вступил в силу обвинительный приговор суда, — это подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, а также лица, подвергнутые административному аресту. Поскольку закон не лишает их права голоса, для реализации этого конституционного права необходим общественный контроль за организацией выборов.

Такое наблюдение осуществляют члены общественных наблюдательных комиссий (ОНК) и уполномоченные по правам человека, назначаемые в качестве наблюдателей Общественной палатой Российской Федерации и общественными палатами субъектов Российской Федерации. Данный механизм особенно важен,

[213] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. URL: https://rg.ru/documents/2019/06/11/a1701940-dok.html (дата обращения: 11.01.2026).

поскольку гарантирует возможность проголосовать тем, кто находится под стражей или арестом, но сохраняет избирательные права.[214]

Общественный контроль за голосованием граждан России за рубежом имеет свою специфику, которая существенно отличается от наблюдения внутри страны. Основная сложность заключается в том, что избирательные участки находятся на территории суверенных государств, и деятельность российских наблюдателей там подчиняется не только российскому, но и местному законодательству. Однако, как отмечают И.Б. Борисов и А.В. Игнатов, учитывая общемировую тенденцию к повышению трансграничной мобильности, проблема реализации избирательного права гражданами, находящимися в день голосования за пределами своего государства, становится всё более актуальной.[215] За голосованием граждан Российской Федерации, проживающих или пребывающих в день голосования за рубежом, которое, как правило, проводится в зданиях российских дипломатических представительств, контроль осуществляют наблюдатели, назначенные Общественной палатой Российской Федерации из числа российских соотечественников. [216]

Для реализации задач общественного контроля в электоральной сфере при Общественной палате Российской Федерации создаётся коллегиальный орган – Координационный совет по общественному контролю за голосованием.[217] Его сопредседателями являются представители двух ведущих общественно-консультативных институтов – Общественной палаты Российской Федерации и Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, а также председатель территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования, технический специалист,

---

[214] Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 23 июля 2025 г. № 205/1578-8 «О порядке организации голосования в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых на выборах, назначенных на 14 сентября 2025 года»

[215] Борисов И. Б., Игнатов А. В. Международные демократические стандарты организации голосования избирателей за рубежом // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 3. С. 8.

[216] Наблюдатели на выборах президента России будут работать в 10 странах мира [Электронный ресурс] // Дзен : [платформа]. — 15 марта 2024. — URL: https://dzen.ru/a/ZfQnSU2FPk41Znr- (дата обращения: 19.02.2026).

[217] Координационный совет по общественному контролю за голосованием // Общественная палата Российской Федерации. URL: https://www.oprf.ru/structure_list/167 (дата обращения: 11.01.2026).

компетентный в вопросах цифровизации избирательного процесса.[218] Данная структура обеспечивает синтез общественного контроля, правозащитного мониторинга и технологической компетенции.[219]

Общественный контроль за выборами реализуется в рамках отдельных правовых режимов, среди которых можно выделить:

– электоральное наблюдение, осуществляемое в рамках Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»;

– общественный мониторинг и гражданский контроль, который реализуется на основе общих конституционных прав граждан;

– мониторинг со стороны общественно-государственных и совещательных институтов, который осуществляется в рамках их специальных полномочий, установленных иными законами.

По мере развития новых методов и инструментов общественного наблюдения за голосованием эти формы контроля за выборами будут получать закрепление в законодательстве Российской Федерации о выборах и референдумах. Также важной частью контроля за выборами должна стать обязательная общественная экспертиза законопроектов и иных нормативных правовых актов, затрагивающих избирательные права и свободы граждан, статус и полномочия общественных наблюдателей, вопросы цифровизации избирательного процесса. Электоральная экспертиза в Российской Федерации осуществляется различными исследовательскими институтами и общественными организациями. Например, Ассоциацией «Независимый общественный мониторинг» («НОМ»), Ассоциацией юристов России, Ассоциацией «Гражданский контроль», общероссийским движением «Корпус «За чистые выборы», АНО «Центр прикладных исследований

---

[218] О формировании территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования : постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 30 июля 2025 г. № 206/1587-8. М., 2025.

[219] Заславский С. Е., Тюков Н. А., Лукушин В. А. Система общественного контроля на российских выборах: развитие инфраструктуры и механизмы институционализации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 97.

и программ», Центром политической коньюктуры, Российской ассоциацией политических консультантов, Экспертным институтом социальных исследований, Фондом исследования проблем демократии, Российским общественным институтом избирательного права, Российским фондом свободных выборов (РФСВ), иными группами экспертов, политологов, социологов, лидеров общественного мнения. Однако в значительной степени такая экспертиза ограничивается комментированием уже принятых органами власти или ЦИК России решений, без возможности на них заблаговременно повлиять для учета всего спектра мнений и согласования общественно значимых интересов.

Представляется, что более тесное взаимодействие экспертных организаций с Общественной палатой Российской Федерации, обладающей полномочиями и компетенциями в вопросах общественной экспертизы законопроектов, постановлений и решений ЦИК России, иных нормативных правовых актов, в формате «нулевых чтений», то есть до их принятия в соответствии с установленной процедурой, способствовало бы обеспечению полноценного общественного контроля за готовящимися в электоральной сфере решениями и предлагаемыми властью мерами.

*Таким образом электоральное наблюдение в настоящее время осуществляется различными субъектами избирательного процесса и обладает особенностями, влияющими на процесс легитимации государственной власти.* ***Электоральное наблюдение (наблюдение за выборами)*** *— это наблюдение за избирательным процессом, осуществляемое профессиональными наблюдателями, уполномоченными политическими партиями, субъектами общественного контроля или приглашёнными иностранными (международными) наблюдателями.*

***Международное (иностранное) электоральное наблюдение*** *— форма электорального наблюдения, мониторинг национальных выборов, проводимый по приглашению государства в котором проводятся выборы, иностранными (международными) наблюдателями, представляющими иностранные (международные) неправительственные организации или органы межгосударственных объединений. Международное наблюдение призвано*

*обеспечить соблюдение международно-признанных электоральных стандартов проведения выборов.*

***Партийное электоральное наблюдение*** *— форма электорального наблюдения, при которой наблюдателей назначает политическая партия или зарегистрированный кандидат. Партийное наблюдение обеспечивает защиту электоральных прав конкурирующих на выборах политических сил.*

***Общественное электоральное наблюдение*** *— разновидность электорального наблюдения, деятельность субъектов общественного контроля, а также назначенных ими наблюдателей по контролю за обеспечением легитимности избирательного процесса. Общественное наблюдение в форме общественного контроля в наибольшей степени способствует целям легитимации власти в ходе избирательного процесса.*

## 2.2. Электоральное наблюдение как условие обеспечения прав и интересов участников избирательного процесса

Важнейшая функция электорального наблюдения – содействие реализации и защите избирательных прав участников процесса, гарантированных Конституцией Российской Федерации, включая не только избирателей, но и конкурирующие политические силы. Современная правовая наука исходит из принципа неделимости и взаимосвязанности всех прав человека, что подтверждается международными документами.[220] Положением статьи 75.1 Конституции Российской Федерации определяется необходимость обеспечивать, не только неделимость, но и *сбалансированность* прав и обязанностей гражданина.[221]

Избирательный процесс является сферой конкуренции частных и публичных интересов, где легитимность выступает общей ценностью государства и общества. Однако конкурентная среда чревата злоупотреблениями, угрожающими этой легитимности, что требует действенных гарантий защиты избирательных прав. Как отмечают В.И. Лысенко и И.Б. Борисов, любые ограничения таких прав должны быть соразмерны и обоснованы необходимостью защиты других фундаментальных прав и свобод.[222] Гарантии избирательных прав и права на участие в референдуме – это установленные Конституцией Российской Федерации, законом, иным нормативным правовым актом *условия, правила и процедуры,* обеспечивающие реализацию избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. [223]

К избирательным правам граждан относятся право граждан Российской

---

[220] Мы, народы: укрепление Организации Объединенных Наций в XXI веке : Декларация и Программа действий Форума тысячелетия, принятые 26 мая 2000 г. URL: https://www.un.org/russian/document/declarat/ac200-2.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

[221] В правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в постановлениях от 18 июля 2008 г. № 10-П, от 13 февраля 2018 г. № 8-П и от 7 февраля 2023 г. № 6-П.

[222] Лысенко В.И., Борисов И. Б. Избирательные права в системе прав человека и гражданина // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 1(27). С. 64.

[223] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253. П. 11 ст. 2.

Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также право участвовать в выдвижении кандидатов, списков кандидатов, в предвыборной агитации, в *наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определение результатов выборов*, в других избирательных действиях в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации. Электоральное наблюдение имеет двойственную природу, оно, во-первых, само является избирательным правом, а во-вторых, является практикой гражданской активности, направленной на полноценную реализацию и защиту других избирательных прав граждан.

Несмотря на то, что согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации *права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими*, они также н*е должны нарушать права и свободы других лиц*. Например, реализация права электорального наблюдения не должна препятствовать работе избирательных комиссий, а право на гласность избирательного процесса подвергать угрозе тайну голосования. Соответственно для полноценной реализации права электорального наблюдения мы нуждаемся в установлении основополагающих правил и границ его реализации и регламентации на основе иерархии *принципов избирательного права и процесса*.

Существуют различные классификации принципов избирательного права, выделяющие политические и организационные принципы (А.П. Сунцов),[224] принципы участия граждан в выборах и принципы организации и проведения выборов (Ю.А. Дмитриев, В.Б. Исраелян)[225], материальные и процессуальные принципы избирательного права (С.В. Юсов),[226] принципы собственно избирательного права и принципы избирательного процесса (Ю.А. Веденеев).[227] В

[224] Сунцов А. П. Избирательная система субъекта Российской Федерации. Тюмень, 1999. С. 58.
[225] Дмитриев Ю. А., Исраелян В. Б. Избирательное право и процесс в Российской Федерации. М., 2004. С. 99.
[226] Юсов С. В. Принципы избирательного права и их реализация в условиях формирования новой российской государственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. 1999. С. 10.
[227] Веденеев Ю. А. Избирательное право и процесс. М., 1999. 125 с.

научной литературе деление принципов на субъективные и объективные получило широкое распространение и считается обоснованным.[228]

В соответствии с распространённой классификацией принципов избирательного права они делятся на:

– *субъективные принципы* всеобщего, равного, прямого избирательного права и тайного голосования, которые определяют правовой статус участников избирательного процесса;

– *базовые объективные принципы* свободных выборов, обязательности выборов, периодичности выборов, альтернативности выборов, подлинности выборов и достоверности выборов, которые определяют организационно-правовые основы избирательного процесса;

– *функционально-объективные гарантии* независимости избирательных комиссий, равенства кандидатов, партий, гласности выборов, недопустимости иностранного влияния на избирательный процесс, финансовой дисциплины, полноты информационного обеспечения выборов, которые создают конкретные механизмы и условия, обеспечивающие соблюдение принципов.[229]

Если субъективные принципы направлены преимущественно на реализацию субъективных прав и свобод граждан, то объективные принципы избирательного права обеспечивают воспроизводство в ходе избирательного процесса публичной власти и ее выборных институтов на основе базовых конституционных принципов демократического федеративного правового государства: народовластия, приоритета прав и свобод человека и гражданина, идеологического и политического многообразия, которые являются основой избирательных прав граждан и должны определять содержание и смысл избирательного законодательства. Таким образом субъективные принципы избирательного права и процесса обеспечивают реализацию избирательных прав граждан, а объективные обеспечивают демократическую легитимацию власти.

---

[228] Астафичев А. П. Избирательное право России: современное состояние и перспективы развития. Орел, 1999. С. 32.

[229] Головин А. Г. Избирательное право и избирательный процесс в РФ : курс лекций. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 85–107.

Исследователи выделяют конституционно-правовые, процессуальные и организационные **гарантии реализации избирательных прав и свобод** граждан, закреплённые в принципах избирательного права и процесса. Конституционно-правовые гарантии составляют материально-правовую основу, закрепляя на высшем уровне ключевые принципы избирательной системы. Они конкретизируются в законодательстве и получают обязательное толкование через правовые позиции Конституционного и Верховного судов Российской Федерации. Процессуальные гарантии воплощаются в детально регламентированной процедуре, а организационные — в создании инфраструктуры и институтов для её практической реализации. Организационные и процедурные гарантии являются двумя сторонами одной медали — обеспечения действительного, а не декларативного функционирования избирательной системы. Электоральное наблюдение таким образом является важнейшей процессуальной и организационной гарантией надлежащей защиты избирательных прав и свобод граждан и обеспечения достоверности выборов. Как процессуальная гарантия электоральное наблюдение является неотъемлемым элементом избирательной процедуры, регламентированным законом, определяя кто может быть наблюдателем, права наблюдателя, субъект назначения. Как организационная гарантия электоральное наблюдение представляет собой конкретный механизм (инструмент), внедренный в систему для обеспечения её прозрачности и достоверности.

Исходя из двойственной природы избирательных прав (как субъективных прав конкретного индивида и как элемента объективного публичного правопорядка), можно выделить два способа их защиты, оба из которых, однако, реализуются в рамках публичного права:

– защита субъективных избирательных прав, которая инициируется самими участниками процесса (избирателями, кандидатами, партиями) для отстаивания своих непосредственных интересов;

– защита объективного избирательного правопорядка, которая мотивирована публичным интересом к обеспечению законности, прозрачности и достоверности

выборов в целом. Электоральное наблюдение общественных организаций, является ярким примером такого публично-правового по своей сути механизма.

Первый способ связан с инициативой и самостоятельностью участников избирательного процесса (избирателей, кандидатов и их доверенных лиц, избирательных объединений и их доверенных лиц, общественных объединений, наблюдателей) в том случае, когда они реализуют свои собственные (частные и групповые) интересы. Во втором преобладают мотивы, связанные с осуществлением государственных и общественных (публичных) интересов, направленные на защиту права неопределённого круга лиц на открытость, прозрачность, законность избирательного процесса. Статья 12 Гражданского кодекса Российской Федерации дает открытый перечень способов защиты субъективных гражданских прав, определяя, что законами могут быть предусмотрены и иные способы их защиты.

Реализацию и защиту избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации прежде всего обеспечивают избирательная комиссия, комиссия референдума.[230] Однако из совокупного толкования норм статьи 30 «Гласность в деятельности комиссий» Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» следует, что наблюдение за голосованием на выборах и референдумах, осуществляемое наблюдателями, является дополнительной гарантией обеспечения правовой защиты избирательных прав и интересов граждан. При этом наблюдатель не вправе совершать действия, препятствующие работе комиссии.[231] Полномочия наблюдателей в защите избирательных прав граждан носят дополнительный характер к основной деятельности избирательных комиссий в этой сфере.

Избирательные комиссии (ЦИК России, комиссии субъектов, окружные, территориальные, участковые) являются государственными (или

---

[230] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ. Ст. 20.

[231] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ. П. 9 подп. «з», п. 10 подп. «е» ст. 30.

муниципальными) коллегиальными органами, организующими и проводящими выборы и несущими всю полноту ответственности за их надлежащую организацию. Их полномочия носят властно-распорядительный, организационно-исполнительный и юрисдикционный характер. Как отмечает А.Е. Постников «проведение свободных выборов избирательными комиссиями возможно при условии их независимого статуса, обеспечивающего беспристрастность, политическую нейтральность их деятельности».[232]

Комиссии обладают исключительным правом принимать решения, определяющие ход выборов. К ним относятся: регистрация кандидатов и списков партий, утверждение формы бюллетеней, установление результатов выборов, составление протоколов, решение о проведении повторного голосования. Они обеспечивают материально-техническое оснащение, включая изготовление бюллетеней и работу систем ДЭГ, обучение нижестоящих комиссий и привлеченных лиц. Комиссии обязаны создавать условия для реализации избирательных прав: формировать избирательные участки, в том числе за пределами страны, организовывать голосование, обеспечивать безопасность и тайну волеизъявления, предоставлять информацию избирателям и участникам процесса. Комиссии рассматривают жалобы на нарушения в рамках своей компетенции, выносят предупреждения кандидатам и партиям, отменяют незаконные решения нижестоящих комиссий, а в случаях, предусмотренных законом, вправе отменить или аннулировать регистрацию кандидата. Комиссии обязаны рассматривать заявки на аккредитацию наблюдателей, обеспечивать им доступ в помещения для голосования и подсчета голосов, предоставлять заверенные копии протоколов, рассматривать их заявления и жалобы.[233]

Наблюдатели (назначенные кандидатами, партиями, общественными организациями, иностранные) являются представителями субъектов электорального контроля. Их юридический статус — право, а не обязанность. Их

---

[232] Постников А. Е. Органы публичной власти как участники избирательного процесса // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7. С. 31—40.

[233] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ. Ст. 23–31.

ключевая функция — непосредственное наблюдение и фиксация нарушений без права вмешательства в процесс. Их полномочия носят информационно-контрольный и сигнальный характер.

Наблюдатель вправе присутствовать на всех этапах голосования и подсчета, знакомиться со списками избирателей, осматривать оборудование (включая КОИБ и средства ДЭГ), наблюдать за выдачей бюллетеней, работой комиссии, процессом подсчета. Он может вести фото- и видеосъемку в установленном порядке, делать письменные заметки. Наблюдатель вправе получить от комиссии заверенную копию протокола об итогах голосования, а также информировать назначившую его сторону о ходе голосования и подсчета. Он вправе заявлять в комиссию о нарушениях, вносить предложения и замечания, которые комиссия обязана заслушать и рассмотреть, но не обязана соглашаться с ними. Он может обращаться с жалобой в вышестоящую комиссию или в правоохранительные органы. Однако самостоятельно устранять нарушения, отменять решения или останавливать процесс наблюдатель не вправе.[234] Это разграничение становится принципиально важным в возможной «зоне конфликта» в период нахождения на избирательных участках, где право наблюдателя на контроль сталкивается с властным полномочием комиссии.

Для понимания причин конфликтов между наблюдателями и членами избирательных комиссий необходимо понимать природу интересов, которыми могут быть движимы первые. В зависимости от субъекта назначения наблюдателя, эти интересы могут быть:

– преимущественно **групповыми (партикулярными, ведомственными)**, когда наблюдатель назначается зарегистрированным кандидатом или его доверенным лицом, партией или избирательным объединением. Их главная задача — обеспечить победу своего кандидата, партии или, как минимум, не допустить фальсификаций в пользу конкурента. Внимание сфокусировано на нарушениях, которые могут навредить их «протеже». Они являются существенным элементом

[234] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ. п. 9-10 ст. 30.

состязательности на выборах. Наблюдатели, представляющие интересы участников выборов являются по сути **«адвокатами сторон»** в избирательном процессе.

– преимущественно **общественными (публичными)**, когда наблюдатель назначается субъектом общественного контроля или инициативной группой по проведению референдума. Задача таких наблюдателей — объективный контроль за соблюдением закона на всех этапах. Их цель — не чья-то победа, а обеспечение честности, прозрачности и легитимности выборов в целом. Они фиксируют любые нарушения, независимо от того, в чью пользу они были совершены. Наблюдатели, представляющие публичный интерес становятся **«арбитрами процесса».**

Кроме того, права и интересы участников избирательного процесса могут быть связаны с соблюдением Российской Федерацией взятых на себя международных обязательств по обеспечению внутрироссийского избирательного процесса международным электоральным стандартам. Контроль за соблюдением этих обязательств должны осуществлять международные (иностранные) наблюдатели. Однако зачастую мы сталкиваемся с конфликтом интересов, связанным с реализацией иностранными мониторинговыми миссиями задач, которые ставят перед ними направляющие их организации, в ущерб декларируемых целей наблюдения.

Вместе с тем, учитывая схожесть полномочий наблюдателей, вне зависимости от субъекта их назначения, а также единство способов их реализации, представляется целесообразным выделить термин «**электоральное наблюдение**».

Теоретическое и практическое значение для определения термина «электоральное наблюдение» и его места в механизме защиты избирательных прав граждан и легитимации публичной власти представляет научная дискуссия, развернувшаяся вокруг понятий: «выборы», «избирательное право», «избирательная система», «избирательный процесс», «принцип избирательного права», «принцип организации избирательного процесса».

В соответствии с ч. 3. ст. 3 Конституции Российской Федерации выборы и референдум – это непосредственное выражение власти народа. Референдум как

способ изъявления воли граждан через голосование по вопросам местного, регионального или федерального значения также является одним из ключевых институтов прямой демократии. Е.И. Колюшин определяет выборы «как совокупность всех фактических общественных отношений, которые возникают между избирателями и соискателями права осуществлять публичную власть от имени народа, в том числе отношений, возникающих при голосовании»[235]. Такое расширительное толкование, позволяет отнести к данному определению общественные отношения, возникающие в ходе электорального наблюдения, которое становится тем самым обязательной частью избирательного процесса. При этом если отождествлять вслед за М.В. Баглаем избирательный процесс исключительно с процессом проведения выборов,[236] или с системой стадий и этапов организации и проведения выборов, как это делает А.А. Безуглов,[237] то электоральное наблюдение перестает быть частью избирательного процесса, так как не является его стадией или этапом. В этой связи предпочтительнее выглядит представление Ю.А. Веденеева и В.И. Лысенко об избирательном процессе не только как об очередности стадий и этапов, но и «организационно-правовой форме реализации субъективного избирательного права гражданина».[238] По аналогии, референдумный процесс — это система последовательно сменяющих друг друга стадий организации и проведения референдума.[239] Электоральное наблюдение – важная часть избирательного и референдумного процессов и форма реализации субъективных избирательных прав граждан.

Важным для понимания сущности электорального наблюдения является понимание того, на реализацию каких именно принципов избирательного права и процесса оно направлено.

---

[235] Колюшин Е. И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. М.: Норма, 2010. С. 13.
[236] Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1998. С. 353.
[237] Безуглов А. А., Солдатов С. А. Конституционное право России : в 3 т. Т. 2 : учебник для юридических вузов (полный курс). М. : Профобразование, 2001. 831 с.
[238] Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учебник для вузов / отв. ред. А. В. Иванченко. М. : Норма, 2003. 816 с.
[239] Комарова В. В. Регулятивные и консультативные формы прямого волеизъявления граждан: современное состояние и перспективы совершенствования // Модернизация России как условие ее эффективного развития в XXI веке. М. : РОСПЭН, 2010. С. 146.

Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» регламентирует вопросы назначения наблюдателей на избирательные участки, их статус, порядок работы, права и обязанности в статье 30 «Гласность в деятельности комиссий». Тем самым законодатель, рассматривает электоральное наблюдение как инструмент обеспечения открытости и прозрачности, гласности избирательного процесса.

Однако привлечение к наблюдению за выборами наблюдателей способствует также соблюдению субъективных прав всех участников избирательного процесса: подлинности и несфальсифицированности, достоверности выборов, свободе волеизъявления, информированию избирателей о ходе голосования, и в конечном итоге полноценной реализации всех фундаментальных принципов избирательного права.

Ни одна крупная избирательная кампания с начала наблюдения за выборами в России не избежала обвинений в нарушениях, ставящих под сомнение результаты голосования на отдельных участках, в некоторых регионах или в стране в целом. Чаще всего такие обвинения распространяются представителями оппозиционных политических партий. При этом за счёт массовой подачи заявлений о нарушениях реализуется своеобразная «**стратегия конфликта**», которая описывается в памятке для наблюдателей от КПРФ от 2010 года таким образом: «...вы пишете заявление о каждом нарушении закона, которое зафиксировали. Чем больше подобных заявлений будет, тем лучше. Эта стратегия нацелена на доказательство нелегитимности выборов как таковых».[240] Другая распространённая стратегия действий наблюдателей от оппозиционных партий, так называемая «**стратегия контроля**», подразумевает «изматывание» членов избирательных комиссий с целью добиться признания существенных нарушений на избирательных участках под угрозой жалоб. Она «заключается в том, что вы «закрываете глаза» на несущественные нарушения (типа отсутствия штор на кабинках для тайного

[240] Клюева А. Н. Технология наблюдения на выборах : методические рекомендации. М. : Изд-во ЦИПКР «Русский летописец», 2010. С. 63.

голосования; или приёма заявки на голосование на дому в 16 часов 10 минут)[241] и не пишете по этому поводу жалоб. Но за это вы требуете от комиссии неукоснительного соблюдения положений закона в тех случаях, когда это принципиально важно».[242] Схожие «конфликтные» модели взаимодействия партийных наблюдателей с членами избирательных комиссий реализует партия Справедливая Россия. Так памятка, адресованная членам участковых избирательных комиссий перед выборами в единый день голосования 2020 года, начинались со слов: «За что вас могут посадить в тюрьму?». В памятке перечислялись возможные нарушения в ходе выборов, которые могут привести к уголовной ответственности, описывалось возможное наказание для фальсификаторов выборов и приводились примеры из практики уголовных наказаний за нарушения законодательства Российской Федерации о выборах.[243]

При этом представители оппозиционных партий на избирательном участке (члены избирательной комиссии с правом решающего и совещательного голоса, доверенные лица кандидатов, наблюдатели, СМИ), как правило, выступают «единым фронтом» как против своих политических соперников, так и против избирательных комиссий. Вне зависимости от роли, которая им отводится законодательством о выборах они концентрируются на поиске, «профилактике и предотвращении нарушений и фальсификаций», что является для них более приоритетным чем выполнение задач, определенных в рамках избирательного процесса. Так, в памятке участника наблюдения от КПРФ в участковой избирательной комиссии на выборах Президента Российской Федерации 17 марта 2024 года, подготовленной ЦК КПРФ, говорится, что наблюдатели от партии и кандидата от КПРФ, а также «союзники, борющиеся за честные выборы» «заблаговременно знакомятся между собой» и в дальнейшем координируют свои

---

[241] В настоящее время действует иной порядок. См.: О Порядке подачи заявления избирателя... : постановление ЦИК РФ от 19.08.2020 № 264/1949-7 // Официальный сайт ЦИК России. URL: http://www.cikrf.ru.

[242] Клюева А. Н. Технология наблюдения на выборах : методические рекомендации. М. : Изд-во ЦИПКР «Русский летописец», 2010. С. 63.

[243] Выборы-2020: памятка для членов избиркомов вызвала споры // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20200907/vybory-1576881287.html (дата обращения: 10.01.2026).

действия.[244]

Всероссийская партия «Единая Россия» в своей памятке для наблюдателей особое внимание уделяет постоянному контролю явки на избирательных участках, что способствует мобилизации электората и является главным условием победы на выборах для любой «партии власти».[245]

Политические партии активно используют мобильные приложения для сбора данных о явке, нарушениях и об итогах голосования (например, Цифровой продукт «Наблюдатель» (Единая Россия), мобильные приложения «Красный контроль» (КПРФ), «Справедливый наблюдатель» (Справедливая Россия) и «ЛДПР» (ЛДПР)), что позволяет им фактически вести в режиме онлайн «параллельный подсчёт» голосов, контроль правильности подведения итогов голосования и агрегирование информации о нарушениях на избирательных участках.

Однако к озвучиваемым в средствах массовой информации и сети «Интернет» данным о количестве нарушений всегда приходилось подходить с большой осторожностью, в связи с невозможностью однозначно их верифицировать и квалифицировать как нарушения, существенно повлиявшие на свободу или достоверность волеизъявления граждан. Данная правовая коллизия обусловлена принципом тайны голосования на выборах и референдумах, который исключает любой внешний контроль за волеизъявлением гражданина и прямо запрещает наблюдателям совершать действия, нарушающие эту тайну.

В связи с этим, при рассмотрении жалоб на нарушения при подсчете голосов или установлении итогов голосования — как в вышестоящих избирательных комиссиях, так и в суде — основным документом, подлежащим исследованию, становится протокол об итогах голосования. Именно протокол выступает в качестве ключевого доказательства, на основе которого можно подтвердить факты

---

[244] Памятка участника наблюдения в УИК на выборах Президента. 17 марта 2024 г. город Москва (для УИК без КОИБ) / Авт.: Н.Ю. Волков; Отд. ЦК КПРФ по проведению избирательных кампаний. М., 2024. URL: https://kprf.ru/m/att/2024/03/pamiatka_uik_moskva_bez_koib_mart_2024.pdf (дата обращения: 04.01.2026).

[245] Наблюдатель (цифровой продукт) : алгоритм действий в рамках Единого дня голосования – 2025 : руководство для уполномоченных лиц. URL: https://nabludatel-info.ru/faq (дата обращения: 12.01.2026).

фальсификации итогов.

При этом согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, даже в случаях выявления ошибок, несоответствий в протоколах и (или) сводных таблицах об итогах голосования, а также при возникновении сомнений в их правильности, «суд не вправе осуществлять подсчет голосов и определять результаты выборов, референдума».[246] В этом случае в решении суда указывается на необходимость проведения комиссией повторного подсчета голосов избирателей, участников референдума. Таким образом, бремя доказывания ошибок и несоответствий, допущенных при подсчёте голосов, ложится на истца и осложнено невозможностью самостоятельно, без истребования у избирательной комиссии, проводящей выборы представить к рассмотрению объективные доказательства нарушений. В этом случае большое значение получает упомянутая выше «*легитимация через процедуру»,* то есть общественный контроль за неукоснительным соблюдением избирательных процедур в процессе подсчёта избирательных бюллетеней. Такие возможности имеются у наблюдателей не только на самих избирательных участках, но и удаленных наблюдателей в центрах общественного наблюдения с использованием возможности видеозаписи и видеофиксации процедур голосования и подсчёта голосов. Указанные видеосвидетельства могут быть в дальнейшем приобщены к материалам дела, при рассмотрении заявлений о нарушениях.

Обширный перечень административно и уголовно наказуемых деяний, противоречащих принципам избирательного права и процесса и посягающих на избирательные права граждан, содержится в статьях 5.1.-5.2.5. главы 5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) и ст. 141-142 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК).

Уголовная ответственность наступает за совершение общественно опасных нарушений законодательства о выборах, причиняющих существенный вред

[246] О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 9.

охраняемым законом общественным отношениям в сфере реализации гражданами избирательных прав. Наиболее опасные преступления в отношении избирательных прав граждан, способные подвергнуть сомнению достоверность голосования и легитимность выборов, связаны с искажением волеизъявления избирателей. Это прежде всего фальсификация избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования (ст. 142 УК РФ); фальсификация итогов голосования (ст. 142.1 УК РФ). Также серьёзные уголовно наказуемые преступления связаны с воспрепятствованием осуществлению избирательных прав граждан: принуждением к голосованию или подкупом избирателей (ст. 141 УК РФ), незаконной выдачей и получением избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме, т.е. действиями, которые влекут за собой «вброс» бюллетеней (ст. 142.2 УК РФ).

По мнению В.А. Туманова, В. Е Чиркина, Ю.А. Юдина, детальные правила процедур голосования и подсчёта голосов должны исключать возможность каких-либо фальсификаций.[247] Однако практика показывает, что полностью, особенно ввиду роста цифровых вызовов и угроз, условия для фальсификаций в избирательном процессе исключены быть не могут.

Общественная опасность данных преступлений заключается в подрыве конституционных основ выборов, что делает невозможным установление действительной воли избирателей и нарушает их право на свободное волеизъявление. Все способы фальсификации самого процесса голосования, осуществляемые путём манипуляций со списками избирателей, бюллетенями, протоколами об итогах голосования можно разделить на три основные группы.

1. Вброс: число голосов за одного кандидата увеличивается без уменьшения голосов за других, что формально повышает явку.

2. Переброс: голоса одного кандидата увеличиваются за счёт уменьшения голосов другого.

3. Изъятие: число голосов за одного кандидата уменьшается без изменения

---

[247] Конституция Российской Федерации : Энциклопедической словарь / В.А.Туманов, В.Е.Чиркин, Ю.А.Юдин и др. 2-е изд.,перераб.и доп.В.А.Тумановым. М. : Большая Рос. энцикл. ; Юристъ, 1997. С. 102.

показателей других, что формально снижает явку.[248]

Однако случаи фальсификации избирательных документов или итогов голосования не так часто фиксируются наблюдателями и другими участниками избирательного процесса. Так, в промежуточном докладе Президенту Российской Федерации о нарушениях, выявленных в рамках их компетенции, в ходе чрезвычайно резонансной избирательной кампании и голосования по выборам в Государственную Думу 4 декабря 2011 года МВД России и Следственным комитетом говорилось о 2091 административных нарушениях и возбуждении 53 уголовных дел, при том, что по заявлениям о фальсификации итогов голосования было проведено 9 проверок, по заявлениям о вбросе избирательных бюллетеней в урны в день голосования 5 проверок, по фактам подкупа избирателей 4 проверки.[249]

Основанием для отмены итогов голосования, результатов выборов на соответствующей территории Конституционный суд Российской Федерации называет «существенные нарушения избирательного законодательства, не позволяющие с достоверностью выявить действительную волю избирателей».[250] Однако какие именно нарушения могут быть признаны существенными для достоверности волеизъявления на избирательном участке, в избирательном округе, в субъекте Федерации или в едином федеральном избирательном округе Конституционный суд Российской Федерации не раскрыл. Согласно пункту 1.2 статьи 77 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», суд может отменить решение избирательной комиссии о результатах голосования при наличии нарушений правил составления списков избирателей; порядка голосования или установления его итогов; воспрепятствования наблюдению за голосованием и подсчётом голосов; порядка формирования самой

[248] Любарев А. Е. Занимательная электоральная статистика. М. : Голос консалтинг. 2021. С. 94.
[249] МВД и Следственный комитет представили Президенту промежуточный доклад о нарушениях в ходе избирательной кампании и голосования на выборах в Государственную Думу // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/14076 (дата обращения: 12.01.2026).
[250] По делу о проверке конституционности части 15 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой регионального отделения политической партии "Справедливая Россия" в городе Санкт-Петербурге : постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2018 № 42-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 1. С. 12–25.

избирательной комиссии; иных положений избирательного законодательства Российской Федерации.

Ключевым условием для отмены результатов является то, что любое из перечисленных нарушений повлияло на исход голосования, лишив избирательную комиссию и суд возможности достоверно установить действительную волю избирателей. Категория «достоверность» в избирательном законодательстве не определена четкими правовыми границами и не конкретизирована и полностью зависит от субъективного усмотрения правоприменителя. Итоги голосования обезличены, выражаются в количестве голосов отданных за каждого кандидата, а голос каждого избирателя идентификации не подлежит. Ключевым вопросом, при рассмотрении тех или иных сообщений о нарушениях избирательных прав граждан является установление того, насколько они повлияли на свободу и достоверность волеизъявления граждан. В случае невозможности определения действительного волеизъявления избирателей, избирательная комиссия, организующая выборы или суд, могут признать итоги голосования, результаты выборов недействительными на соответствующей территории.[251]

С 2018 года, когда Общественная палата Российской Федерации и общественные палаты субъектов Российской Федерации начали осуществлять подготовку и направление наблюдателей на избирательные участки, фиксируется снижение количества нарушений на выборах.[252] [253] Представляется, что массовое присутствие независимых наблюдателей на избирательных участках само по себе изживает нарушения на выборах. Также прозрачности процесса голосования способствует возможность видеонаблюдения за голосованием и подсчётом голосов на участковых и территориальных избирательных комиссиях, осуществляемая с

[251] Кравченко О. А. Понятие и виды процессуальных гарантий обеспечения достоверности волеизъявления народа при голосовании // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 4 (июль–август). URL: https://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/Кравченко%20О.%20А..pdf (дата обращения: 12.01.2026).

[252] Общественники отметили сокращение случаев подтвержденных нарушений на выборах // ТАСС. 2024. 10 сентября. URL: https://tass.ru/politika/21817443 (дата обращения: 01.01.2026).

[253] В МВД заявили о снижении числа сообщений о нарушениях на выборах // Парламентская газета. 2021. 19 сент. URL: https://www.pnp.ru/politics/v-mvd-zayavili-o-snizhenii-chisla-soobshheniy-o-narusheniyakh-na-vyborakh.html (дата обращения: 01.01.2026).

функцией перемотки видеозаписи из Центров общественного наблюдения в субъектах Российской Федерации. Дополнительной гарантией законности процесса голосования и обжалования его результатов, становится возможность предоставления видеозаписи по запросу суда, прокурора или следователя, если решается вопрос о возбуждении уголовного или административного дела, а также участникам избирательной кампании, если они жалуются на нарушение избирательного законодательства. К тому же в условиях развития процессов автоматизации подсчёта голосов с использованием комплексов обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) и комплексов для электронного голосования (КЭГ), технологии регистрации избирателей для голосования по месту нахождения «Мобильный избиратель», а также дистанционного электронного голосования (ДЭГ) теряют свой смысл многие распространенные в прошлом виды нарушений на избирательных участках, такие как махинации с открепительными удостоверениями, «карусель»,[254] «вброс бюллетеней» или использование «исчезающих» чернил.[255] Однако исчезновение возможностей для махинаций в ходе голосования с использованием бумажных бюллетеней, вовсе не означает принципиальное устранение возможностей для нарушений. Основными угрозами легитимности выборов становятся:

– распространение непроверенной или заведомо ложной информации об избирательном процессе, кандидатах, используемых технологиях и процедурах для создания о них ложного общественного мнения;

– попытки кибер-атак на сервисы дистанционного электронного голосования, систему «Гас-выборы», сайты избирательных комиссий, органов государственной власти.

По данным МВД России, количество уголовных дел, так или иначе связанных с избирательной кампанией на выборах Президента Российской Федерации в 2024 году, значительно возросло по сравнению с предыдущими циклами — до 61 дела

[254] «Карусель» - это метод фальсификации результатов голосования, связанный с повторным голосованием одних и тех же лиц на разных участках.
[255] Бузин А. Ю. Рекомендации члену УИК с правом решающего голоса. М. : ГОЛОС, 2012. С. 22.

против 13 в 2018 году и 23 в 2012 году. При этом изменилась структура регистрируемых преступлений. В частности, увеличилось число уголовных дел по статье о воспрепятствовании осуществлению избирательных прав (ст. 141 УК РФ) и о заведомо ложном сообщении об акте терроризма (ст. 207 УК РФ). Кроме того, в 2024 году правоохранительными органами было составлено 155 протоколов об административных правонарушениях. Значительную их часть составили нарушения по ст. 5.14 КоАП РФ (умышленное уничтожение или повреждение агитационных материалов) и по ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство). Нарушений, способных повлиять на итоги голосования, зафиксировано не было.[256] При этом в ряде случаев общественным наблюдателям удалось предотвратить нарушения, связанные с порчей урн, залитием их зеленкой, а также поджоги на территориях избирательных комиссий. [257]

В ходе опроса, проведенного ВЦИОМ в 2021 году, 8% россиян заявили, что имеют личный опыт, связанный с нарушениями на выборах в регионах, и считают, что их голос подсчитали неверно.[258] В 2024 году о значительных нарушениях, оказавших существенное влияние на результаты выборов, говорили 6 % избирателей.[259] Данные ЦИК России также подтверждают данную динамику: за шесть лет количество обращений о предполагаемых нарушениях на президентских выборах сократилось на 65,7%: с 6059 в 2018 году до 2081 в 2024 году.[260] Приведенные данные ВЦИОМ и ЦИК России, с одной стороны, указывают на то, что нарушения на выборах всё еще полностью не искоренены, несмотря на большую работу в этом направлении, а с другой стороны стороны, могут

[256] Суринская Я. Преследовать за нарушения на выборах стали чаще : число уголовных дел по сравнению с прошлой кампанией выросло почти в пять раз // Ведомости. 2024. 19 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/03/19/1026485-presledovat-za-narusheniya (дата обращения: 11.01.2026).

[257] Наблюдатели предотвратили две провокации с зеленкой на избирательных участках // ТАСС. 2024. 16 марта. URL: https://tass.ru/politika/20253033 (дата обращения: 11.01.2026).

[258] Выборы в российских регионах: легитимность, доверие, нарушения // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-rossiiskikh-regionakh-legitimnost-doverie-narushenija (дата обращения: 11.01.2026).

[259] Выборы: легитимность, доступность, цифровизация // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-legitimnost-dostupnost-cifrovizacija (дата обращения: 11.01.2026).

[260] Выборы Президента Российской Федерации. 2024: электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2024. С. 289.

свидетельствовать о возросшей правовой грамотности и сознательности российского избирателя, который стал более внимательно относится к сообщениям о нарушениях.

Основными темами обращений граждан на «горячую линию» Общественной палаты Российской Федерации по защите избирательных прав граждан и в Ситуационный центр по наблюдению за голосованием (работающие в дни голосования) становятся вопросы с онлайн-голосованием; голосованием с помощью системы «Мобильный избиратель»; вопросы о присоединении к наблюдению; проблемы со списками на избирательных участках (гражданин не внесен в список; гражданин проголосовал ранее онлайн, но оказался внесенным в список и на участке; умерший человек внесен в списки); проблемы с реализацией избирательного права граждан, проживающих за рубежом. Обращения свидетельствуют о сохранении проблем с актуализацией списков избирателей, связанные с несвоевременным обновлением гражданами личной информации на едином портале государственных услуг; расширением возможностей, защитой и технической поддержкой сервисов дистанционного электронного голосования; своевременным информированием граждан о возможности принимать участие в общественном наблюдении за голосованием на выборах. Недостатки в списках избирателей или отсутствие избирателя в списке избирателей остаётся одним из самых массовых нарушений на выборах. Так на выборах в Государственную Думу в 2016 году было установлено 87 таких нарушений,[261] а на выборах Президента Российской Федерации в 2018 году было подтверждено 241 таких случая.[262] В 2024 году несмотря на то, что подтвердились лишь единичные случаи нарушений общее количество обращений по вопросам уточнения сведений в списках избирателей, а также функционирования системы ДЭГ составило 5134.[263]

---

[261] Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 года: электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2017. С. 507.

[262] Выборы Президента Российской Федерации. 2018: электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2018. С. 383.

[263] Выборы Президента Российской Федерации. 2024: электоральная статистика / Центральная избирательной комиссии Российской Федерации. М., 2024. С. 288.

Одновременно наблюдателями фиксируется большое распространение непроверенной, недостоверной или заведомо ложной информации о выборах или фейков. В 2019 году были приняты поправки в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[264] и изменения в Кодекс об административных правонарушениях[265], призванные противодействовать так называемым фейковым новостям – недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений и создающей угрозу для безопасности. В 2020 году соответствующие поправки также были внесены в Уголовный кодекс Российской Федерации.[266]

Сегодня фейки – это наиболее часто встречаемый и опасный для реализации гражданами своих конституционных прав и общественной безопасности вид нарушений. Однако степень общественной опасности фейков о выборах пока не получила должной оценки в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации. В ходе административного производства ответственность «за распространение фейков» о выборах может наступить в соответствии со статьей 13.15 КоАП, а уголовная в соответствии со статьей 207.1 УК РФ, только если эти деяния имеют другие социально значимые последствия в виде нарушений общественного порядка и (или) общественной безопасности, обстоятельств, которые повлекли смерть человека, причинение вреда здоровью человека или имуществу и др.

Распространение недостоверной информации о выборах остается серьезной проблемой. По оценкам ряда общественных организаций, таких как «Лига безопасного интернета», в период основных избирательных кампаний последних лет (общероссийское голосование 2020 года, выборы в Государственную Думу 2021 года, выборы в единый день голосования 2022 года) фиксировались тысячи вбросов ложных данных, что свидетельствует о целенаправленных попытках

---

[264] О внесении изменений в статью 153 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" : федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1225.

[265] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

[266] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 01.04.2020 № 94-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 14. Ст. 2026.

дискредитации избирательного процесса.[267] [268]

В июне 2020 года Временная комиссия Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации сообщила о том, что иностранные силы продолжают активно распространять протестные идеи и дезинформацию через российские некоммерческие организации (НКО). Одновременно в марте 2020 года Государственный департамент США выделил очередной грант в размере 5 миллионов долларов для поддержки организаций, которые занимаются продвижением демократии. В отчёте Временной комиссии за 2020 год было отмечено, что помимо Ассоциации «Голос»[269], в распространении фейков и дискредитации общероссийского голосования участвовали и другие организации, работающие в России.[270] Они объединились в «Альянс независимых наблюдателей за общероссийским голосованием». В этот альянс вошли представители общественных объединений «Ассоциация наблюдателей Татарстана», «Выборы. Народный контроль», «Голос»,[271] «Гражданин наблюдатель», «Наблюдатели Петербурга», «Народный избирком» и «Сонар» выступили против внесения поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году. Эти организации начали активно критиковать изменения в Конституции и способ их принятия через процедуру общероссийского голосования. Они стремились заведомо дискредитировать как сами поправки, так и процесс их утверждения.[272]

Оппозиционные партии в России, реализуя свои полномочия в сфере электорального наблюдения, ориентируют своих наблюдателей на поиск

---

[267] Более 4,2 тыс. фейков о выборах в России обнаружены в соцсетях // Известия. 2022. 10 сент. URL: https://iz.ru/1393471/2022-09-10/bolee-42-tys-feikov-o-vyborakh-v-rossii-obnaruzheny-v-sotcsetiakh (дата обращения: 12.01.2026).

[268] Ниточкин Ф. В. Фейки о выборах как угроза национальной безопасности // Информационная безопасность: вызовы и решения : бюллетень II Международной молодежной конференции (сборник тезисов) / отв. ред. А. Ж. Мартиросян, Р. Н. Шангараев ; Дипломатическая академия МИД России. М., 2025. С. 172–178.

[269] Признана иностранным агентом на территории Российской Федерации.

[270] Комиссия СФ заявила о «внешней атаке» на голосование по Конституции РФ // ТАСС. 2020. 25 июня. URL: https://tass.ru/politika/8814949 (дата обращения: 12.01.2026).

[271] Признана иностранным агентом на территории Российской Федерации.

[272] Данилин П. В., Данилов В. Н. Наблюдение на выборах в контексте реализации права граждан на власть. Российский опыт // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1(19). С. 53.

нарушений на избирательных участках, часто предлагая субъективные и оценочные критерии для фиксации нарушений на избирательных участках. Например, партия «Яблоко» в своей «Инструкции для наблюдателей» на выборах, проведённых в единый день голосования 19 сентября 2021 года, рекомендовала своим наблюдателям обратить внимание на следующие якобы распространённые «нарушения»:

– «агитацию в помещении избирательного участка и при работе «на выезде» у информационных стендов, на подходах к участку, в кабинках с помощью заранее проинструктированных избирателей – «подсказчиков»»;

– «поквартирный обход (или обход по спискам от соцобеспечения) во время голосования на дому»;

– «массовое голосование по открепительным удостоверениям (подвоз избирателей автотранспортом в большом количестве от участка к участку)».[273]

Однако упомянутые в инструкции партии «Яблоко» события невозможно однозначно квалифицировать как нарушения. В первом случае нельзя однозначно установить, что ведётся именно агитация. Во втором случае поквартирный обход может быть законным способом информирования избирателей о времени и месте проведения голосования. В-третьем случае сам по себе массовый подвоз на участки избирателей не является нарушением и организуется органами местного самоуправления для обеспечения прав избирателей, проживающих в населенных пунктах, отдаленных от помещений для голосования.[274]

Среди «способов махинаций», на которые указывала партия ЛДПР, в памятке своим наблюдателям на выборах губернатора Красноярского края и депутатов Красноярского городского Совета 10 сентября 2023 года упоминаются: «выезд только к «своим» при надомном голосовании; «голосование группками

---

[273] Инструкция для наблюдателей // Политическая партия «ЯБЛОКО». М., 2021. URL: https://www.yabloko.ru/content/instruktsiya_dlya_nablyudatelej (дата обращения: 11.01.2026).

[274] О Рекомендациях по некоторым вопросам организации голосования избирателей, проживающих в населенных пунктах, отдаленных от помещений для голосования, при проведении выборов Президента Российской Федерации : постановление ЦИК РФ от 14.02.2018 № 141/1163-7 // Вестник ЦИК РФ. 2018. № 3.

откровенных «маргиналов»»; фотографирование своего бюллетеня избирателем.[275]

В первом случае определение и уточнение маршрута для проведения выездного голосования является полномочием избирательной комиссии. Во втором случае имеет место откровенно оскорбительная формулировка в отношении избирателей, поддерживающих конкурирующую политическую силу. В-третьем случае действия избирателя являются нарушением, только если он публично демонстрирует заполненный бюллетень, так как фотографирование бюллетеня для личного пользования нарушением не является.

Таким образом, сравнительный анализ методических материалов оппозиционных партий («Яблоко», ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия») подтверждает, что основной целью партийного наблюдения зачастую является не обеспечение легитимности и чистоты избирательного процесса в целом, а защита узкопартийных интересов и сбор информации для возможного оспаривания результатов в интересах конкретного кандидата или политической силы.

Общественная палата Российской Федерации в отличие от оппозиционных партий организует работу по общественному наблюдению на избирательных участках на основе презумпции добросовестности всех участников избирательного процесса, нацеливает своих наблюдателей на контроль соответствия происходящего на избирательных участках в день голосования нормам законодательства, принципиально не квалифицирует поступающие сигналы как нарушения до их проверки и подтверждения в установленном порядке.

Основным инструментом методического обеспечения общественного контроля на выборах и референдумах является «Золотой стандарт» — подробный чек-лист из нескольких десятков пунктов.[276] По этому перечню наблюдатели оценивают соответствие всех этапов голосования требованиям Закона. Изначально разработанный Общественной палатой Российской Федерацией к выборам

---

[275] Памятка наблюдателя на выборах // Официальный сайт Красноярского регионального отделения ЛДПР. URL: https://krasnoyarsk.ldpr.ru/event/302032 (дата обращения: 11.01.2026).

[276] «Золотой стандарт» по общественному наблюдению за голосованием : утв. решением Совета Общественной палаты РФ от 27.02.2024 № 77-С // Общественная палата Российской Федерации. URL: https://oprf.ru/structure_list/167 (дата обращения: 11.01.2026).

Президента Российской Федерации 2018 года, «Золотой стандарт» регулярно актуализируется перед каждой новой избирательной кампанией с учетом изменений в законодательстве.[277]

Для регламентации работы наблюдателей в рамках «Золотого стандарта» был принят Кодекс этики общественного наблюдателя.[278] В нем закреплены ключевые принципы деятельности: соблюдение Конституции и законодательства Российской Федерации; политическая нейтральность, беспристрастность и гласность; добросовестность и работа только с проверенной информацией; содействие в реализации избирательных прав граждан; постоянное повышение компетенции и правовой грамотности наблюдателей; уважение интересов всех участников избирательного процесса.

С 2024 года наблюдение в территориальных избирательных комиссиях (ТИК) осуществляется по специальному Стандарту наблюдения в ТИК. [279] Этот документ позволяет контролировать ключевые процессы на уровне территории, включая: прием и проверку протоколов от нижестоящих участковых комиссий (УИК); суммирование данных и составление сводного протокола ТИК; ввод информации в государственную систему ГАС «Выборы» и проверку контрольных соотношений; ознакомление с итоговым протоколом ТИК; рассмотрение жалоб, связанных с голосованием и подсчетом голосов на участках.[280] В 2025 году Общественной палатой в связи с изменениями избирательного законодательства также дополнительно разработаны чек-листы для голосования на экстерриториальных избирательных участках; на придомовых территориях; в населенных пунктах и

---

[277] Ниточкин Ф. В. «Золотой стандарт» общественного наблюдения в механизме общественного контроля за голосованием на выборах и референдумах // Избирательное законодательство и практика. 2024. № 3. С. 13.

[278] Кодекс этики общественного наблюдателя : утв. решением Совета Общественной палаты РФ от 18.06.2021 № 90-С // Общественная палата Российской Федерации. URL: https://oprf.ru/structure_list/167 (дата обращения: 11.01.2026).

[279] Стандарт по общественному наблюдению в территориальной избирательной комиссии при проведении выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года : утв. решением Совета Общественной палаты РФ от 27.02.2024 № 77-С // Общественная палата Российской Федерации. URL: https://oprf.ru/structure_list/167 (дата обращения: 11.01.2026).

[280] Ниточкин Ф. В. «Золотой стандарт» общественного наблюдения в механизме общественного контроля за голосованием на выборах и референдумах // Избирательное законодательство и практика. 2024. № 3. С. 13.

иных местах, где отсутствуют помещения для голосования и транспортное сообщение с которыми затруднено.[281] Таким образом как указывают С.Е. Заславский и О.В. Парамонова в сфере общественного наблюдения за последние годы Общественной палатой Российской Федерации и общественными палатами субъектов Российской Федерации принят корпус документов, определяющих «этические нормы поведения наблюдателей», «организационно-структурные вопросы организации общественного наблюдения» и «организационно-методические документы, регламентирующие стандарты оценок наблюдателей и особенности организации наблюдения» при различных формах голосования.[282] Это позволяет общественным палатам осуществлять эффективный общественный контроль и защиту избирательных прав граждан. Они фактически реализуют внесудебный порядок разрешения избирательных споров с помощью **механизмов общественной медиации**. Значительное число сообщений об отклонении от «Золотого стандарта» стандарта, фиксируемых общественными наблюдателями на избирательных участках проверяются и устраняются на месте путём привлечения к ним внимания вышестоящих избирательных комиссий, правоохранительных органов и СМИ.

Механизмы судебной защиты избирательных прав и права граждан на участие в референдуме, установлены главами 21 и 24 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее - КАС РФ). Согласно п. 3 ст. 239. КАС РФ полномочия наблюдателей в судебном процессе ограничиваются оспариванием «в суде решения, действия (бездействие) органа государственной власти, органа местного самоуправления, общественного объединения, избирательной комиссии, комиссии референдума, должностного лица, нарушающие права наблюдателей, связанные с осуществлением ими своих полномочий».[283] Это положение КАС РФ связано с практикой конфликтов на

---

[281] Координационный совет по общественному контролю за голосованием // Общественная палата Российской Федерации. URL: https://oprf.ru/structure_list/167 (дата обращения: 11.01.2026).

[282] Заславский С. Е., Парамонова О. В. Общественный контроль в избирательном процессе: вопросы политической и правовой институционализации // Власть. 2025. № 6. С. 71.

[283] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

избирательных участках и удаления наблюдателя из помещения для голосования. В 2023 году Верховным Судом Российской Федерации также разъяснялось, что наблюдатели, исходя из особенностей их правового статуса, вправе оспаривать в суде лишь решения связанные с осуществлением ими своих полномочий.[284] [285]

Однако в случаях фиксации нарушений в отношении других участников избирательного процесса (избирателей, кандидатов, доверенных лиц и др.) наблюдатели не могут самостоятельно обратиться в суд. В Постановлении от 22 апреля 2013 года № 8-П Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая жалобы наблюдателей, разъяснил их правовой статус. Суд указал, что наблюдатель действует не самостоятельно, а как представитель интересов кандидата или избирательного объединения. Его задача — контролировать соблюдение избирательных процедур и правильность подсчёта голосов на конкретном участке. По этой причине наблюдатель не вправе подменять кандидатов или избирательные объединения в защите их избирательных прав.[286]

При этом возможность оспаривания в судебном порядке решений, действий (бездействия) избирательных комиссий, комиссий референдума субъектам общественного контроля за избирательным процессом (Общественной палате Российской Федерации и общественным палатам субъектов Российской Федерации) до настоящего момента не предоставлена.[287]

Однако, очевидно, что указанная позиция Верховным Судом Российской Федерации не рассматривает как полномочия субъектов общественного контроля, так и назначаемых ими наблюдателей, которые не являясь представителями

---

[284] О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 9.

[285] Бударина Н. А., Сахаров С. Ф. Новеллы практики применения законодательства о выборах в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о защите избирательных прав // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 3. С. 13.

[286] По делу о проверке конституционности положений статьи 24 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 31 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Л.Г. Крыловой : постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2013 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 4. С. 12.

[287] О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 9.

конкурирующих на выборах политических сил или стороной, заинтересованной в определенном исходе выборов, обеспечивают защиту публично значимого интереса неопределённого круга лиц (прежде всего избирателей) в законности, честности и справедливости избирательного процесса. Общественные наблюдатели по сути являются участниками социально значимой, добровольной, безвозмездной деятельности по оказанию содействия реализации избирательных прав граждан.

С 2019 года Общественная палата Российской Федерации обсуждает предоставление субъектам общественного контроля права обращаться в суд в защиту прав неопределенного круга лиц. В настоящее время процессуальное законодательство допускает право общественных палат всех уровней обращаться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. Указанные нормы имеют отсылочный характер и предполагают наличие федерального закона, предусматривающего случаи, когда такое право может быть реализовано.[288] Проблема также усугубляется тем, что субъекты общественного контроля не являются юридическим лицами. На практике указанное приводит к тому, что в настоящее время в случае необходимости субъекты общественного контроля могут реализовать право обращения в суд в защиту прав неопределенного круга лиц только путем инициирования соответствующих заявлений через правоохранительные органы и иные уполномоченные органы и организации.

*Предлагается внести изменения в пп. 7 п. 1 ст. 10 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», предусмотрев закрытый перечень случаев, в которых целесообразно наделить общественные палаты всех уровней правом обращения в суд, а также внести соответствующие изменения в отраслевое и процессуальное законодательство.[289] В частности, предлагается предусмотреть возможность*

[288] Общественные слушания «Иски в защиту прав неопределенного круга лиц: смогут ли общественные палаты обращаться в суд?» [Электронный ресурс] // Агентство социальной информации. — 2020. — 30 янв. — URL: https://asi.org.ru/event/2020/01/27/moskva-sud-zashhita-prava-svobody-iski-obshhestvennyj-kontrol/ (дата обращения: 12.11.2026).

[289] Проект рекомендаций по итогам общественных слушаний «Иски в защиту прав неопределенного круга лиц: смогут ли общественные палаты обращаться в суд?». М., 2020. 30 янв. URL:

*предоставления права субъектам общественного контроля обращаться в суд по сообщениям о фактах нарушений избирательных прав граждан, поступивших от общественных наблюдателей. Представляется, что указанное правомочие позволит субъектам общественного контроля обеспечить восстановление нарушенных избирательных прав граждан.*

https://www.oprf.ru/activity_documents (дата обращения: 10.01.2026).

## 2.3. Электоральное наблюдение как фактор формирования правовой культуры и форма участия граждан в управлении делами государства

Реализация права граждан на участие в управлении государством требует не только создания политических, социальных и правовых условий со стороны государства, но и активной общественной позиции самого гражданина, его осознанного интереса к жизни общества, определённого уровня политической и правовой культуры. Общественное наблюдение за выборами — один из самых массовых проектов российского гражданского общества за всю историю, в котором, по оценкам сопредседателя Координационного совета по общественному контролю за голосованием при Общественной палате Российской Федерации М.С. Григорьева, приняло участие более 1 млн человек.[290] [291] Ежегодно несколько десятков тысяч человек проходят обучение и становятся наблюдателями на федеральных и региональных выборах. Один из организаторов подготовки общественных наблюдателей, председатель Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по общественному контролю и работе с обращениями граждан А.В. Булгакова считает, что «участие в наблюдении — это достижение в жизни гражданина, проявление активной позиции, неравнодушия к судьбе своей страны и своих близких, а в целом то, чем можно гордиться».[292] [293] Серьёзная юридическая подготовка наблюдателей также не могла не сказаться на общем уровне правосознания как самих наблюдателей, так и других участников избирательного процесса. Общественное наблюдение внесло свой вклад в

---

[290] Институту общественного наблюдения за выборами в России пять лет // Общественная палата Российской Федерации. 2023. 20 марта. URL: https://www.oprf.ru/news/institutu-obshchestvennogo-nablyudeniya-za-vyborami-v-rossii-pyat-let (дата обращения: 11.01.2026).

[291] Ниточкин Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием на выборах и референдумах как фактор формирования электоральной правовой культуры // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 3. С. 15–18.

[292] Общественные наблюдатели стали реальной силой // Центр прикладных исследований и программ. 2024. 9 янв. URL: http://www.prisp.ru/opinion/15390-bulgakova-o-podgotovke-k-viboram-prezidenta-0901 (дата обращения: 11.01.2026).

[293] Ниточкин Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием на выборах и референдумах как фактор формирования электоральной правовой культуры // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 3. С. 15–18.

формирование правовой культуры, в том числе культуры участия в управлении делами государства в нашей стране, значение которого нам предстоит оценить.

Советский и российский учёный-правовед С.С. Алексеев понимал под правовой культурой «обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека». При этом правосознание он определял как «совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям в общественной жизни».[294]

Правовая культура характеризует такое состояние правосознания, при котором право является социальной ценностью. В широком же смысле правовая культура включает в себя не только правосознание, совокупность правовых знаний в виде норм, убеждений и установок, но и определенные модели поведения (правоприменения) на них основанные. Идеальная правовая модель легитимации государственной власти основывается на правосознании избирателей. Уровень развития правосознания может быть зафиксирован лишь в реальной правовой деятельности, в правовом поведении, которые имеют и самостоятельные характеристики.

Стратегический документ, определяющий развитие правового просвещения избирателей в России на период 2025–2027 гг.[295], опирается на расширительную трактовку правовой культуры. В рамках данной Концепции ставится задача комплексного формирования правовой компетентности граждан через скоординированные усилия государственных и общественных институтов. Речь идет о целенаправленном развитии трех ключевых элементов: системных правовых

[294] Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. С. С. Алексеева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2021. С. 266–280.
[295] Концепция повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2025–2027 годы : утв. постановлением ЦИК России от 25.12.2024 № 191/1493-8 // Вестник ЦИК РФ. 2025. № 1.

знаний, уважительного отношения к закону и практических умений правомерного поведения. Таким образом, юридически грамотный избиратель, в понимании документа, — это не только человек, знающий избирательное законодательство и обладающий развитым правосознанием, но и активный субъект, способный применять правовые нормы в реальных ситуациях.[296]

Однако, представляется, что масштабная задача повышения правовой культуры и правосознания граждан не может быть достигнута в условиях, когда гражданин остается лишь объектом воспитания, воздействия государства и общества с целью «привития» ему определенных навыков поведения. Для этого гражданин должен являться активным и самостоятельным участником, субъектом в механизме легитимации государственной власти в одной из возможных активных социальных ролей: избирателем, кандидатом, наблюдателем. Правовая культура общества во многом определяется реальным правовым поведением граждан, их деятельностью по реализации права, проще говоря тем, насколько они знают и своевременно исполняют свои обязанности, соблюдают запреты и насколько полноценно используют свои права. Соответственно для повышения своей субъектности в механизме легитимации государственной власти гражданин должен обладать развитым правосознанием.[297] Как отмечал Д.А. Реут: «Тенденция, связанная с неуклонным падением от выборов к выборам числа избирателей, принимающих участие в голосовании, вызвана различными факторами, с которыми для решения поставленных проблем нужно бороться. При этом, недостаточно одного лишь совершенствования избирательного законодательства, необходимо качественное изменение отношения общества к самому избирательному процессу».[298]

Правосознание современного общества базируется на двух взаимосвязанных элементах: практике постоянного гражданского участия

---

[296] Ниточкин Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием на выборах и референдумах как фактор формирования электоральной правовой культуры // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 3. С. 15–18.

[297] Там же. С. 15–18.

[298] Реут Д. А. Избирательный процесс как правовой механизм реализации народного суверенитета // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2017. № 1. С. 13–20.

(«культура участия») и ответственного политического лидерства. «Культура участия» означает вовлечённость граждан в общественно-политическую жизнь страны вне зависимости от их отношения к действующей власти. Это показатель политической зрелости, где достигнут баланс между общественными и частными интересами. Данная культура обеспечивает стабильность политической системы через добровольное подчинение меньшинства решениям большинства при гарантированном праве на конструктивную оппозицию.[299] Как предмет специального изучения «культура участия» впервые появилась в середине XX века в работах американских ученых Г. Алмонда и С. Вербы. Тогда исследователи выделили три «чистых» типа политической культуры: патриархальный (провинциалистский), подданнический, активистский (культура участия; партиципативная культура).[300] Активистская форма политической культуры способствует легитимации политико-правовой системы, обеспечивая осмысленное участие граждан в политических и социальных процессах. Основной угрозой для развитой политической культуры в мире в настоящее время является тотальная апатия и невовлеченность масс в реальную политику, изоляция от фактических процессов управления огромной массы людей, благодаря чему согласно представлениям авторов Всемирного исследования ценностей Рональда Инглхарт и Кристиана Вельцеля культура участия подменяется квазидемократией или, как они её называют, «электоральной демократией».[301]

Политическое лидерство как феномен государственной власти является предметом специального рассмотрения политологии, которая формулирует основные теории лидерства в контексте исторического прошлого и антологии общественно-политической мысли прошедших веков, а также в их приложении к

[299] Ниточкин Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием на выборах и референдумах как фактор формирования электоральной правовой культуры // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 3. С. 15–18.
[300] Зуляр Ю. А. Политология : в 2 т. Т. 1 : учебное пособие. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2011. С. 245.
[301] Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / пер. с англ. М. : Новое издательство, 2011. С. 23.

современной действительности. Основной вопрос политического лидерства классической политической наукой формулируется в рамках дискурса позапрошлого столетия «о роли личности в истории». Согласно теории героев (черт),[302] человек становится политическим лидером, прежде всего, в силу присущих ему личных черт таких, как ответственность, энергия и упорство в достижении целей, способность влиять на других людей и общество в целом, желание и готовность принять на себя ответственность за принятые решения и их последствия.

Напротив, ситуационная теория[303] представляет лидерство как общественную силу или функцию окружения, включающего совокупность времени, места, обстоятельств. Соответственно, лидерство понимается как производная общественных отношений или функция группы, передаваемая лидеру в том случае, если группа поддерживает предлагаемую лидером программу.

Однако исследования природы политического лидерства страдают излишней экстраполяцией исторического опыта на реалии сегодняшней общественно-политической жизни: в них часто игнорируются современные процессы развития публичного права и специфической «культуры участия», сформированной демократическими выборами.

Используемые для объяснения природы лидерства теории апеллируют к трудам, появившимся задолго до осознания значения в современном мире «культуры участия», связанной с широким распространением всеобщего избирательного права, и до сих пор почти не рассматривают зависимость между демократической легитимацией политического лидера, процессом его избрания в ходе всеобщих, свободных, равных выборов и характером его властвования, обусловленным разделением властей и конституционно-правовой ответственностью перед избирателями.

Но именно эта причинно-следственная связь между «культурой участия», то

---

[302] Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / пер. с англ. М., 2008. URL: http://az.lib.ru/k/karlejlx_t/text_0020.shtml (дата обращения: 10.01.2026).

[303] Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории. URL: https://rummuseum.info/node/5085?ysclid=mdkbmbubne386507193 (дата обращения: 10.01.2026).

есть участием в управлении делами государства[304] и политической ответственностью, которая наступает по результатам очередных выборов в форме продления или прекращения своеобразного «мандата» на власть, и стала основой для формирования нового типа современного лидера. Она обуславливает зависимость лидера от суверенного выбора народа, более глубокую ответственность перед избирателями в условиях принципиальной сменяемости власти, консенсусный характер фигуры лидера при мажоритарной и смешенной избирательной системе. Открытая демократическая политическая система сама по себе диктует требования к основным качествам политического лидера, определяет публичный характер властвования лидера в ситуации высокой политической конкуренции и многопартийности, формализует роль оппозиции в демократическом процессе и представительном органе власти как обязательную часть равновесной политической системы.[305]

В условиях декларируемого свободного выбора кандидата на ответственный государственный пост современный избиратель обращает внимание на личностные качества будущего лидера, которые в предшествующие эпохи были сокрыты от всеобщего обозрения: его политические убеждения, политический стиль, реакцию лидера на стрессы и давление, способ, которым он достиг своего положения, предшествующий политический опыт, принадлежность к той или иной группе конкурирующих элит и др.

С другой стороны, отказ от патернализма в пользу демократического избрания возлагает на избирателя дополнительную ответственность, определяет необходимость повышения его правосознания и правовой грамотности, уровня осведомленности об основных политических силах и их предвыборных программах; определяет важность обучения всех участников избирательного процесса (кандидатов, доверенных лиц кандидатов, партий, наблюдателей, избирателей) современным избирательным технологиям, наконец, определяет

---

[304] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 32.

[305] Ниточкин Ф. В. Проблема легитимности в политико-правовых учениях и избирательное право // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 29–37.

новую роль избирателя в качестве активного политического субъекта, реализующего в избирательном процессе свое конституционное право на участие в делах государства.

Таким образом, именно институализация права свободного выбора в конституциях и политической практике почти всех современных государств создала новый тип лидерства – ответственного выборного лидерства, а также новую форму активного гражданского участия в политических процессах легитимации власти.[306]

В теоретико-правовых исследованиях достаточно редко рассматривается влияние общественного наблюдения за голосованием на выборах и референдумах на качественное изменение российской электоральной культуры.[307] [308] Связано это не в последнюю очередь с относительной молодостью института общественного наблюдения, получившего закрепление в законодательстве в 2018 году.

В научных кругах в начале 2010-х годов преобладала характеристика российской электоральной культуры как слаборазвитой. Ее диагностическими признаками называли: скептическое отношение населения к собственной способности влиять на итоги голосования, доминирование пассивной модели гражданского поведения, широкое использование манипулятивных методик в избирательных кампаниях, эмоциональную, а не рациональную основу принятия решений избирателями, слабую партийную идентификацию и неразвитость ценностных ориентаций, отсутствие устойчивой готовности отстаивать свои избирательные права.[309]

Несмотря на это, выборность органов власти признавалось обществом в качестве важнейшего политического института.[310] В свою очередь, академическое

---

[306] Нисневич Ю. А. Институт выборов как механизм легитимации государственной власти // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 2. С. 62–72.

[307] Юсубов Э. С. Правовая культура в избирательном процессе Российской Федерации: теория и практика // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2 (16). С. 9.

[308] Ниточкин Ф. В. Проблема легитимности в политико-правовых учениях и избирательное право // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 29–37.

[309] Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ. 2011. 11 апр. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/massovoe-politicheskoe-uchastie-v-rossii-tolko-vybory-ili-chto-to-eshhe (дата обращения: 11.01.2026).

[310] Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова

сообщество единодушно признавало фундаментальную роль зрелой электоральной культуры как необходимого условия демократических процедур. Эта культура, понимаемая как комплекс устойчивых представлений и поведенческих моделей, создает основу для легитимного формирования институтов власти через свободное и осознанное волеизъявление. Одновременно она служит социальным механизмом защиты результатов этого выбора. Ключевыми индикаторами развитой электоральной культуры считаются политическая грамотность населения, доверие к избирательным институтам и активное участие в голосовании.[311]

Электоральная активность непосредственно связана с социально-политической активностью граждан. Д.В. Ольшанский под социально-политической активностью понимает «деятельность социальных групп или индивидов, связанную с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со стремлением изменить существующий политический или социально-экономический порядок и соответствующие политические институты».[312] Такая активность может приобретать лояльные или протестные формы. Представляется, что электоральная активность, как существенная часть активности социально-политической, не ограничивается только уровнем явки избирателей на выборах, как полагает ряд исследователей, то есть «процентом пришедших на избирательный участок и проголосовавших результативно».[313] [314] В широкой трактовке электоральная активность «имеет отношение не только к избирателям, но и к тем, кто организует процесс выборов, принимает то или иное участие в них, а также является заказчиком применения тех или иных технологий».[315] Электоральную активность в современной России невозможно

М.К., Тихоновой Н.Е. М.: Весь Мир, 2016 г. С. 169.

[311] Ниточкин Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием на выборах и референдумах как фактор формирования электоральной правовой культуры // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 3. С. 15–18.

[312] Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь. М. : Академический Проект, 2002. С. 21.

[313] Карпенко О. М., Ламанов И. А. Молодежь в современном политическом процессе в России. М.: Изд-во Современного гуманитарного университета, 2006. 560 с.

[314] Бетехтина А. В., Олухов Н. В. Электоральное поведение молодежи: почему молодежь не ходит на выборы? // Вопросы управления. 2012. № 3. С. 12–20.

[315] Римский В. Л. Клиентелизм как фактор электорального поведения российских граждан // Решение есть всегда : сборник трудов Фонда ИНДЕМ, посвященный десятилетней годовщине его деятельности / ред.-сост.: Г. Сатаров, Д. Шмерлинг, Т. Кузнецова. М. : Фонд ИНДЕМ, 2001. С. 251–259.

оценивать в отрыве от института общественного наблюдения. Институт гражданского мониторинга на выборах представляет собой комплексный механизм, обеспечивающий прозрачность волеизъявления. Его ключевая социальная функция заключается в синхронном укреплении двух основ политической системы: оно усиливает состязательность в рамках правового поля и способствует признанию обществом легитимности избранной власти. Эмпирические данные подтверждают, что развитие этого института закономерно ведет к повышению уровня доверия населения к процедуре голосования, используемым технологиям и итоговым результатам, одновременно интенсифицируя политическую конкуренцию.[316] [317] [318]

Период второй половины 1990-х годов ознаменовался глубоким кризисом общественного участия, вызванным разочарованием в итогах «демократического транзита» и его социально-экономических последствий. В этой атмосфере сформировался устойчивый комплекс циничных представлений об избирательном процессе. В общественное сознание внедрились детерминистские установки, сводящие на нет значимость личного волеизъявления, такие как вера в предопределенность результатов, обесценивание индивидуального голоса и общее отчуждение от сферы политики как аморальной.[319] Переживавшее негативную деформацию правосознание отечественного избирателя нуждалось в поддержке и качественном изменении. На это были направлены федеральные программы и концепции повышения правовой культуры избирателей, которые действовали в Российской Федерации с 1994 года.

Формирование устойчивой системы позитивных стимулов, способной нивелировать скептическое отношение к избирательным институтам, представляет

---

[316] Институционализация общественного контроля на российских выборах: этапы, формы и механизмы, перспективы развития : доклад // Ассоциация «Независимый общественный мониторинг». 2023. URL: https://nom24.ru/upload/iblock/4ab/4ab126113ae4337d06c894e3b39e7819.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

[317] Выборы в России: участие, легитимность, доверие : аналитический обзор // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-rossii-uchastie-legitimnost-doverie (дата обращения: 10.01.2026).

[318] Ниточкин Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием на выборах и референдумах как фактор формирования электоральной правовой культуры // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 3. С. 15–18.

[319] Там же. С. 15–18.

собой качественно иную и несопоставимо более сложную задачу, нежели разработка очередного политического инструментария или задействование административных и бюджетных рычагов воздействия.

Электоральная мобилизация может сопровождаться принуждением граждан к голосованию, и тогда она является прямым нарушением конституционного права свободных выборов[320], а может ограничиваться информированием граждан, что нарушением не является. Различение это является достаточно сложным, а наличие фактов принуждения – трудно доказуемым. Например, реализуемый ЦИК России проект «Информ УИК» – это персональное адресное информирование и оповещение избирателей методом поквартирного (подомового) обхода домохозяйств, входящих в состав избирательного участка. А вот призывы работодателей проголосовать за того или иного кандидата под угрозой увольнения – безусловное нарушение конституционного права свободы волеизъявления избирателя. Таким образом электоральная мобилизация объективно является неотъемлемым фактором повышения интереса граждан к выборам, однако она не способна сама по себе обеспечить решение проблемы повышения электоральной активности граждан и переломить тренд низкой избирательной явки. Также принципиально невозможно надежно это сделать в эпоху открытости, используя «грязные» технологии «накрутки» голосов избирателей. Политические технологии ориентированы на использование меркантильных интересов избирателей и в меньшей степени способствуют формированию осознанных мотивов голосования, а также развитию политической культуры участия и гражданской ответственности. Эти механизмы эффективны в краткосрочной перспективе, но не решают проблему абсентеизма среди граждан в долгосрочном аспекте. [321]

На формирование сознательной мотивации участия в выборов были нацелены усилия власти, политтехнологов и избирательной системы в последние десятилетия. Вместо идеологической «накачки» или применения

[320] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ. Ст. 3.
[321] Даскалова К. Р. Технологии политической мобилизации в системе мер по стимулированию электоральной активности: опыт Москвы // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 3 (17). С. 108.

административного ресурса в настоящее время появились технократичные и цифровые smart-решения информирования граждан о выборах, рассчитанные на усложнение мотиваций политически взрослеющего российского электората и обеспечивающие более полный охват избирателей. Формирование устойчивой электоральной привычки у гражданина возникает не спонтанно, а является следствием сложного психологического комплекса. Ключевым условием выступает вера в то, что итоги голосования имеют прямое влияние на его благополучие — будь то перспектива улучшений или стабильность текущего положения. Однако не менее важен глубинный, личностный компонент: переживание собственной значимости как участника политического процесса, осознание себя не объектом, а активным субъектом, принимающим ответственное решение. Именно синтез инструментальной веры в систему и экзистенциального чувства сопричастности создает ту основу, на которой голосование превращается в устойчивую поведенческую норму.

В юридической науке общепризнано деление методов правового воздействия на императивный и диспозитивный.[322] Суть последнего заключается не в государственном принуждении, а в создании стимулов для социально одобряемого поведения, которое личность избирает добровольно под влиянием ценностных ориентиров, культивируемых правом и моралью.

В контексте этой классификации наблюдение за выборами со стороны граждан можно рассматривать как инновационный диспозитивный регулятор электоральных общественных отношений. Он призван укреплять правовые гарантии всех участников выборов, опираясь не на авторитет государства, а на гражданскую активность самих наблюдателей. Этот институт выполняет важнейшую социально-мотивационную функцию: он побуждает избирателей к осознанному волеизъявлению, преодолевает атомизацию и скепсис в отношении избирательной системы, трансформируя право голоса в осознанную практику гражданской ответственности.[323]

---

[322] *Сидорова Е. В. Теоретические основы комплексного правового регулирования. Москва, 2017. 246 с.*

[323] Нигметзянов А. А. Правовое мотивирование как способ воздействия на участников избирательного

Общественное наблюдение за голосованием – новый диспозитивный метод правового регулирования общественных отношений в рамках избирательного процесса, нацеленный на формирование дополнительных правовых гарантий для всех его участников через систему общественного контроля, основанную на прочных юридических знаниях об избирательном процессе и на личном опыте защиты избирательных прав граждан. Общественное наблюдение способствует мотивированию граждан к осмысленному участию в выборах и преодолению недоверия к отечественной избирательной системе, формированию убеждения, что голосование на выборах, есть не просто право, но форма реализации гражданского долга.[324]

По результатам анализа данных опросов общественного мнения о доверии россиян результатам президентских выборов в России за последние 25 лет, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), можно сделать вывод о том, что рост доверия к выборам совпал с введением института общественного наблюдения в 2018 году. Так о том, что результаты выборов достоверны, соответствуют волеизъявлению избирателей, заявляли в 2004 г. – 53% избирателей (соответственно, в 2008 г. – 53%, 2012 г. – 44%, 2018 г. – 60%, 2024 г. – 65%). [325]

Наблюдение на выборах обеспечивает открытость и гласность избирательного процесса[326] в ходе процедур контроля за проведением голосования, подсчётом голосов и иной деятельностью избирательной комиссии в период проведения голосования, установления его итогов, определения результатов выборов.[327]

---

процесса // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 4 (30). С. 37–65.

[324] Ниточкин Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием на выборах и референдумах как фактор формирования электоральной правовой культуры // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 3. С. 15–18.

[325] Выборы Президента РФ-2024: оценка результатов : аналитический обзор // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-prezidenta-rf-2024-ocenka-rezultatov (дата обращения: 11.01.2026).

[326] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ. Ст. 30.

[327] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ. Ст. 2, п. 42.

Наблюдатели на выборах имеют широкие полномочия, которые включают:

1. Доступ к документам: возможность знакомиться со списками избирателей, реестром заявлений о голосовании вне помещения, бюллетенями во время подсчета голосов, протоколами комиссий и приложениями к ним, получать их заверенные копии.

2. Присутствие на всех этапах голосования: возможность находиться в помещении для голосования в любое время в день голосования — от начала работы комиссии до принятия протокола вышестоящей комиссией, присутствовать при голосовании вне помещения и при повторном подсчете голосов.

3. Наблюдение за процедурами: право следить за выдачей бюллетеней избирателям, контролировать подсчет граждан в списках, выданных и погашенных бюллетеней, наблюдать за непосредственным подсчетом голосов и составлением протокола.

4. Реакция на нарушения: вносить предложения и замечания председателю комиссии по вопросам организации голосования, обжаловать действия (бездействие) комиссии в вышестоящую инстанцию или суд.

5. Фиксация процесса: проводить фото- и видеосъемку с установленного места при соблюдении тайны голосования и конфиденциальности персональных данных.[328]

При этом наблюдатель не имеет права выдавать наблюдателям бюллетени; расписываться за избирателя или заполнять за избирателя бюллетени; принимать непосредственное участие в подсчёте голосов; препятствовать работе избирательной комиссии или участвовать в принятии ей решений.[329] Также наблюдатель, назначенный политической партией или кандидатом, не осуществляет агитационную деятельность в пользу назначившего его кандидата, избирательного объединения.

Полномочия электорального наблюдателя позволяют ему осуществлять

---

[328] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ. Ст. 30, п. 4, 9.

[329] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ. Ст. 30, п. 10.

«включенное наблюдение», в рамках которого наблюдатель выступает в качестве «действующего (включенного) актора», являющегося субъектом и объектом электоральных отношений, в одинаковой степени подверженным воздействию социальных регуляторов, которые эти отношения регламентируют.

Электоральное наблюдение за выборами в современном его виде началось в 2017 году, когда в развитие правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации были внесены изменения в электоральное законодательство.[330] В результате с 2018 года Общественная палата Российской Федерации и общественные палаты субъектов Российской Федерации были наделены правом назначать наблюдателей в избирательные комиссии при проведении выборов Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы, а также выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Данные новации позже нашли отражение в нормативных правовых актах всех субъектов Российской Федерации. Благодаря этому в 2018-2024 годах количество общественных наблюдателей на выборах всех уровней значительно выросло.[331] На прошедших в 2024 году выборах Президента Российской Федерации число общественных наблюдателей оценивается в 150 тысяч человек.[332] При этом такое же количество наблюдателей присутствовало уже на выборах Президента Российской Федерации в 2018 году.[333] Это позволяет говорить об общественном наблюдении как одном из самых массовых и устойчивых проектов российского гражданского общества за всю историю.[334]

Деятельность общественных наблюдателей осуществляется на добровольной

---

[330] По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 1 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 07.07.2016 № 1422-О.

[331] Ежегодные доклады Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации // Общественная палата РФ. URL: https://oprf.ru/activity_documents (дата обращения: 12.01.2026).

[332] Общественные палаты направили в ТИКи сведения по 156 300 наблюдателям // Ведомости. 2024. 14 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/03/14/1025343-obschestvennie-palati-napravili (дата обращения: 11.01.2026).

[333] ОП РФ направила более 146 тыс. наблюдателей на выборы президента // ТАСС. 2018. URL: https://tass.ru/politika/5040741 (дата обращения: 12.01.2026).

[334] Ниточкин Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием на выборах и референдумах как фактор формирования электоральной правовой культуры // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 3. С. 15–18.

и безвозмездной основе. В настоящее время ответственность за нарушение их прав, таких как воспрепятствование наблюдению или несвоевременное предоставление информации и копий документов, предусмотрена статьей 5.6 КоАП РФ. Однако санкции этой статьи ограничиваются лишь административным штрафом: от 500 до 1000 рублей для граждан и от 1000 до 2000 рублей для должностных лиц. Отдельное наказание (штраф от 1500 до 2000 рублей) установлено за выдачу наблюдателю заверенной копии протокола, не соответствующей его первому экземпляру.

Учитывая высокую социальную значимость института наблюдения, а также задачи по укреплению его кадрового потенциала, профессионализма и независимости, предлагается установить для наблюдателей более надежные правовые гарантии. В качестве модели предлагается использовать систему правовой неприкосновенности и материального обеспечения, аналогичную той, что предоставляется присяжным заседателям на время исполнения ими своих обязанностей.[335] В этой связи предлагается введение трудовых и социальных гарантий наблюдателей (запрет на увольнение или перевод по инициативе работодателя на период наблюдения, сохранение среднего заработка по основному месту работы, зачет времени наблюдения в общий и специальный трудовой стаж, компенсационное вознаграждение для неработающих наблюдателей, обязательное страхование жизни и здоровья наблюдателей, возмещение командировочных и транспортных расходов), гарантии неприкосновенности (наблюдатель, в период исполнения своих полномочий, может быть задержан, арестован, подвергнут досмотру только по решению суда), а также ужесточение административной ответственности за воспрепятствование деятельности наблюдателя с кратным увеличением размера административного штрафа.

В соответствии с последними изменениями наблюдатели могут назначаться не только в участковую избирательную комиссию, но и в территориальную избирательную комиссию и окружную избирательную комиссию. Однако характер

---

[335] О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации : Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ. Ст. 11, 12.

наблюдения за действиями избирательных комиссий, осуществляющих установление итогов голосования на соответствующей территории, контроль и координации работы нижестоящих комиссий должен существенно отличаться от наблюдения на участковых избирательных участках. В этой связи, как полагает Л.Г. Берлявский,[336] должны быть существенным образом урегулированы полномочия таких наблюдателей, доработаны программы подготовки наблюдателей за избирательными процедурами, осуществляемыми в территориальных и окружных избирательных комиссиях, соответствующие стандарты наблюдения, определены их функциональные роли и требования к наблюдателям. В рамках последних изменений федерального законодательства о выборах произошло разграничение функций между наблюдателями и доверенными лицами кандидатов. Доверенные лица утратили право на наблюдение за ходом выборов с момента окончания агитационного периода, то есть в день голосования. Для совершенствования правового статуса наблюдателей требуется расширить их права с учетом специфики работы окружных и территориальных избиркомов. Это подразумевает наделение их полномочиями по наблюдению за регистрацией кандидатов и определением результатов выборов в избирательном округе.

Кроме того, следует регламентировать полномочия наблюдателей, связанные с организацией и проведением голосования в течение нескольких дней, а также дистанционного электронного голосования. Важным аспектом является определение ограничений, направленных на предотвращение деструктивных действий со стороны наблюдателей, связанных с воспрепятствованием деятельности избирательной комиссии. Эти меры позволят обеспечить более эффективную реализацию прав наблюдателей, повысить прозрачность и легитимность избирательного процесса, а также минимизировать риски, связанные с возможным злоупотреблением полномочиями.

В настоящее время назначение наблюдателей осуществляется субъектами общественного контроля, указанными в пунктах 1 и 2 части 1 статьи 9

---

[336] Берлявский Л. Г., Махова А. В. Наблюдение на выборах в России: основные вехи становления и перспективы развития // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 3. С. 32-36.

Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», то есть Общественной палатой Российской Федерации и общественными палатами субъектов Российской Федерации. При этом на указанные субъекты общественного контроля возлагаются обязанности по работе с персональными данными граждан, большим объемом документов и, в целом, документальным и организационным обеспечением процедур общественного наблюдения. В этой связи предлагается предусмотреть возможность создания на Едином портале государственных услуг сервиса, позволяющего кандидатам в наблюдатели направлять необходимые для назначения наблюдателем документы в цифровой форме, а субъектам общественного контроля осуществлять в цифровой же форме необходимую работу по назначению наблюдателей, их обучению, распределению по избирательным участкам, оперативному сбору информации о ходе наблюдения, а также суммированию данных итоговых документов общественного контроля (чек-листов общественного наблюдения). При этом процедуры подтверждения личности и верификации данных, указываемых кандидатом в наблюдатели будут существенным образом упрощаться, а сроки подготовки к общественному наблюдению могут сокращаться. Основным препятствием для реализации цифрового сервиса назначения наблюдателей за голосованием является отсутствие у общественных палат субъектов Российской Федерации и Общественной палаты Российской Федерации статуса юридического лица, что не позволяет им зарегистрироваться на Едином портале государственных услуг. Однако такой возможностью обладает ФКУ «Аппарат Общественной палаты России», а также аналогичные учреждения в субъектах Российской Федерации, которые призваны обеспечить организационное, документационное, правовое и иное обеспечение деятельности вышеуказанных институтов гражданского общества. Цифровизация процедуры назначения наблюдателей сделает её более открытой и доступной для всех граждан.

В российской избирательной системе сформировался уникальный механизм гражданского аудита, ключевым элементом которого стала методика «Золотого

стандарта».[337] Этот регламент, представляющий собой детализированный чек-лист, позволяет наблюдателям проводить мониторинг процедуры голосования на предмет её соответствия правовым нормам. Для подготовки участников этого процесса создана комплексная образовательная программа, выходящая за рамки простого изучения закона. Она включает в себя практические тренинги по медиации спорных ситуаций, противодействию манипуляциям в информационном пространству и алгоритмам правомерного реагирования на инциденты. Подобное системное обучение, инициируемое гражданскими институтами, выполняет двоякую функцию. С одной стороны, оно даёт наблюдателям практические инструменты для защиты избирательных прав. С другой — выступает фактором правового просвещения для всех вовлечённых сторон: от членов партий и кандидатов до рядовых избирателей, способствуя росту общей юридической компетентности.

Фундаментальное различие между разными типами наблюдателей лежит в плоскости их мотивации. Партийные представители действуют в логике тактического интереса: их ключевая задача — фиксация нарушений, направленных против их политической силы, включая использование административного давления. Мотивация же оппозиционных структур часто коренится в недоверии к итогам прошлых кампаний и стремлении обеспечить честность текущего голосования для «своего» кандидата.

В противовес этому, независимый гражданский мониторинг является воплощением «культуры участия» — формой политической самореализации, трансцендентной по отношению к поддержке или оппозиции действующей власти. Общественные наблюдатели концентрируются не на поиске скандалов, а на обеспечении процессуальной чистоты, что переводит их деятельность из плоскости политической борьбы в форму правозащитной деятельности. Такой подход способствует становлению новой модели электорального поведения, где

[337] «Золотой стандарт» по общественному наблюдению за голосованием : утв. решением Совета Общественной палаты РФ от 27.02.2024 № 77-С // Общественная палата РФ. URL: https://oprf.ru/structure_list/167 (дата обращения: 11.01.2026).

гражданин из представителя электората превращается в активного гаранта легитимности всего избирательного процесса.[338]

Понятие «правовая культура» акцентирует внимание на исторической и социокультурной обусловленности права. Общественное наблюдение как органичное российской правовой культуре явление возвращает нас к исторически укоренённому в общественном сознании представлению о «соборности» как принципу и идеалу государственного строительства в России. Общественное наблюдение обеспечивает подтверждение признания легитимности власти «всем народом». В этом смысле как явление правовой культуры общественное наблюдение за выборами существовало всегда, а с 2018 года лишь получило свое новое институционное воплощение.

Конечно, в преодолении скептического отношения к выборам и формировании электоральной культуры некоторым группам избирателей (жители столицы, активные пользователи социальных сетей, молодёжь до 35 лет) общество и государство сталкиваются с определёнными сложностями. Как правило молодёжь и активные пользователи социальных сетей чаще других групп населения высказывают недоверие к дистанционному электронному голосованию, которое воспринимается ими как своеобразный «чёрный ящик», уязвимый для манипуляций и злоупотреблений. Также они чаще других жалуются на усталость от политики, в условиях предсказуемости результатов выборов, а в связи с отказом от телепотребления формируют свою политическую позицию и отношение к выборам преимущественно на основе информации из оппозиционных интернет-каналов. Однако представляется, что общественное наблюдение, обеспечивая для них возможность личной коммуникации и эффект сопричастности вопросам государственной важности, может способствовать преодолению политической апатии и недоверия к выборам. А появление инструментов технического общедоступного контроля за ДЭГ способствует повышению доверия к этой форме

[338] Ниточкин Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием на выборах и референдумах как фактор формирования электоральной правовой культуры // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 3. С. 15–18.

голосования.

Легитимность электорального процесса достигается не только формальным соблюдением процедур, но и развитием институтов гражданского участия, таких как общественное наблюдение. Его наличие свидетельствует о достижении обществом консенсуса относительно правил «политической игры», где частный интерес не противостоит, а согласуется с публичным. Этот институт разрушает архаичное ожидание тотального контроля «сверху», воспитывая в гражданах ответственность за избирательный процесс и его итоги. Важнейшим результатом является укрепление взаимных обязательств: проигравшие политические группы признают верховенство воли большинства, а победители — неотъемлемое право на инакомыслие. Тем самым обеспечивается реальное, а не декларативное, право граждан на участие в управлении государством.

*Представляется, что развитие электоральной культуры в будущем будет также тесно связано с дальнейшим повышением роли гражданского участия в механизмах легитимации власти. Опыт электорального наблюдения, по нашему мнению, может быть использован при оценке гражданами эффективности деятельности руководителей органов власти и организаций, исполняющих публичные функции с учетом динамики уровня и качества жизни, предоставления государственных услуг и выполнения предвыборных обещаний. Результаты указанной оценки могут быть учтены в ключевых показателях эффективности деятельности руководителей субъектов Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти*[339] *и использованы как основания для принятия кадровых управленческих решений.* [340]

[339] Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации : Указ Президента РФ от 28.11.2024 № 1014.

[340] Ниточкин Ф. В. Легитимность власти в условиях цифровизации государственного и муниципального управления // Бюллетень III Международной молодежной конференции по информационной безопасности (сборник тезисов). М., 2026. С. 225–231.

# Глава 3. Значение электорального наблюдения для преодоления новых вызовов и угроз легитимности власти

## 3.1. Электоральное наблюдение как фактор международно-правовой легитимации государственной власти и средство защиты электорального суверенитета

Международно-правовая легитимность государства базируется на признании международным сообществом суверенитета нации, то есть ее права выбирать свою государственно-правовую организацию и форму взаимоотношений с другими нациями. Классическое определение суверенитета, данное французским политиком и учёным XVI века Жаном Боденом в труде «Шесть книг о государстве», было связано с феодально-ленными отношениями и означало абсолютную власть монарха в отношении подданных. Появившись в качестве обоснования претензии на освобождение светской власти от диктата римского папы суверенитет в Новое и Новейшее время превратился в ключевой атрибут любого государства. Верховенство власти во внутренних делах и ее независимость во внешних, единство территории и юрисдикции по сей день остаются ключевыми характеристиками государственного суверенитета. Комплекс исключительных прав, проистекающих из государственного суверенитета включает: законодательное право, право судопроизводства, право войны и мира, монополию на применение силы (легальное принуждение), обязательность членства (гражданство), публичность власти, право назначения высших должностных лиц, право верховной юрисдикции, право на верность и повиновение, право помилования, эмиссию валюты и право налогообложения.

С распространением всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании – этого важнейшего цивилизационного достижения XX века, – концепция государственного суверенитета претерпела изменения. Суверенитет, после крушения крупнейших мировых монархий, перестал быть правом суверена

распоряжаться жизнью своих подданных, основанном на династической традиции, но стал исключительным правом народа, как единственного источника власти, формировать органы представительной демократии. То есть он основывается на свободном выборе народа. Народный суверенитет – источник публичной власти и согласно Б.С. Эбзееву, – важнейший принцип ее осуществления.[341] С середины XX века в концепции суверенитета также утвердилось понятие национального суверенитета, понимаемого как право каждой нации на самоопределение. Право на самоопределение сегодня означает возможность «свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие».[342] Так реализуется важнейшее неотъемлемое государствообразующее правомочие нации: «право на создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса».[343] С распространением всеобщего избирательного права суверенитет нации опирается прежде всего на ее способность самостоятельно и независимо сформировать на основе свободного и демократического выбора органы публичной власти, которым нация делегирует основные властные полномочия, или так называемый **электоральный суверенитет.**

Электоральный суверенитет как существенная характеристика суверенитета государственного или национального лишь относительно недавно стал осмысливаться правовой наукой, но уже находит свое отражение в международных документах и имплементируется в национальное законодательство. Существует несколько определений электорального суверенитета.

И.Б. Борисов, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, который ввёл в научный

---

[341] Эбзеев Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4. С. 3–12.

[342] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций : принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24.10.1970.

[343] Там же.

оборот термин «**электоральный суверенитет»,** полагает, что он «выражается в правомочии самостоятельно, без влияния извне, реализовывать любые модели политической системы и порядок ее формирования, которые поддерживает народ и которые не противоречат взятым международным обязательствам».[344]

В рекомендациях Межпарламентской ассамблеи СНГ по обеспечению и защите электорального суверенитета государства, говорится, что «**электоральный суверенитет** – это право суверенных государств самостоятельно и независимо организовывать и проводить выборы, референдумы и иные электоральные процедуры в целях обеспечения реализации полновластия народа и свободы его выбора при верховенстве конституции государства и национального законодательства с учетом добровольно принятых международных обязательств».[345]

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, первой из стран СНГ нормативно определившей обязательство защиты **электорального суверенитета,** он представляет собой «неотъемлемое право государства самостоятельно проводить выборы и референдумы в соответствии с Конституцией и действующим законодательством, исключительно в интересах государства и народа, а также недопущение какого-либо вмешательства извне в электоральные процессы».[346] Сегодня этот термин не просто входит в правовой лексикон, но и формируется как полноценный правовой институт, призванный защитить электоральные процессы от неправомерного внешнего вмешательства.

Обеспечение электорального суверенитета играет важную роль в механизме легитимации государственной власти как условие подлинности, независимости и свободы волеизъявления граждан. В XXI веке международное признание политического режима в качестве легитимного по результатам очередных выборов превращается в ключевое условие суверенитета. В политической риторике

---

[344] Борисов И. Б. Электоральный суверенитет. М. : РОИИП, 2010. С. 83.

[345] Рекомендации Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств по обеспечению и защите электорального суверенитета государства : утв. постановлением МПА СНГ от 22.11.2024 № 57-4.

[346] Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 № 5.

постоянно муссируется вопрос о непризнании результатов выборов и легитимности тех или иных «неугодных» режимов, однако в правовой плоскости, данная тенденция пока не закрепилась. Представляется, что тренд на урезание или ущемление государственного суверенитета будет и иметь дополнительное развитие, одним из направлений которого видится более широкое вмешательство международных неправительственных организаций в избирательные процессы суверенных государств, в котором ключевую роль будут играть ссылки на международное гуманитарное право и стандарты проведения демократических выборов.

Как отмечает И.Б. Борисов: «В современном мире не существует эталона электоральной системы, как и единственно возможной формы политической устройства демократического общества».[347] Каждое государство, основываясь на воле своего народа, исторических традициях, внутриобщественном консенсусе определяет наиболее подходящую избирательную систему. Исключительное право определять подходящую электоральную систему и есть электоральный суверенитет. «Ослабление электорального суверенитета с неизбежностью приводит к ущемлению, пренебрежению, подавлению и национального суверенитета, права народа самостоятельно распоряжаться своей судьбой и выбором путей развития».[348]

В начале XXI века одной из ключевых проблем для классической модели национального суверенитета стал процесс глобализации. Он проявляется, в частности, в усилении взаимозависимости государств и трансформации роли международных институтов, которым делегируются отдельные суверенные полномочия. Важным аспектом этого процесса является интернационализация права — формирование и глобальное распространение унифицированных правовых стандартов и принципов. Основными способами глобализации права или интернационализации национального права, национальных законодательств становятся: рецепция, гармонизация, унификация, стандартизация. Последняя

[347] Борисов И. Б. Электоральный суверенитет. М. : РОИИП, 2010. С. 2.
[348] Там же. С. 4-5.

играет важнейшую роль в сфере избирательного права.

В доктрине международного права сформировалось понимание международно-правовых стандартов в качестве «унифицированных минимально требуемых условий», предъявляемых к государствам-участникам.[349] Данные стандарты функционируют в качестве допустимого консенсуса и выполняют роль нормативного образца. Вследствие этого, в научной литературе нередко наблюдается редукция международных правовых стандартов к принципам международного права. В качестве иллюстрации данного подхода можно привести позицию А.С. Автономова, который определяет их как «фундаментальные начала, из которых исходят (или, по крайней мере, должны исходить) при формулировании, толковании и реализации норм права». [350]

Безусловно, международные стандарты базируются на общих принципах права, что особенно наглядно проявляется в сфере фундаментальных прав и свобод личности. Однако их содержание не сводится исключительно к принципам. Стандарты представляют собой систематизированные предписания, выполняющие роль практического руководства и устанавливающие конкретные ориентиры для правоприменителя по реализации правовых принципов.

Таким образом, международный стандарт занимает промежуточное положение между общими принципами и конкретными нормами права. Его функция заключается в конкретизации содержания и трактовки правового принципа, а также в определении механизмов его имплементации в национальную правовую действительность и нормативные акты.[351] В соответствии с этим подходом, стандартизация в праве представляет собой функцию, дополняющую нормативно-правовое регулирование и относящуюся к сфере «мягкого права».

Указанная иерархия международно-правовых категорий **(принцип – стандарт – норма)** особенно характерна для международной гуманитарной сферы.

---

[349] Стёпин А. Б. Место и роль международных стандартов в современной системе российского законодательства // Современное право. 2016. № 9. С. 59–63.

[350] Автономов А. С. Ювенальная юстиция : автореф. учеб. пособия // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 4. С. 4.

[351] Салия М. Р. Понятие «международный стандарт» в теории международного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 187–192.

Основополагающие базовые принципы прав человека имеют прямое действие, но формы их реализации находят отражение в международных стандартах и закрепление в национальном законодательстве стран.

Как правило, исследователи исходят из представления о приоритете международных стандартов прав человека над нормами национального законодательства. «Международные стандарты прав и свобод человека – нормативный минимум, определяющий уровень государственной регламентации с допустимыми отступлениями в том или ином государстве в форме его повышения или конкретизации».[352] Однако основным камнем преткновения в реализации международных стандартов остаётся, как будет показано далее, вопрос злоупотребления международными организациями правом трактовки соответствия национального законодательства международным стандартам и их правоприменения.

Согласно позиции Международного Суда ООН, международные правозащитные стандарты определяются как акты, имеющие императивный характер.[353] Однако юридическую силу они обретают в результате имплементации во внутригосударственное законодательство. Сторонники прямого действия во внутригосударственной сфере международных стандартов прав человека вне зависимости от наличия национальных имплементационных актов ссылаются на конституционные положения.[354] Кроме того, обосновываются альтернативные механизмы защиты прав человека в международных судебных инстанциях (например, Европейский Суд по правам человека, Комитет по правам человека, специальные процедуры Совета по правам человека ООН).

В ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации указывается, что «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и

---

[352] Международное право / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 6-е изд. М., 2013. С. 445.

[353] Третий доклад об императивных нормах общего международного права (jus cogens), подготовленный специальным докладчиком Дире Тлади : семидесятая сессия // Комиссия международного права ООН. URL: https://interlaw.by/pdf/jus%20cogens-3.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

[354] Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина : учебное пособие / Т. М. Резер, Е. В. Кузнецова, М. А. Лихачев ; под общей редакцией Т. М. Резер ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 28.

гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Однако ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации определяется, что, действуя во внутригосударственной сфере, они подлежат защите национально-правовыми средствами: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы».[355] Надо сказать, что «большинство международных стандартов прав человека получило конституционно-правовое закрепление в российской правовой системе».[356] Это в полной мере касается и международных избирательных стандартов.

Российский правовед, доктор юридических наук, профессор С.Д. Князев отмечал, что «стандарты избирательного права – это облеченные государством в форму правовых норм принципы, положения и гарантии, согласно которым проводятся выборы».[357] Это основная – **нормативная функция** избирательных стандартов. Однако такие стандарты, представляют собой не просто императивные в отношении государственных органов и избирательных комиссий и диспозитивные в отношении конкурирующих партий и кандидатов, наблюдателей, СМИ нормы права, но совокупность формализованных алгоритмов действий участников избирательных процедур, согласно которым организуется избирательный процесс на всех его этапах. В этом заключается **организационная функция** избирательных стандартов. Кроме того, международные стандарты выполняют **контрольную функцию**. Международные избирательные стандарты – это «эталоны, критерии для оценки организации и проведения выборов с точки зрения соблюдения международных норм и принципов международного права применительно к выборам»[358]. Наиболее полное определение международным

[355] Ниточкин Ф. В. Проблема легитимности в политико-правовых учениях и избирательное право // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 29–37.
[356] Лихачёв М. А. Реализация международных стандартов прав человека судами РФ : учебное пособие. М. : РУДН, 2017. 214 с.
[357] Князев С. Д. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав и права на участие в референдуме // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 27–33.
[358] Андреева Г. Н., Старостина И. А. Избирательное право в России и в зарубежных странах : учебное пособие / под ред. А. А. Клишаса. М. : Норма, 2010. С. 21.

избирательным стандартам дал профессор П.А. Кучеренко: «Международные избирательные стандарты – это совокупность международно-правовых норм, закрепляющих базовые избирательные права граждан и принципы их реализации, наличие которых позволяет гарантировать проведение демократических выборов и, таким образом, реализовать право на участие в управлении государством через институты государственной власти, включая осуществление судебной и иной защиты избирательных прав и свобод человека и гражданина, общественного и международного наблюдения за выборами».[359]

Из приведенного определения следует, что общественное и международное наблюдение за выборам является важной составной частью международных избирательных стандартов, призванной обеспечить открытость и гласность избирательных процедур, возможность выявления и дальнейшего обжалования нарушений избирательных прав граждан.

Учитывая разработанную теорию и обширную практику международного наблюдения за выборами можно говорить о возможности выведения в отдельную нормативную правовую категорию **международных стандартов наблюдения за выборами**. Особенность международных стандартов наблюдения за выборами заключается в том, что они адресованы не только государственным органам, избирательным комиссиям, но и представителям гражданского общества, неправительственным организациям, которые практически осуществляют в составе иностранных мониторинговых миссий либо в качестве национальных наблюдателей независимое, неполитическое и внепартийное по своему характеру наблюдение. В соответствии с определением, используемым в ООН, наблюдение за выборами не ограничивается очным участием в мониторинговых миссиях в дни голосования в странах, где они проводятся, но «состоит из систематического сбора информации об избирательном процессе путем прямого наблюдения на основе установленных методологий, часто с анализом как качественных, так и

[359] Кучеренко П. А. Реализация международных избирательных стандартов в правовой системе Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 11.

количественных данных».[360] Также наблюдение не ограничивается этапом голосования и подсчёта голосов, но «предполагает развертывание миссии для наблюдения за каждым этапом избирательного процесса».[361] В этой связи, как уже говорилось выше, в международных документах по наблюдению за выборами используется понятие **избирательного цикла**, а также приводятся варианты мониторинговых миссий в зависимости от этапа избирательного цикла за которым осуществляется наблюдение. В предвыборный период организуется миссия по оценке потребностей (МОП); для наблюдения в период голосования, подсчёта голосов и подведения итогов голосования – ограниченная миссия по наблюдению за выборами (ОМНВ) или миссия по наблюдению за выборами (МНВ); в период избирательной кампании также работает миссия по оценке выборов (МОВ).

Международные стандарты наблюдения за выборами как составная часть международных избирательных стандартов, реализуя универсальные принципы международного гуманитарного права, призваны обеспечить международную защиту прав человека в электоральной сфере. Они содержат критерии оценки демократичности и легитимности выборов и направленны на обеспечение международного мониторинга за соблюдением государствами взятых на себя международных обязательств по реализации приоритета и верховенства прав и свобод человека и гражданина при организации и проведении выборов. Это делает международные стандарты наблюдения за выборами одной из основ современной плюралистической демократии.

Формирование международно признанного стандарта избирательных процедур, а также процедур наблюдения за выборами на основе принципов и норм международного права заняло ни одно десятилетие и нашло отражение в основополагающих межгосударственных актах, принятых после Второй мировой войны и сформировавших Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений. Особенности генезиса международного права в электоральной сфере

---

[360] Выборы // Департамент политических и миротворческих мероприятий ООН. URL: https://dppa.un.org/ru/elections (дата обращения: 15.01.2026).
[361] Там же.

отражают господствующие тенденции к его унификации, объективации, конкретизации, универсализации европейского опыта, имплементации международных норм в национальное законодательство. В настоящее время не существует единого международного правового акта, системно регулирующего электоральные стандарты и процедуры.

С начала 90-ых годов XX века международное сообщество старалось унифицировать подходы к проведению выборов и оценке их демократичности. В международных документах встречаются два вида международных избирательных стандартов: юридически обязательные (например, содержащие принципы и подходы к организации демократических выборов) и юридически необязательные (например, содержащие лучшие практики и модели проведения выборов, рекомендации государствам, проводящим выборы по итогам работы международных мониторинговых миссий). Венская конвенция 1969 г. о праве международных договоров[362] «определяет международный договор как международное соглашение, заключенное между странами в письменной форме в соответствии с международным правом. Эта конвенция также предусматривает, что каждый действующий договор является юридически обязательным для сторон и должен исполняться добросовестно».[363] К юридически обязательным всеобъемлющим международным соглашениям, содержащим обязательства в сфере избирательного права, относятся Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., резолюции ООН.

Важнейшим источником международного избирательного права является Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года.[364] Положения Декларации заложили основу для создания более 80 международных договоров, многочисленных региональных конвенций,

---

[362] Венская конвенция о праве международных договоров : принята 23.05.1969 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 15.01.2026).

[363] Косолапов М.Ф. Конституционный правопорядок России и международно-правовые стандарты: пределы и механизм рецепции : дис. ... д-ра юрид. наук, 2024. 498 с.

[364] Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.01.2026).

национальных законов и конституций. В своей совокупности эти документы формируют всеобъемлющую систему юридически обязательных норм, направленных на поощрение и защиту прав человека. Ключевые положения о выборах и политическом участии отражены в ст. 21 Всеобщей декларации, которая устанавливает фундаментальный принцип: «Воля народа должна быть основой власти правительства». Эта воля, согласно документу, должна находить выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, проводимых на основе всеобщего и равного избирательного права, путем тайного голосования или других равнозначных форм, обеспечивающих свободу волеизъявления.

Помимо избирательных стандартов, в Декларации закреплён перечень универсальных и неотчуждаемых прав, образующих основу для политического участия. К ним относятся право на гражданство (ст. 15); свобода убеждений и их выражения (ст. 19); свобода мирных собраний и ассоциаций (ст. 20); право принимать участие в управлении своей страной как непосредственно, так и через свободно избранных представителей, а также право равного доступа к государственной службе (ст. 21). Именно этот комплекс прав составляет фундамент международного избирательного права.

Дальнейшее развитие и конкретизацию эти принципы получили в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года.[365] Ключевая правовая гарантия, обязывающая государства-участники «проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти», содержится в Статье 3 Протокола № 1 к данной Конвенции.

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый 16 декабря 1966 года, развивает положения Всеобщей декларации. В нём государства-участники берут на себя обязательства по обеспечению правовой защиты прав граждан (ст. 2); по недопущению дискриминации и необоснованных ограничений

[365] Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 04.11.1950. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

в реализации права на участие в ведении государственных дел, включая активное и пассивное избирательное право, а также право на доступ к государственной службе (ст. 25).[366] Таким образом базовые международно-правовые гарантии избирательных прав граждан закреплены в трёх ключевых документах: Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах и Конвенции о защите прав человека и основных свобод.[367]

Следующим шагом после провозглашения основополагающих принципов избирательного права, установления международных обязательств соответствия этим принципам, стало принятие стандартов международного наблюдения за выборами и референдумами. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 29 июня 1990 года впервые указал в качестве важнейшего инструмента обеспечения соблюдения национальными государствами обязательств в сфере международного гуманитарного права международное наблюдение за проведением выборов (ст. 8 и 26). Он определил, что все государства-участники Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) обязаны приглашать для наблюдения за общенациональными выборами «в объеме, допускаемом законом», международных наблюдателей. Данное обязательство зафиксировано и подтверждено также в последующих документах ОБСЕ, включая Парижскую хартию для новой Европы 1990 г., Декларацию Лиссабонской встречи на высшем уровне 1996 г., Декларацию и Хартию европейской безопасности, принятые на саммите в Стамбуле в 1999 г., а также в решении СМИД в Брюсселе 2006 г.[368] [369]

К нормам международного избирательного права, принятым в развитие основополагающих документов, но не имеющим юридической силы, носящим

---

[366] Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966.

[367] Ниточкин Ф. В. Проблема легитимности в политико-правовых учениях и избирательное право // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 29–37.

[368] Ниточкин Ф. В. Развитие института международного наблюдения за голосованием: от вмешательства в избирательные процессы к уважению государственного суверенитета // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 1. С. 9–13.

[369] Ашижев Т. Т. Международно-правовые избирательные стандарты в системе развития избирательного законодательства современных государств // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 5. С. 94–118.

рекомендательный характер или нормам «мягкого права» можно отнести: Декларацию принципов международного наблюдения за выборами (2005);[370] Декларацию глобальных принципов непартийного наблюдения за выборами и мониторинга со стороны общественных организаций (2012);[371] кодекс поведения международных наблюдателей по наблюдению за выборами (2005);[372] свод рекомендуемых норм при проведении выборов Венецианской комиссии (2002);[373] рекомендации по анализу законодательной базы выборов БДИПЧ ОБСЕ (2001, 2018);[374] рекомендации по разрешению избирательных споров в регионе ОБСЕ (2000);[375] доклады ГРЕКО о финансировании политических партий;[376] пособия Совета Европы и БДИПЧ ОБСЕ для наблюдателей;[377] руководства для наблюдателей;[378] [379] итоговые отчеты международных миссий избирателей.[380]

В Руководящих принципах относительно выборов, которые были приняты

---

[370] Декларация принципов международного наблюдения за выборами : принята на заключительной сессии Глобальной конференции международного наблюдения за выборами, 27.10.2005. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/7/c/16936.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

[371] Декларация глобальных принципов непартийного наблюдения за выборами и мониторинга со стороны общественных организаций. 2012. URL: https://gndem.org/ru/declaration-of-global-principles/ (дата обращения: 15.01.2026).

[372] Кодекс поведения международных наблюдателей : принят 27.10.2005. URL: https://mikrf.ru/news/984/deklaratsiya-printsipov-mezhdunarodnogo-nablyudeniya-za-vyborami?ysclid=mk1fngk0t4825059080 (дата обращения: 15.01.2026).

[373] Свод рекомендуемых норм при проведении выборов. Руководящие принципы относительно выборов : приняты Венецианской комиссией на 51-й пленарной сессии (Венеция, 5–6 июля 2002 года). Страсбург, 2002.

[374] Рекомендации по анализу законодательной базы выборов // Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/3/9/383718.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

[375] Рекомендации по разрешению избирательных споров в регионе ОБСЕ // Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ. Варшава, 2020. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/9/b/450319.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

[376] Доклады ГРЕКО о финансировании политических партий // Группа государств против коррупции (ГРЕКО) Совета Европы. Страсбург. URL: https://www.coe.int/ru/web/portal/-/russia-lack-of-progress-on-criminalisation-of-corruption-and-transparency-of-party-funding (дата обращения: 15.01.2026).

[377] Пособие для наблюдателей на выборах // Совет Европы. 1996. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/c/c/14351.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

[378] Руководство БДИПЧ по наблюдению за выборам : вторая редакция // Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. Варшава, 2010. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/5/9/78697.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

[379] Руководство для долгосрочных наблюдателей за выборами: наблюдение до и после дня выборов // Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ. Варшава, 2007. URL: https://www.osce.org/ru/odihr/elections/354206 (дата обращения: 15.01.2026).

[380] Итоговый отчет Миссии ОБСЕ/БДИПЧ по наблюдению за выборами Президента Российской Федерации 4 марта 2012 г. URL: http://www.cikrf.ru/banners/prezident_2012/international/final_report_obse.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

Венецианской комиссией на 51-й пленарной сессии в Венеции 5–6 июля 2002 года более подробно раскрывается сущность международного наблюдения с учетом опыта работы международных мониторинговых миссий БДИПЧ ОБСЕ и ПАСЕ. Оно, во-первых, не отменяет и не подменяет национального наблюдения за проведением выборов. Международным наблюдателям также как и наблюдателям от политических партий и кандидатов, а также независимым наблюдателями, не представляющим конкретной политической силы, должны быть предоставлены широкие возможности наблюдения за выборами (п. a) ст. 3.2, ст. 87). Во-вторых, наблюдение должно осуществляться на всех этапах избирательного процесса для того, чтобы доподлинно установить, что нарушений не было допущено до, входе и после выборов и особенно на этапе подсчета голосов (п. b) ст. 3.2). В период предвыборной кампании, предшествующей дню голосования, внимание наблюдателей должно быть сосредоточено на соблюдении законодательных норм в отношении формирования списков избирателей, отсутствии дискриминационных барьеров при регистрации кандидатов, а также на обеспечении равных возможностей доступа к средствам массовой информации и государственному финансированию избирательных кампаний. В день голосования необходимо проводить мониторинг случаев давления на избирателей, многократного участия в голосовании и нарушений принципа тайны голосования. Сразу после голосования должен быть осуществлен контроль подсчета голосов и объявления результатов. В-третьих, должны быть четко определены права наблюдателей и возможные ограничения их работы (п. c) ст. 3.2, ст. 90, 91). В-четвертых, особое внимание наблюдатели должны уделять беспристрастности и невмешательству властей в избирательные процедуры (п. d) ст. 3.2).

Следует различать общемировые стандарты, которые представляют собой, главным образом, правовые инструменты (договоры и декларации), принятые в рамках ООН. Например, упомянутые Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. или Всеобщая декларация прав человека 1948 г. И региональные стандарты – правовые инструменты, принятые региональными организациями, такими как Африканский Союз, Организация американских

государств, Содружество независимых государств, Совет Европы, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Эти стандарты имеют значение только для стран-членов таких организаций. Например, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года действует только в странах-членах Совета Европы. В отношении стран бывшего Варшавского блока и СССР действует программа Восточного партнерства, финансируемая ЕС и реализуемая Советом Европы.

Рекомендации БДИПЧ ОБСЕ «внутренним» (т.е. назначенным из числа граждан и по законам страны, где проходят выборы) наблюдателям содержат положения о необходимости различения обязательных стандартов и лучшей практики, которая стандартом не является. «Степень, в которой те или иные выборы отвечают международным стандартам, позволяет международным и внутренним наблюдателям произвести их оценку. Международные стандарты по своей природе носят более общий характер, излагая общие принципы, которым должны следовать государства. Группе внутренних наблюдателей скорее предстоит произвести оценку ряда более конкретных вопросов на предмет их соответствия общим стандартам. Как правило, у внутренних наблюдателей не возникает серьезных проблем с тем, чтобы определить, соблюдаются ли в их стране международные стандарты. В некоторых случаях, однако, ситуация может оказаться несколько сложнее. Тогда не следует забывать об отличии международных стандартов, которые страны обязаны выполнять, от общепринятой практики, следование которой желательно, но не обязательно».[381] Переход в политической риторике от терминологии «свободных и демократических выборов» к формулировкам о «соответствии выборов демократическим стандартам» знаменовал попытку определить объективные критерии оценки выборов. Другим важнейшим направлением развития международного избирательного права стало превращение избирательных стандартов из рекомендательных документов

[381] Руководство для внутренних наблюдателей за выборам // Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ. Варшава, 2003. URL: https://www.osce.org/ru/odihr/14366 (дата обращения: 15.01.2026).

(образцов, соглашений, деклараций о намерениях) в международно-правовые обязательства. Это стало возможно, когда большинство стран имплементировали соответствующие нормы в свои конституции и законы. Однако последнее, к сожалению, не означало формирования универсального, общепризнанного и общеобязательного инструмента организации, проведения и оценки выборов. В последнее время нарастают различия в интерпретации смысла демократии и прав человека, оспаривается монополия стран Запада на исключительность трактовки общечеловеческих ценностей, а также способность западных институтов давать объективные оценки «прогресса демократии» в суверенных государствах. Международные стандарты из инструмента, призванного гармонизировать избирательное законодательство страны превращаются в средства давления на суверенные государства. Н.В. Гришин справедливо отмечает, что «институт международного наблюдения за выборами на современном этапе является фактором внешней и внутренней политики всех государств. Он может создавать особые сложности для их правительств или открывать новые перспективы».[382]

Такая тенденция прослеживалась уже в Рекомендациях Совета Европы для международных наблюдателей, подготовленных в 2003 году. «Выборы не являются событием, происходящим раз в 4-5 лет. Выборы – это процесс, постоянная циклическая деятельность, направленная на приведение страны в большее соответствие с международными стандартами».[383] В данном высказывании исполнительного директора Европейского центра содействия выборам (ECES) Фабио Барджиакки ключевым, с нашей точки зрения, является попытка «поставить телегу впереди лошади» и определить национальные выборы как средство для реализации международных избирательных стандартов.

Согласно определению, приводимому в толковом словаре С.И. Ожегова стандарт — это «образец, которому должно соответствовать, удовлетворять что-

[382] Гришин Н. В. Политика государств в отношении международного наблюдения за выборами // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17, № 2. С. 151.

[383] Руководство для внутренних наблюдателей за выборам // Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ. Варшава, 2003. URL: https://www.osce.org/ru/odihr/14366 (дата обращения: 15.01.2026).

нибудь по своим признакам, свойствам, качествам, а также документ, содержащий в себе соответствующие сведения».[384] Международные стандарты в области прав человека основываются на признании универсальности, фундаментальности, взаимозависимости и неделимости основных прав и свобод человека. Среди них важное место занимают стандарты реализации избирательных прав граждан. Однако в политико-правовой реальности начала XXI века не существует образца или идеала избирательной системы, которая признавалась бы всем мировым сообществом в качестве оптимальной или даже приемлемой для всех. И. Борисов отмечает: «Каждое государство, выражая волю своего народа, выбирает избирательную систему с учетом своих национальных особенностей. По сути – реализуя свое право на государственный электоральный суверенитет. Гамма современных избирательных систем настолько разнообразна и многогранна, что дать объективную и справедливую оценку конкретной модели избирательной системы может только один беспристрастный арбитр – национальный избиратель».[385]

Основная научно-практическая дилемма заключается в том, как обеспечить соблюдение стандартов избирательных прав граждан и одновременно их приемлемость для большинства государств или легитимность, при этом уважая право наций на построение собственной избирательной системы или электоральный суверенитет.

Различия в подходах к формированию методологии международного наблюдения за выборами и референдумами применяемого по отношению к различным государствам могут быть связаны с переживаемыми ими этапам развития, которые некоторые исследователи называют «электоральными волнами» по аналогии с волновой теорией цивилизационного развития Э. Тоффлера и Д. Белла. Предлагается выделить три «электоральные волны» со свойственными каждой из них моделями мониторинга:

---

[384] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 939 с.
[385] Борисов И. Б. Электоральный суверенитет. М. : РОИИП, 2010. С. 2.

– наблюдение в рамках электоральных процессов на зависимых, спорных и постконфликтных территориях;

– наблюдение в ходе выборов и референдумов в государствах, получивших суверенитет в краткосрочной исторической перспективе и стремящихся к дополнительным инструментам подтверждения легитимности сложившегося политического режима;

– мониторинг за ходом электоральных кампаний в государствах с устоявшимися демократическими режимами.[386]

Согласно ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права». К числу таких принципов и норм относятся и международные стандарты прав человека, которые, по смыслу ст. 18 конституционного акта, «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Сформулированные после Второй мировой войны они отражали представления об основных правах и свободах человека, которые лежат в основе легитимности государства.

И сегодня спустя более чем 70 лет после принятия основополагающих актов, содержащих международные стандарты прав человека, и несмотря на кризис принципа суверенности в условиях глобализации, государства продолжают оставаться основными субъектами международных отношений. В этих условиях международные соглашения и договора являются формой компромисса между государствами и способом согласования их интересов. Международные нормы могут действенными только если они соответствующим образом ратифицированы и имплементированы в национальное законодательство. Согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры страны составляют

[386] Гришин Н. В., Линдерс А. М. Р. История международного наблюдения за выборами // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 129–135.

неотъемлемую часть её правовой системы.[387] Конституционная норма устанавливает приоритет применения правил международного договора в случаях, когда они предусматривают иные положения, нежели национальное законодательство. Поправки к Конституции Российской Федерации, принятые на общероссийском голосовании 2020 года не поменяли фундаментального положения о приоритете международного законодательства над внутрироссийским. Однако они внесли важное уточнение относительно правоприменения международных договоров и соглашений. Согласно статьи 79 Конституции Российской Федерации «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».[388] Одной из важнейших научно-теоретических и практических задач современности является проблема толкования норм международного права и противостояние попыткам подменить универсальные согласованные международно-правовые инструменты и механизмы (международное право) узкими форматами и трактовками (навязываемые странами Запада «правила поведения»).

Долгое время считалось, что постсоветские страны, не имея собственного опыта электоральной демократии должны в выстраивании собственной избирательной системы полагаться на рекомендации стран с устойчивой демократической традицией. Обязательства проведения демократических выборов, которые приняли на себя государства-участники, в том числе станы бывшего Варшавского договора и СССР, лежат в основе международных электоральных стандартов. Они содержатся в пунктах 6-8 Копенгагенского документа, и определяют, что выборы должны быть свободными, всеобщими, равными и проводиться с разумной периодичностью; избирательные кампании проходить в атмосфере открытости и честности, без административного давления;

[387] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.
[388] Там же.

политические партии должны иметь равные права и доступ к СМИ; должны быть обеспечены тайное голосование, честный подсчет голосов и обнародование итогов голосования.

Ключевую роль в мониторинге выборов и референдумов в Европе на протяжении длительного времени играло Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ, выступавшее основным субъектом оценки соответствия избирательных процессов международным стандартам. Правовой основой для деятельности наблюдателей служат положения итогового документа Копенгагенского совещания СБСЕ (1990 г.), обязывающие все 57 государств-участников приглашать международных наблюдателей на общенациональные выборы «в объеме, допускаемом законом». Бюро было образовано в 1991 году и как следует из названия занимается вопросами демократизации, прав человека, толерантности, недискриминации и выборов в странах ОБСЕ. Мониторинг по этим основным линиям позволяет Бюро делать вывод о наличии «прогресса демократии» в этих странах. В России и постсоветских государствах к моменту распада СССР не было устойчивой традиции демократической смены государственной власти, в связи с чем, закономерно, что Бюро уделяло наибольшее внимание именно постсоветским государствам.

За время своего существования БДИПЧ ОБСЕ организовало более 400 наблюдательных миссий за выборами в различных форматах (краткосрочных, долгосрочных, миссий по оценке потребностей). Большинство из этих миссий были проведены в государствах «восточнее Вены», в то время как в странах традиционного Запада – лишь небольшая часть. К тому же самые многочисленные и представительные миссии направлялись именно в постсоветские страны.[389] За годы деятельности Бюро накоплен большой опыт участия в национальных электоральных процессах. Разработаны различные стандарты и форматы наблюдения за избирательным процессом на различных его этапах[390] включая

[389] БДИПЧ ОБСЕ в действии. 25 лет наблюдения за наблюдателями / И. Б. Борисов, А. В. Игнатов. М. : Российский общественный институт избирательного права, 2017. С. 36.

[390] Руководство по наблюдению за выборами // Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ. 6-е изд. Варшава, 2010. URL:

предвыборный период, период проведения избирательных кампаний, период голосования на выборах и референдумах.

Принципы недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, в том числе недопустимости иностранного вмешательства в выборы и референдумы, казалось бы, надежно закреплены в международном праве, включая в пункт 7 статьи 2 Устава ООН[391], Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Декларацию Межпарламентского союза о критериях свободных и справедливых выборов[392] и семь специальных резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, посвящённых «уважению принципов национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства в ходе их процессов выборов» 1990, 1991, 1992, 1993, 1997, 1999 и 2001 годов.[393]

Кроме того, положение о том, что «хотя у демократии есть общие черты, единой модели демократии не существует и что демократия не является собственностью какой-либо одной страны или какого-либо одного региона», нашло своё подтверждение в резолюции ООН от 19 декабря 2023 года «Об усилении роли Организации Объединенных Наций в содействии переходу к демократии и проведению периодических и подлинных выборов».[394]

Однако в трактовке итогов голосования БДИПЧ ОБСЕ активно нарушает принципы множественности форм демократии и уважения государственного суверенитета, применяет необъективные критерии оценки избирательного процесса, постоянно отступает от принципов паритетности при формировании наблюдательных миссий, позиционирует себя в качестве независимого органа, что

---

https://www.osce.org/files/f/documents/5/9/78697.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

[391] Устав Организации Объединенных Наций : принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

[392] Декларация о критериях свободных и справедливых выборов : принята Межпарламентским союзом 26.03.1994 в г. Париже. URL: https://www.ipu.org/ru/our-work/elections-and-democracy/declaration-criteria-free-and-fair-elections (дата обращения: 15.01.2026).

[393] Уважение принципов национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств в ходе их процессов выборов : резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 45/151 (от 18.12.1990), 46/130 (от 17.12.1991), 47/130 (от 18.12.1992), 48/124 (от 20.12.1993), 52/119 (от 12.12.1997), 54/168 (от 17.12.1999), 56/154 (от 19.12.2001).

[394] Укрепление роли Организации Объединенных Наций в содействии демократии и проведению периодических и подлинных выборов : резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 19.12.2023.

противоречит мандату этой организации, систематически ограничивает участие российских представителей в миссиях наблюдения или не учитывает их мнение при формировании итоговых отчётов, а также следует идеологическим клише при признании выборов в странах СНГ недемократичными и не соответствующими международным принципам и обязательствам.[395]

БДИПЧ ОБСЕ неоднократно подвергалась критике за выход за рамки установленного мандата и пределы полномочий (ultra vires). Ряд исследователей считают, что заявления миссий БДИПЧ, вкупе с другими факторами внешнего воздействия, стали катализатором «оранжевых революций» в Грузии в 2003 г., на Украине в 2003-2004 гг.

Еще в 1993 году идеолог «цветных революций» Джин Шарп в своей книге «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения» отмечал важность ненасильственного протеста на выборах, протестного голосования, как средства воздействия на власть путем отказа от сотрудничества с режимом.

Выборы как правило являются точкой отсчета «моментом икс» при организации «цветной революции» и основным объектом приложения манипуляторного воздействия политтехнологов, призванных «расшатать» внутриполитическую ситуацию. Обычно для воздействия выбирается момент проведения очередных всеобщих выборов высшего руководства страны-мишени, либо референдума по важнейшему общественно-политическому решению, – например, подписанию Соглашения об ассоциации с ЕС, как это было на Украине в 2014 году. В этих случаях доклад БДИПЧ ОБСЕ становится своеобразным «спусковым крючком» для действий протестующих и приводит к нелегитимной смене политического режима.

Практика наблюдения за выборами по линии БДИПЧ на пространстве СНГ свидетельствует о нежелании принять во внимание развитие внутренней ситуации

---

[395] Выступление Борисова И. Б., председателя Совета РОИИП, на совещании ОБСЕ по вопросам рассмотрения выполнения обязательств, посвященном человеческому измерению (секция «Деятельность БДИПЧ ОБСЕ», Варшава, 9 октября 2006 г.). URL: https://www.osce.org/files/f/documents/9/d/21434.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

и избирательного законодательства в стране, отчеты мониторинговых миссий полны трафаретных и предвзятых выводов, более того наблюдатели запрограммированы на формулирование оценок выборного процесса в зависимости от политической и идеологической «целесообразности».[396]

В целом выделяют два подхода к международному наблюдению за избирательными процессами. Первый, исходит из учёта норм национального права, когда наблюдательные миссии воздерживаются от критики национального законодательства и вмешательства в избирательный процесс в странах, где осуществляют наблюдение. Такой подход характерен для Межпарламентской ассамблеи СНГ, Шанхайской организации сотрудничества. Так, в «Положении о Миссии наблюдателей от ШОС на президентских и/или парламентских выборах, а также референдумах» говорится об оценке избирательного процесса в соответствии с «национальным законодательством, международными договорами и обязательствам принимающего государства».[397] Этот подход обосновывается российскими исследователями И.Б. Борисовым, А.В. Игнатовым и определяет принципиальную «допустимость и правомерность установления правовых ограничений деятельности международных наблюдателей, направленных на обеспечение и защиту электорального суверенитета».[398] Второй, основывается на признании приоритета международного права и подходов над национальными, благодаря чему западные наблюдательные миссии склонны к более критическим оценкам выборов и к подготовке многочисленных рекомендаций. Ему следуют Парламентская ассамблея ОБСЕ и БДИПЧ ОБСЕ. Руководствуясь им, директор БДИПЧ ОБСЕ Янез Ленарчич утверждал в 2011 году: «В последнее время, похоже, появилась тенденция утверждать, что международные обязательства следует рассматривать через призму национального законодательства. Национальное

[396] Борисов И. Б., Игнатов А. В. Кто хранитель электоральных стандартов? Сравнительный анализ региональных методик оценки национальных выборов // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 4. С. 6.

[397] Положение о Миссии наблюдателей от ШОС на президентских и/или парламентских выборах, а также референдумах : утв. Решением Совета министров иностранных дел государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 15.05.2006 № 8.

[398] Игнатов А. В. Международное наблюдение за выборами: проблемы обеспечения электорального суверенитета // Диалог: политика, право, экономика. 2025. № 2. С. 9.

законодательство не может служить окончательным критерием, если оно не соответствует международным стандартам, исполнять которые взяла на себя страна».[399] [400]

В 2010 году БДИПЧ ОБСЕ выпустило шестую редакцию Руководства для наблюдателей, содержащую указания по выявлению нарушений и фактов административного давления. Наряду с этим документ устанавливает требования к организации избирательного процесса и включает спорные критерии оценки. В частности, раздел о контроле за голосованием на участках оперирует вероятностными показателями, такими как длинные очереди, задержки доступа в помещение для голосования и недостаточное понимание избирателями процедуры голосования.[401]

В недавнем достаточно тенденциозном исследовании Института глобальных конфликтов и сотрудничества Калифорнийского университета с говорящим названием «Зомби впереди: объяснение роста некачественного мониторинга выборов» (2024)[402] предпринята попытка разделить на основе чрезвычайно необъективных критериев всех электоральных наблюдателей на три группы. К первой группе «высококачественных» наблюдателей, по мнению авторов, относятся мониторинговые миссии Запада, организуемые БДИПЧ ОБСЕ, ПА Совета Европы, Организацией американских государств. Во вторую группу «среднекачественных» наблюдателей включены мониторинговые миссии Лиги Арабских государств, Африканского Союза, Межамериканский союз избирательных органов, представленный государствами латинской Америки. В третью, «низкокачественную» группу, определены наблюдатели от

---

[399] Выступление Директора БДИПЧ ОБСЕ Янеза Ленарчича // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. 2011. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/5/e/76738.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

[400] Гришин Н. В. Соотношение норм национального и международного права при оценке выборов международными наблюдателями // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт : сборник статей. Омск, 2021. С. 8–12.

[401] Руководство по наблюдению за выборам // Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ. 6-е изд. Варшава, 2010. С. 91. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/5/9/78697.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

[402] Bush S. S. Zombies ahead: Explaining the rise of low-quality election monitoring / S. S. Bush, C. Cottiero, L. Prather // The Review of International Organizations. 2024. URL: https://doi.org/10.1007/s11558-024-09554-3 (дата обращения: 23.01.2026).

Межпарламентской ассамблеи СНГ, Шанхайской организации сотрудничества, Организации исламского сотрудничества.

Какие критерии лежат в основе такой классификации? Она определяется страной происхождения наблюдателей и в общих чертах соотносится с делением государств на «свободные», «частично свободные» и «несвободные», предложенной американской неправительственной организацией Freedom House («Дом Свободы»), ведущей исследования состояния демократии, свободы и прав человека в мире. Необходимо сказать, что в последнее время в западной научной литературе появилось значительное количество «уничижительных» материалов, содержащих подчас необъективные и оскорбительные замечания в адрес коллег из незападных стран. С.С. Буш, Л. Пратер полагают, что «некачественные наблюдатели, часто называемые теневыми группами или группами зомби, – это международные наблюдатели, которые не желают и не могут сообщать о фальсификациях на выборах, когда они происходят».[403] К. Уокер и А. Кули описывают их как «фальшивые группы мониторинга, которые восхваляют явно фальшивые выборы в попытке заглушить более критические оценки авторитетных организаций по мониторингу».[404]

По мнению западных аналитиков, некачественные наблюдатели представляют две угрозы для демократии.

Во-первых, они способствуют сохранению власти автократов. Подтверждая результаты сомнительных выборов, некачественные наблюдатели побуждают общественность считать эти выборы достоверными и препятствуют попыткам оппозиции координировать свои действия с более авторитетными международными группами. Тем самым они якобы препятствуют функционированию, по определению С. Д. Хайда, Н. Маринова, «самопорождающейся демократии» (self-enforcing democracy).[405] М. Поллак

[403] Bush S. S. Monitors and Meddlers: How Foreign Actors Influence Local Trust in Elections / S. S. Bush, L. Prather. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. 660 p.
[404] Walker C. Vote of the Living Dead / C. Walker, A. Cooley // ForeignPolicy.com. 2013. 31 October. URL: http://foreignpolicy.com/2013/10/31/vote-of-the-living-dead (дата обращения: 15.01.2026).
[405] Hyde S. D. Information and Self-Enforcing Democracy: The Role of International Election Observation / S. D. Hyde, N. Marinov // International Organization. 2014. Vol. 68, No. 2. P. 329–359.

оспаривает сам смысл незападного наблюдения за выборами. Он полагает, что практики «параллельного наблюдения» (например, миссий СНГ) часто легитимизируют выборы, критикуемые ОБСЕ, являя собой часть стратегии «имитации наблюдения», «либеральной мимикрии» и оспаривания западных стандартов.[406]

Во-вторых, утверждается, что авторитарные государства, такие как Россия сделали делегитимацию западных наблюдателей за выборами и противодействие продвижению демократии важными элементами своей внешней политики. Поэтому, якобы, она приглашает «некачественных наблюдателей» из других авторитарных государств, имеющих с ней тесные связи.[407] Более того, открытость, прозрачность избирательного процесса и доступа к информации о нём, характерная для избирательной системы России, трактуются западными аналитиками в негативном ключе. Якобы она применяет открытость как «вектор атаки»,[408] «используя дезинформацию, чтобы подорвать либеральный порядок».[409] [410]

В условиях деградации системы международного наблюдения за выборами, подмены смыслов и целей наблюдения, Россия и страны СНГ вынуждены были искать формы защиты своего электорального суверенитета без отказа от следования основополагающим международным принципам проведения демократических честных, свободных, прозрачных выборов. Такие возможности были найдены в создании региональных международных избирательных стандартов.

Формирование регионального избирательного стандарта на пространстве

---

[406] Pollak, M. (2025). Mimicking Election Observation: The Politics of Parallel Election Observation. Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy, 24(2). Опубликовано онлайн 3 сентября 2025 года. DOI: 10.1089/elj.2024.0012

[407] Cooley A. Exit from Hegemony: The Unraveling of the American Global Order / A. Cooley, D. Nexon. New York : Oxford University Press, 2020. 258 p.

[408] Farrell H. The Janus Face of the Liberal International Information Order: When Global Institutions Are Self-Undermining / H. Farrell, A. L. Newman // International Organization. 2021. Vol. 75, No. 2. P. 333–358.

[409] Goddard S. E. Embedded Revisionism: Networks, Institutions, and Challenges to World Order / S. E. Goddard // International Organization. 2018. Vol. 72, No. 4. P. 763–797.

[410] Adler E. The Epistemological Challenge of Truth Subversion to the Liberal International Order / E. Adler, A. Drieschova // International Organization. 2021. Vol. 75, No. 2. P. 359–386.

СНГ началось с принятия Конвенции СНГ о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств. Данный документ был подписан 7 октября 2002 года в Кишиневе главами семи государств СНГ (Армении, Грузии, Киргизии, Молдавии, России, Таджикистана и Украины) и вступил в силу в ноябре 2003 года после ратификации странами-участницами.[411]

В преамбуле Конвенции указывалось, что она основывается на международных избирательных стандартах, отраженных в документах Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совета Европы, учитывает опыт правового регулирования выборов, накопленного государствами – участниками Содружества Независимых Государств, декларирует принцип уважения суверенитета стран и должна оказывать им помощь в выработке единых международных стандартов демократических выборов. По выражению председателя ЦИК России в 2007-2016 гг. В.Е. Чурова конвенция была призвана содействовать «преодолению порочной практики «двойных» стандартов в оценке выборов и свободного волеизъявления народа».[412]

В развитие положений Конвенции СНГ о стандартах демократических выборов, в 2008 году была принята Декларация Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах – участниках Содружества Независимых Государств». В данном документе закреплены основополагающие принципы международного электорального наблюдения, включая уважение государственного суверенитета, открытость, универсальность, взаимность, профессионализм, беспристрастность, невмешательство в избирательный процесс, недопустимость иностранного вмешательства, объективность, законность, безопасность и оказание действенной помощи.[413]

---

[411] Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств : документы и материалы / отв. ред. В. И. Лысенко. М. : РЦОИТ, 2008. 528 с.

[412] Там же.

[413] Декларация о принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах — участниках Содружества Независимых Государств : принята на тридцать первом пленарном заседании

В 2022 году, в условиях нарастающих угроз национальной безопасности, Межпарламентская ассамблея государств — участников СНГ приняла пакет документов, направленных на защиту электорального суверенитета.

В их число вошли:

модельный закон о международном наблюдении за выборами и референдумами;

рекомендации по противодействию иностранному вмешательству в национальные выборы и референдумы;

рекомендации для международных наблюдателей от СНГ по наблюдению за выборами и референдумами.[414]

Модельный закон закрепил правовые основы деятельности международных наблюдателей, определив их статус, порядок аккредитации, права, обязанности, ограничения, а также алгоритмы взаимодействия с государственными органами и участниками избирательного процесса.

Рекомендации по противодействию иностранному вмешательству содержат классификацию форм и видов незаконного влияния на выборы, а также систему мер законодательного, правоприменительного и информационного характера для противодействия им. Как подчеркивал заместитель руководителя Секретариата Совета МПА СНГ И.И. Мушкет, ключевой особенностью документа стал «акцент на принцип безопасности избирательных процессов и недопустимости вмешательства в избирательные процессы».[415] Эти положения детализируют условия и ограничения для работы наблюдателей, включая основания для отказа в аккредитации, такие как угроза государственному суверенитету.

Дальнейшим шагом в 2024 году стало принятие рекомендаций по обеспечению и защите электорального суверенитета. Этот документ вводит

---

Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ 25.11.2008 : постановление № 31-5.

[414] О законодательном обеспечении электоральных процессов в государствах — участниках Содружества Независимых Государств : постановление № 54-4 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 28.10.2022. URL: https://iacis.ru/upload/iblock/6c5/Postanovlenie_54-4_ot_28.10.2022.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

[415] Парламентарии СНГ одобрили проект Рекомендаций по противодействию иностранному вмешательству в выборы // E-CIS : информационный портал. URL: https://e-cis.info/news/564/103475/ (дата обращения: 15.01.2026).

определение самого понятия «электоральный суверенитет», устанавливает комплекс мер по его защите и проводит важное разграничение между противоправным «иностранным вмешательством» и правомерным «иностранным влиянием» на избирательный процесс.[416]

В 2026 году Международным институтом мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ разработан проект обновлённой декларации принципов международного наблюдения для принятия на уровне ООН. Среди положений проекта декларации наряду с перечислением принципов наблюдения важным является утверждение, что «международное наблюдение обеспечивает оценку избирательных процессов в соответствии с международными принципами проведения подлинно демократических выборов и национальным законодательством и в то же время исходит из признания того, что не кто иной, как избиратели каждого конкретного государства, в конечном итоге решают вопрос о легитимности процесса выборов и доверии его результатам». [417]

Общественная палата Российской Федерации как субъект общественного контроля в электоральной сфере способствует продвижению новых принципов **электорального наблюдения.** В период с 2021 по 2025 гг. она развернула более 20 наблюдательных миссий при поддержке МПА СНГ и ШОС, преимущественно в страны Глобального Юга. Методология краткосрочных наблюдательных миссий Общественной палаты Российской Федерации включает два ключевых этапа: интенсивную экспертную подготовку перед началом миссии и, непосредственно на месте, проведение встреч с максимально широким кругом заинтересованных сторон в сжатые сроки.[418] По итогам наблюдения члены наблюдательных миссий составляют подробные экспертно-аналитические доклады об особенностях

---

[416] Рекомендации по обеспечению и защите электорального суверенитета государства : утв. постановлением Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ от 22.11.2024 № 57-4.
[417] Проект декларации ООН о принципах международного наблюдения за выборами и референдумами // Итоговые документы мероприятий, проведенных под эгидой МПА СНГ : официальный сайт. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/itogovie_dokumenti_meropriyatij (дата обращения: 23.02.2026).
[418] Методология международного наблюдения миссий Общественной палаты Российской Федерации // Наблюдательные миссии Общественной палаты Российской Федерации на выборах за рубежом в 2024 году. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2025. С. 18–19.

организации и проведения выборов и референдумов в иностранных государствах.[419] [420] Некоторые исследователи выделяют наблюдение за выборами, которое осуществляют члены Общественной палаты Российской Федерации за рубежом в новый формат или вид международного наблюдения, критикуя при этом деятельность Общественной палаты за выход за рамки имеющихся у неё полномочий, кратковременный характер её миссий, их малочисленность, дублирование работы миссий МПА СНГ, что якобы сказывается на «престиже» осуществляемого российскими миссиями международного наблюдения в целом и приводит к его «дезорганизации». Вышеприведенные утверждения являются необоснованными и вредными для диверсификации международного наблюдения, преодоления монополии коллективного Запада на эту деятельность.[421] Очевидно, что чем больше конструктивных и профессиональных наблюдателей оценивает электоральные процессы в суверенных государствах, тем более объективной получается общая картина прошедших выборов. Более того, опыт участия в международных наблюдательных миссиях важен для представителей гражданского общества в них участвующих. По мнению члена ЦИК России П.В. Андреева «Международное наблюдение должно рассматриваться не только как легитимирующий фактор избирательного процесса, но и как дополнительная возможность для роста и развития национальной избирательной системы через конструктивную критику и обмен опытом с коллегами из других стран и международных организаций».[422]

МПА СНГ призывает международные организации (прежде всего ООН, Межпарламентский союз и БРИКС) к выработке новых универсальных

---

[419] Международное наблюдение // Общественная палата Российской Федерации. URL: https://www.oprf.ru/detail_project/43 (дата обращения: 15.01.2026).

[420] Наблюдательные миссии Общественной палаты Российской Федерации на выборах за рубежом в 2022 году / Ф. В. Ниточкин [и др.] ; под общ. ред. Л.Ю. Михеевой ; Общественная палата Российской Федерации. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2023. 282 с.

[421] Гришин Н. В. Политико-правовые проблемы современных форм международного наблюдения за выборами // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17, № 2. С. 150–162.

[422] Андреев П. В. Переосмысление стандартов наблюдения: приглашение к международному электоральному сотрудничеству // Наблюдательные миссии Общественной палаты Российской Федерации на выборах за рубежом в 2023 году. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2024. С. 9.

международных стандартов наблюдения за выборами и референдумами, которые бы исключали иностранное вмешательство и были бы направлены на действенную помощь государствам в организации электоральных процессов и обеспечении электорального суверенитета.[423] Базовым документом для новых принципов согласно позиции МПА СНГ может стать Конвенция СНГ, которая открыта для подписания новыми сторонами.

Опираясь на российский опыт организации международного наблюдения, можно сформулировать систему основополагающих принципов мониторинга выборов и референдумов. Ключевым требованием является **честность и добросовестность,** что подразумевает уважение законных интересов всех участников избирательного процесса и отказ от использования ложной или непроверенной информации. Не менее важны **профессионализм и объективность**, обеспечиваемые за счет необходимого уровня компетентности наблюдателей, включая изучение избирательного законодательства страны пребывания, а также создания условий для их безопасной и непредвзятой работы. Фундаментальной основой миссии является **соблюдение международного права**, выражающееся в уважении государственного суверенитета и отказе от вмешательства во внутренние дела. Это предполагает недопущение политизации наблюдения, применения произвольных критериев оценки и двойных стандартов в оценке избирательных систем, а также любого давления на организаторов выборов. Наконец, деятельность наблюдателей должна носить **открытый, гласный и политически нейтральный характер,** будучи направленной не на политическую конфронтацию, а на содействие реализации избирательных прав граждан.[424]

*Представляется, что поэтапная реформа международного наблюдения, основанная на указанных принципах и учитывающая опыт МПА СНГ, ШОС, Общественной палаты России и других институтов международного*

---

[423] Резолюция международной научно-практической конференции «30 лет международного наблюдения за выборами в СНГ: опыт и практические результаты» (Санкт-Петербург, 21 ноября 2024 года). URL: https://iacis.ru/public/upload/files/2/1266.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

[424] Ниточкин Ф. В. Развитие института международного наблюдения за голосованием: от вмешательства в избирательных процессы к уважению государственного суверенитета // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 1. С. 9–13.

*наблюдения, опирающаяся на авторитет ООН и международные нормативные документы, имеющие юридически обязывающий характер, могла бы стать важным вкладом в укрепление международного диалога, взаимопонимания между народами и устойчивое развитие. Такой подход, базирующийся на взаимном уважении национального суверенитета, обмене лучшими практиками и концентрации на общих вызовах, соответствует стратегическим интересам мирового сообщества.*

## 3.2. Опыт электорального наблюдения для преодоления кризиса легитимности представительной демократии

Западная модель **непартисипаторной (элитарной) демократии**, обоснованная в трудах Й.А. Шумпетера[425], Ф.А. Хайека[426], К. Поппера[427] и других мыслителей XX века, исходит из представления о том, что демократия есть форма правления, обеспечивающая состязание политических элит за голоса избирателей. Задача же граждан состоит в формировании состава выборных органов власти, которым делегируется право на осуществление властных полномочий. Причем в управлении делами государства граждане непосредственно не участвуют. Напротив, **делиберативная демократия** (лат. deliberatio – обсуждение, размышление) или **партисипаторная демократия** (от англ. participation – участие), ярчайшим идеологом которой является Ю. Хабермас[428], основывается на аристотелевской традиции понимания политики как свободного от принуждений и предрассудков взаимодействия равных граждан, которые, вступая в коммуникацию друг с другом, способны выработать решения относительно совместной жизни. Важнейшее отличие делиберативной демократии от элитарной – появление в первой институциональных механизмов согласования интересов граждан, их групп, гражданского общества и государства. Они диверсифицируют процедуры демократии за счёт подключения к механизмам принятия решений различных заинтересованных групп граждан. К формам делиберативной демократии можно отнести публичные слушания, общественные обсуждения, формы гражданского контроля за властью.

Кризис представительной демократии, который отмечал К. Лэш,[429] связан с

---

[425] Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ. ; предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М. : Экономика, 1995. 540 с.
[426] Хайек Ф. А. Дорога к рабству / пер. с англ. ; предисл. Н. Я. Петракова. М. : Экономика, 1992. 176 с.
[427] Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. М. : Феникс : Междунар. фонд «Культур. инициатива», 1992. Т. 1. 446 с.
[428] Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge : The MIT Press, 1996. 631 p.
[429] Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубович. М. : Логос : Прогресс, 2002. 224 с.

растущей обособленностью элит и отчуждением граждан от реальных механизмов принятия политических решений. Граждане перестают быть субъектами политики, превращаются в ее объект: в заявителей, потребителей, пользователей и электорат. Вместе с тем, с ростом политической сознательности и правовой культуры граждане все более заявляют о своём праве на допуск к обсуждению вопросов, прямо или косвенно затрагивающих их законные права и интересы.[430]

По данным опроса, проведённого в 2023 году международной маркетингово-исследовательской компанией Ipsos, ухудшение состояния демократии (западного образца), а фактически кризис управления, за последние пять лет отмечали 7 из 10-ти респондентов в США, 6 из 10-ти – в Великобритании, 73% опрошенных во Франции. В Хорватии, Италии, Польше «не удовлетворены» состоянием демократии были почти половина избирателей, считая необходимыми «радикальные перемены»[431]. Международный институт демократии и содействия выборам IDEA по итогам 2023 года (Доклад «Глобальное состояние демократии 2024. Укрепление легитимности в эпоху крайней неопределенности») фиксировал снижение доверия к выборам почти в каждой пятой стране по сравнению с 2018 годом (39 из 173 стран). Значительное ухудшение ситуации отмечалось в странах с т.н. «высокими демократическими показателями» – в странах Европы (в т.ч. Германии) и Америки.[432]

В.В. Полянский так описывал причины это кризиса: «Публичная власть (как система персонифицированных государственно-властных и самоуправленческих институтов) стремится создать систему псевдодемократических, квазиправовых декораций, скрывающих истинные цели укоренившейся публичной власти, сохраняя вешнюю форму демократических институтов, выхолащивает их сущность».[433]

---

[430] Ниточкин Ф. В., Чумаков В. А. 20 лет Общественной палате Российской Федерации: прошлое, настоящее, будущее // Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 2 (36). С. 78–94.

[431] Politico: несколько западных демократий столкнулись с кризисом доверия к власти // ТАСС. 2024. 25 сент. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19506471 (дата обращения: 11.01.2026).

[432] What can be done to arrest the trend of democratic decline worldwide? : In Focus podcast // The Hindu. 2024. 28 August. URL: https://www.thehindu.com/podcast/what-can-be-done-to-arrest-the-trend-of-democratic-decline-worldwide-in-focus-podcast/article68663648.ece (дата обращения: 11.01.2026).

[433] Полянский В. В. Современный политический процесс и выборы: проблемы гармонизации публичных

Критика представительной демократии и выборов с позиций либеральных, коммунистических, русского национализма и традиционализма часто звучит в России. Например, известный публицист левого толка С.Г. Кара-Мурза говорил в 2012 году, что «выборы в России не надо принимать за чистую монету».[434] В 2014 году либеральный политик Г.А. Явлинский, критически оценивая сложившуюся политическую систему, утверждал: «[в]ыборы как механизм смены власти потеряли смысл еще в 90-х».[435] Одно из самых нашумевших высказываний В.В. Жириновского, которое он сделал сразу после подведения итогов неудачных для него выборов Президента Российской Федерации в 2018 году, отражает скепсис относительно выборов, их открытости, прозрачности, честности и конкурентности, всё еще свойственный части российского общества. Тогда он заявил, что «Выборов больше не будет, это были последние выборы президента. Им надоело подтасовку делать. Будет Госсовет – коллективный орган, где председатель Госсовета с правами президента будет выбираться на заседании Госсовета. А Госсовет будет формироваться из лучших губернаторов (для видимости лучших), министров, сенаторов, депутатов. Человек 30−40. Будут сидеть в этом Георгиевском зале Кремля».[436] Также выборы часто представляют как привнесенный с Запада и чуждый российской политико-правовой системе инородный элемент. Так известный философ-консерватор, лидер Международного Евразийского движения А.Г. Дугин по итогам выборов в Государственную Думу в 2021 году указывал: «Выборы показали абсолютную тщету представительской демократии в России. Этот институт никогда не приживался в нашем обществе и является излишним».[437]

---

и частных интересов // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/1 (122). С. 142–154.

[434] Кара-Мурза С. Г. Соблазн честных выборов // LiveJournal. URL: https://sg-karamurza.livejournal.com/115412.html (дата обращения: 17.01.2026).

[435] Явлинский Г. А. Григорий Явлинский: «От результатов выборов будет зависеть, когда прекратится война» // Новая газета. 2014. № 102 (13 сент.). URL: https://web.archive.org/web/20140913092821/http://www.novayagazeta.ru/politics/65225.html (дата обращения: 13.01.2026).

[436] Владимир Жириновский предсказал отмену президентских выборов в России // Nversia.ru. URL: https://nversia.ru/news/vladimir-zhirinovskiy-predskazal-otmenu-prezidentskih-vyborov-v-rossii/ (дата обращения: 14.01.2026).

[437] Дугин А. Выборы не имеют никакого отношения к судьбе страны // Истархов. URL: https://izborsk-club.ru/21683 (дата обращения: 17.01.2026).

Однако позиции, выраженные в приведенных высказываниях, могут быть оспорены, так как она противоречат эмпирическим данным о динамике электоральных предпочтений и политического участия граждан России. Свое отношение к институту выборов россияне однозначно продемонстрировали на выборах Президента Российской Федерации в 2024 году, обновив рекорды явки (77,4 %) и процента проголосовавших за основного кандидата (87,28 %). Многочисленные опросы общественного мнения показывают рост доверия россиян к выборам. Выборы всё чаще воспринимаются гражданами как проявление гражданского долга, важнейший акт доверия между обществом и властью, способ выражения поддержки политического курса развития страны. Немаловажно, что результаты президентских выборов влияют на психологический климат в стране, вызывают у россиян преимущественно положительные эмоции: надежду (42%), радость (34%), воодушевление (21%).[438]

Важнейший шаг к делиберативной (или партисипаторной) демократии в России сделан с введением в действие Федерального закона № 212-ФЗ от 21 июля 2014 года «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Принципы общественного контроля, а именно приоритет прав и законных интересов человека и гражданина, добровольность участия, самостоятельность субъектов контроля и их независимость от органов власти, публичность и открытость осуществления контроля и общественного обсуждения его результатов, становятся основанием не новой параллельной «общественной» вертикали власти, а скорее источником и основанием для появления новых форм участия граждан в управлении делами государства. Эти формы суть различные дискуссионные площадки, инициативные и рабочие группы, а также принятые для обсуждения на них вопросов согласительные процедуры, в основе которых лежит взаимоуважение и равенство участников диалога. Также важно, что рекомендации по результатам общественного контроля и заключения по результатам экспертизы законопроектов, а также акты общественных проверок, даже не обладая юридической силой, могут

[438] Выборы Президента РФ-2024: оценка результатов // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-prezidenta-rf-2024-ocenka-rezultatov (дата обращения: 13.01.2026).

с помощью силы общественного мнения («мягкой силы») влиять на принятие властью решений.[439]

Таким образом, общественный контроль является важнейшим источником **мягкого права** в сфере публично-правовых отношений. Принципы общественного контроля, критерии и стандарты его осуществления становятся основой для методических рекомендаций по его осуществлению, которые также доводятся до органов власти, над которыми осуществляется контроль. Несмотря на то, что решения по итогам общественного контроля как акты мягкого права носят рекомендательный характер и не могут быть санкционированы публичной властью, а, следовательно, не являются для ее органов строго обязательными, те, к кому они обращены, осознают их важность и соглашаются в необходимости их учета. Осуществляется это с помощью различных деклараций о намерениях и соглашений между общественными институтами и государственными органами.

Так, например, базовое бессрочное соглашение о взаимодействии Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и Общественной палаты Российской Федерации, принятое в 2017 году, определяет, что Общественная палата Российской Федерации:

– информирует ЦИК России о действиях (бездействии) органов государственной власти и органов местного самоуправления, создающих препятствия для реализации и защиты избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, а также о фактах нарушений избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации;

– оказывает содействие избирательным комиссиям в вопросах контроля реализации избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, организуя работу по подготовке наблюдения в соответствии с законодательством Российской Федерации.

---

[439] Ниточкин Ф. В., Чумаков В. А. 20 лет Общественной палате Российской Федерации: прошлое, настоящее, будущее // Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 2 (36). С. 78–94.

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации в свою очередь:

– оказывает содействие Общественной палате Российской Федерации в эффективном рассмотрении обращений граждан по вопросам защиты избирательных прав и права на участие в референдуме;

– оказывает содействие в проведении мероприятий по повышению правовой культуры избирателей, иных участников избирательного процесса, в том числе наблюдателей.[440]

Таким образом, соглашение Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и Общественной палаты Российской Федерации определяет создание постоянно действующего канала связи и установление порядка консультаций и взаимодействия по рассмотрению сообщений о нарушениях избирательных прав граждан.

Другим документом мягкого права, формирующим основы взаимоотношений субъектов общественного контроля за избирательным процессом, является соглашение, которое Общественная палата Российской Федерации ежегодно заключает с российскими политическими партиями. Указанное соглашение определяет взаимодействие по следующим направлениям:

– проведение взаимных консультаций, посвященных участию в наблюдении за голосованием;

– организация совместных обсуждений стандартов и методик наблюдения за голосованием;

– обмен опытом и организация совместных обучающих мероприятий по вопросам осуществления наблюдения за голосованием;

– осуществление совместной информационной деятельности в электронных и печатных средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для разъяснения вопросов, связанных с

[440] Соглашение о взаимодействии Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и Общественной палаты Российской Федерации : заключено 21.11.2017. URL: https://www.rcoit.ru/upload/medialibrary/fgx/Соглашение.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

подготовкой и проведением голосования.

Соглашение Общественной палаты Российской Федерации с российскими политическими партиями имеет своей целью формирование единого и непротиворечивого подхода к наблюдению за голосованием и методики подготовки наблюдателей за голосованием на выборах.[441][442]

Третий документ – соглашение, заключенное между Общественной палатой Российской Федерации и общественными объединениями, иными некоммерческими организациями, – имеет целью обеспечение участия представителей гражданского общества в наблюдении за голосованием. Оно также заключается накануне каждой очередной федеральной избирательной кампании и объединяет усилия крупнейших российских общественных организаций и НКО в контроле за избирательным процессом.[443]

Таким образом, все важнейшие субъекты общественно-государственных отношений в сфере избирательного права оказываются охвачены делиберативными практиками принятия решений и достижения консенсуса.

Однако основным препятствием для развития делиберативной демократии в нашей стране могут стать вовсе не рудименты патернализма в общественном сознании и практиках общественно-государственных отношений, а распространение так называемого сервисного государства и его естественного клиента в виде общества потребления. Трансформация государства в сервисного оператора кардинально меняет его связь с обществом. Гражданин превращается в клиента, получающего услуги в цифровом формате, а государство — в обезличенного провайдера, работающего напрямую, минуя традиционных посредников. Данная модель создает эффект «дистанцирования» власти, которая

---

[441] ОП РФ и представители политических партий подписали соглашение о сотрудничестве // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2024-02-01/470035-op_rf_i_predstaviteli_politicheskih_partiy_podpisali_soglashenie_o_sotrudnichestve (дата обращения: 15.01.2026).

[442] Ниточкин Ф. В. «Золотой стандарт» общественного наблюдения в механизме общественного контроля за голосованием на выборах и референдумах // Избирательное законодательство и практика. 2024. № 3. С. 13–17.

[443] ОП РФ подписала соглашения с НКО по наблюдению за выборах президента // РИА Новости. URL: https://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20240123/309561525.html (дата обращения: 15.01.2026).

начинает функционировать как закрытая система. Пространство для гражданского контроля в этих условиях резко сужается, ограничиваясь предикативной оценкой качества услуг через механизмы обратной связи в цифровых сервисах.[444]

К тому же в условиях разного охвата регионов мира, государств Интернетом, неоднородности в пользовании информационно-коммуникционными технологиями (ИКТ) разными поколениями или «цифрового разрыва», о котором говорит Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш,[445] углубляется неравенство в доступе к цифровым общественным благам. Без доступа к сети Интернет становится невозможно получить государственные услуги, приобрести товары, получить медицинские услуги. В избирательной сфере цифровизация также идёт ускоренными темпами, что приводит к распространению дистанционного электронного голосования (ДЭГ) и отказу от голосования на участках с помощью бумажных бюллетеней в пользу использования терминалов электронного голосования (ТЭГ). Последняя новация была реализована на московских выборах. На выборах мэра Москвы в 2023 году были впервые установлены терминалы электронного голосования, которые незамедлительно направляли данные о голосовании избирателей в систему дистанционного электронного голосования. При этом бумажные бюллетени не отменялись, и каждый избиратель мог сам выбрать предпочтительный способ голосования. А уже на следующий год на выборах в Московскую городскую Думу в 2024 году избирателю было предложено голосовать с помощью ТЭГ, а при наличии желания проголосовать при помощи бумажного бюллетеня, он должен был оформить соответствующее заявление на портале mos.ru за неделю до дня голосования. Указанный стремительный «цифровой переход», несмотря на свои очевидные преимущества, такие как алгоритмичность, экономичность, экологичность голосования в цифровом формате, оставляет много вопросов о возможностях

[444] Ниточкин Ф. В., Чумаков В. А. 20 лет Общественной палате Российской Федерации: прошлое, настоящее, будущее // Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 2 (36). С. 78–94.

[445] Дорожная карта по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству // Организация Объединенных Наций. 2020. URL: https://www.un.org/ru/content/digital-cooperation-roadmap/ (дата обращения: 15.01.2026).

контроля за голосованием, особенно на стадиях подсчёта голосов, суммирования протоколов голосования и подведения итогов голосования.

Гражданин, обладающий избирательным правом, вправе участвовать в осуществлении общественного контроля на выборах без специального уполномочия в силу своего общего конституционно-правового статуса. Он способен самостоятельно анализировать течение избирательной кампании, используя информацию о ней из открытых источников, наблюдать за процессом голосования в период своего нахождения в помещении для голосования, знакомиться с информацией об итогах голосования и результатах выборов. Нельзя согласится с распространённым мнением о том, что «граждане полностью лишены возможности как-то контролировать процесс реализации ими своего активного избирательного права в цифровом пространстве».[446] Избиратель может самостоятельно осуществить проверку результатов своего голосования с помощью ДЭГ, используя для этого сведения о транзакции голосования. Для этого требуется ввести идентификатор, указанный в коде транзакции, в соответствующее поле на странице «Найти голос» портала наблюдения за ДЭГ, размещенного по адресу stat.vybory.gov.ru, после чего избиратель сможет убедиться в правильности и корректности учета результатов своего волеизъявления.

В то же время очевидно, что реализация наблюдения за ДЭГ только силами самих избирателей сужает возможности контроля за выборами. Введение института специально уполномоченных лиц, таких как наблюдатели и представители средств массовой информации, обеспечило непрерывный мониторинг деятельности избирательных органов. Это способствовало повышению профессионализма наблюдения благодаря глубокому знанию наблюдателями принципов и норм избирательного законодательства.

Представляется, что появление специальных субъектов общественного контроля за ДЭГ, совмещающих компетенции профессиональных юристов в области избирательного права, а также специализацию в сфере ИТ-технологий и

---

[446] Ларин И. Г. Проблема действительности выборов при проведении дистанционного электронного голосования // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 1. С. 108.

криптографии поможет реализовать общественный контроль на новом уровне, обеспечив прозрачность и достоверность голосования с помощью ДЭГ.

Отдельно необходимо сказать, что формирование нового общественного института – общественного наблюдения за голосованием на выборах и референдумах стало возможным без слома или существенного изменения основ функционирования избирательной системы. Общественный контроль за избирательным процессом, появившийся благодаря изменениям, вносимым в избирательное законодательство в течение последних лет, не затрагивает фундаментальных основ функционирования избирательной системы, не посягает на независимый характер работы системы избирательных комиссий, не вмешивается в полномочия органов государственной власти, не препятствует партийной конкуренции и партийному строительству. Наличие дополнительного независимого субъекта контроля лишь повышает легитимность избирательной системы, ее гибкость и способность реагировать на новые вызовы времени. Общественное наблюдение не является новым этапом или стадией избирательного процесса, существенно не изменяет общую последовательность избирательных действий, не требует дополнительных бюджетных расходов, так как осуществляется на добровольных началах и на безвозмездной основе. При этом общественное наблюдение существенно повышает уровень правовых гарантий прав и интересов российских избирателей. Как совершенно верно отмечает западный исследователь электоральных процессов Пиппа Норрис (Pippa Norris) убеждение граждан в высоком качестве электоральных процессов укрепляет легитимность власти и способствует росту общественного доверия к политическим институтам. Следствием этого является рост явки на выборах всех уровней, снижение готовности граждан к неконвенциональному поведению и укрепление политического режима. [447]

С момента внедрения института общественных наблюдателей в избирательной системе Российской Федерации в 2018 году произошли

[447] Norris P. Why Electoral Integrity Matters. N.Y.: Cambridge University Press. 2014. p. 15.

значительные изменения, направленные на повышение уровня участия граждан в выборах и расширение возможностей реализации их активного избирательного права. Среди ключевых нововведений можно выделить следующие:

– многодневное голосование. Введение практики голосования в течение нескольких дней позволило увеличить число граждан, имеющих возможность проголосовать, особенно в условиях высокой явки;

– дистанционное электронное голосование (ДЭГ). Внедрение этой технологии обеспечило возможность участия в выборах для граждан, находящихся в удаленных или труднодоступных регионах, а также для тех, кто не может присутствовать на избирательном участке по состоянию здоровья или другим причинам;

– система «Мобильный избиратель». Данная система позволила гражданам голосовать на любом избирательном участке, независимо от места их постоянной регистрации, что особенно актуально для тех, кто находится в командировке или проживает за пределами своего избирательного округа;

– цифровые избирательные участки (ЦИУ). Создание ЦИУ обеспечило возможность голосования в онлайн-формате, что значительно расширило доступ граждан к участию в выборах и сделало процесс более удобным и доступным;

– экстерриториальные избирательные участки (ЭИУ). Данная форма голосования также позволяет избирателю проголосовать не по месту своей регистрации, что является основной идеей экстерриториальности. Экстерриториальные избирательные участки создавались в 2025 году для жителей 19 субъектов Российской Федерации, временно находящихся в Москве.

Указанные нововведения по разному оцениваются различными участниками избирательного процесса. Так, принципиальные критики российской избирательной системы из числа оппозиционных партий и иностранных (международных) наблюдательных миссий делают любых технологические инновации постоянным объектом своих «разоблачительных» докладов. Однако развитие системы общественного контроля и наблюдения за изменяющимися форматами голосования позволяет оценить, является ли для организаторов

выборов приоритетными интересы избирателей, кандидатов, избирательных объединений и иных участников избирательного процесса или же они руководствуются другими целями. В частности, все технологические и организационные изменения, цифровизация отдельных избирательных процедур, должны способствовать:

– повышению доступности, комфорта и удобства процесса голосования;

– обеспечению гласности, открытости и прозрачности через развитие системы общественного контроля и наблюдения за изменениями в организации голосования;

– улучшению качества и оперативности обработки информации о ходе и результатах голосования на избирательных участках;

– снижению влияния человеческого фактора на достоверность экспертных оценок;

– эффективному управлению информационными рисками и угрозами, связанными с нарушениями законодательства о выборах в контексте распространения информационных и агитационных материалов.

По мнению А.О. Гаджиевой развитие цифровых технологий приводит нас к выводу о необходимости «дополнить нормативное содержание активного избирательного права правом гражданина свободно и независимо от чьей бы то ни было воли (даже воли организующей выборы избирательной комиссии, при условии применения на конкретных выборах электронного голосования), выбирать способ и место реализации активного избирательного права».[448]

Среди задач, которые также решает избирательная система как часть политико-правовой организации общества, – вопросы повышения доверия к избирательному процессу и его легитимности, рост политического участия граждан в жизни страны и возможностей для политического представительства, путем создания равных условий для участия политических сил, представляющих существенные интересы электоральных групп в процессе выборов.

---

[448] Гаджиева А. О. Активное избирательное право в условиях применения цифровых технологий (на примере города Москвы) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 18.

Эволюция избирательного законодательства России в последние годы характеризуется внедрением инновационных форм голосования, что отражает глобальные тенденции в развитии электоральных систем. Россия успешно использует передовые практики, реализованные в различных странах мира. Так, введение дистанционного электронного голосования и голосования с использованием терминалов электронного голосования, технологии «Мобильный избиратель» повышает экстерриториальность избирательных действий: с введением этих технологий избиратель не привязан к своему участку даже при очном голосовании, с учетом того, что он может проголосовать на любом удобном участке. Благодаря масштабной информационной кампании, организованной ЦИК России, включавшей поквартирные обходы накануне выборов Президента Российской Федерации в 2024 году, в общей сложности три четверти (75%) россиян осведомлены о сервисе «мобильного избирателя».[449]

Электоральное наблюдение за голосованием, которое осуществляется с использованием технических устройств, осложняется технологической сложностью этих процессов и пока находится в процессе становления. Особенностью осуществления такого наблюдения является перенос его в виртуальную среду. Наблюдение осуществляется за различными транзакциями, которые являются полной аналогией различных избирательных действий. К задачам профессионального технического наблюдения, осуществляемого с помощью доступа к ноде блокчейна, предоставляемого в территориальной избирательной комиссии электронного голосования и Общественной палате Российской Федерации, относится проверка соответствия и целостности публикуемых данных, поиск и анализ аномалий.

Учитывая масштабы и скорость развития дистанционного электронного голосования, оно становится одним из самых эффективных форматов электронной демократии. Вместе с тем, правовое обеспечение дистанционного электронного

[449] Выборы: легитимность, доступность, цифровизация // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-legitimnost-dostupnost-cifrovizacija (дата обращения: 15.01.2026).

голосования пока отстаёт от развития нового института. В частности, недостаточно урегулированы вопросы общественного контроля за голосованием ДЭГ. В настоящее время Общественной палатой Российской Федерации разработан и используется единый стандарт общественного наблюдения за ДЭГ, который включает 65 пунктов контроля и охватывает различные этапы голосования с помощью ДЭГ. Однако многие из указанных контрольных пунктов сложны для понимания, требуют специальных познаний, доступа к ноде блочейн програмно-технического комплекса дистанционного электронного голосования (ПТК ДЭГ) и доступны только для специалистов в области ИТ-технологий. В этой связи в настоящее время осуществляется поиск общедоступных инструментов контроля за ДЭГ, которые бы повышали доверие избирателей к дистанционному электронному голосованию. Согласно опросам общественного мнения, уже более половины (53%) избирателей скорее одобряют наличие возможности голосовать на выборах дистанционно, в то время как не одобряют ДЭГ – 39%. В 2023 г. одобряли ДЭГ 39 % избирателей, а неодобряли – 45%. В 2020 г. доля сторонников ДЭГ составляла 50% от числа опрошенных избирателей.[450]

Однако представляется, что для соблюдения требования п. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, согласно которой, права и свободы человека и гражданина не могут быть ограничены федеральным законом, при введении ДЭГ на выборах и референдумах в Российской Федерации, недостаточно одних опросов общественного мнения. ДЭГ должно представлять собой полную аналогию с традиционными выборами, проводимыми на избирательных участках, предоставлять участникам тот же или более полный объем прав и полномочий, не ущемлять возможности общественного контроля и коммуникации граждан в избирательном процессе.

В связи с этим процедуры ДЭГ возможно следует дополнить возможностями сетевой коммуникации граждан и коллективного обсуждения появляющихся в процессе выборов проблем и вопросов в режиме онлайн; предусмотреть

[450] Там же.

детализацию результатов дистанционного электронного голосования (ДЭГ) до уровня избирательных участков; предусмотреть возможность широкого доступа граждан к расширенной статистике по ДЭГ; увеличение количества точек доступа к ноде блокчейн электронного голосования; обеспечить общественный контроль соблюдения контрольных соотношений в дистанционном электронном голосовании.

Пандемия COVID-19, создав дополнительные стимулы для развития дистанционных форматов голосования, одновременно способствовала введению многодневного голосования. Представляется, что многодневное голосование в большей степени обеспечивает требования доступности и удобства голосования избирателей, учитывая пространственную протяженность нашей страны и неравномерность проживания граждан. Большинство (61 %) избирателей скорее положительно относятся к трехдневному голосованию.[451]

Одна из важнейших функций права вообще заключается в том, что оно выступает катализатором прогресса в сфере общественных отношений. Созданная в сфере электорального контроля правовая база, её развитие, а также опыт ее правоприменения, могут быть полезными для развития правовых механизмов делиберативной демократии и в других сферах.

Речь идет о механизме «многослойного общественного контроля», который отмечает председатель ЦИК России Э.А. Памфилова.[452] Администрирование избирательного процесса осуществляют независимые от власти органы — избирательные комиссии. В эту систему входят около 100 тысяч комиссий и почти 1 миллион их членов, чьей задачей является организация голосования и обеспечение его соответствия законодательству.

Структура комиссий свидетельствует об их коллегиальном и партийном характере: в соответствии с законодательством они не менее чем на половину формируются из представителей политических партий, представленных в

---

[451] Там же.

[452] Глава ЦИК на Сообществе подчеркнула значимость многослойного гражданского контроля за выборами // НОМ24. URL: https://nom24.ru/info/events/glava-tsik-na-soobshchestve-podcherknula-znachimost-mnogosloynogo-grazhdanskogo-kontrolya-za-vyboram/ (дата обращения: 15.01.2026).

Государственной Думе и законодательных органах соответствующего уровня. При этом, вопреки распространенному мнению, государственные и муниципальные служащие составляют лишь около 6% от общего числа членов комиссий, что подтверждает преобладание партийного представительства.[453] [454]

Контроль за соблюдением прав участников избирательного процесса обеспечивается с разных сторон.

1. Партийный и кандидатский контроль: за процессом наблюдают назначенные партиями и кандидатами наблюдатели, которых на выборах Президента Российской Федерации в 2024 году было 177 тысяч человек.

2. Независимый общественный контроль: его осуществляют субъекты общественного контроля (Общественная палата России и региональные общественные палаты), направившие на те же выборы 156 тысяч наблюдателей.

3. Международный контроль: оценку соответствия выборов международным стандартам проводят иностранные наблюдатели. В марте 2024 года в Россию прибыли 1115 наблюдателей из 129 стран.[455]

4. Гражданский контроль: миллионы избирателей, даже не имея специального статуса, самостоятельно следят за соблюдением своих избирательных прав.

Таким образом, за выборами в России наблюдают тысячи глаз, оценивающих процесс с разных точек зрения. Можно утверждать, что избирательный процесс сегодня является одним из самых прозрачных и подотчетных гражданскому обществу сегментов публично-правовых отношений. Как совершенно справедливо отмечает член ЦИК России К.С. Мазуревский «такой открытостью миру не может похвастаться ни одна избирательная система Западной Европы и Северной Америки, где условия для международного наблюдения либо существенно

---

[453] Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов : материалы международной конференции / под ред. А. В. Иванченко, А. Е. Любарева. М. : Аспект Пресс, 2006. С. 131.
[454] Памфилова Э. А. Биография Центральной избирательной комиссии Российской Федерации: промежуточные итоги // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 4 (30). С. 11–18.
[455] Выборы Президента Российской Федерации. 2024: электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2024. С. 285.

ограничены, либо отсутствуют совсем».[456]

Уровень электоральной активности и общественного доверия к результатам выборов демонстрирует положительную динамику, что подтверждается упомянутыми выше замерами социологических служб.[457] Однако обеспечение легитимности избирательного процесса остается актуальной проблемой, связанной с повышением уровня электоральной активности молодежи (граждан в возрасте от 18 до 35 лет). Недавнее исследование электорального поведения молодёжи, организованное представителями студенческого сообщества, в котором приняли участие 2110 студентов из 24 вузов России, подтверждает рост правосознания молодёжи при сохранении дефицита знаний об избирательном праве и процессе. [458]

Исследование демонстрирует радикальную цифровизацию электорального поведения студенческой молодежи. Традиционные СМИ и межличностное общение (обсуждения с семьей и друзьями) утратили роль ведущих источников информации о выборах. Их место заняли социальные сети и интернет-СМИ, которым студенты склонны высоко доверять (в сумме 63% опрошенных указали эти каналы как основные). Это формирует новую динамику: политический выбор молодежи все больше определяется контентом цифровой среды, что создает одновременно возможности для таргетированного вовлечения и риски информационных пузырей, дезориентации и манипуляций.

Динамика электорального поведения молодёжи характеризуется внутренней конфликтностью: при формально высокой явке (85% опрошенных голосуют) существует глубокий разрыв между участием и информированностью. С одной стороны, студенты определяю мотив своего участия в избирательных процедурах гражданским долгом и желанием повлиять на будущее. С другой – они

---

[456] Мазуревский К. С. О социальном государстве, реализации избирательных прав граждан и защите электорального суверенитета России // Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 1(35). С. 144.

[457] Выборы: легитимность, доступность, цифровизация // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-legitimnost-dostupnost-cifrovizacija (дата обращения: 15.01.2026).

[458] Лунина М. В., Отт Ю. С., Романов М. А. Электоральное поведение студенческой молодежи: факторы формирования и тенденции развития // Сборник конкурсных работ в области избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов в органы государственной власти, органы местного самоуправления в Российской Федерации и участников избирательных кампаний. М.: РЦОИТ, 2025. С. 38.

демонстрируют низкий уровень знаний об избирательном праве (например, лишь 7% знают основания для повторного голосования на выборах Президента Российской Федерации; 33 % верно определяют требования об образовании для кандидата на должность Президента Российской Федерации; 38 % могут указать какая избирательная система используется при выборах депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации). Это противоречие между активностью и компетентностью, а также резкая неравномерность явки на выборах разных уровней (с максимальной концентрацией на федеральных) указывают на поверхностный, часто ритуальный характер их электоральной вовлеченности.

Ключевыми проблемами, снижающими активность, становятся не столько классический абсентеизм, сколько неверие в значимость своего голоса (23%) и системная неосведомленность (31%). Молодежь формулирует четкий запрос не на упрощение процедур, а на повышение прозрачности и содержательности избирательного процесса. В их предложениях доминируют запросы на интерактивные образовательные форматы, усиление цифрового информирования, привлечение молодых кандидатов и повышение общественного контроля за голосованием (включая участие в качестве наблюдателей). Таким образом, происходит развитие правосознания избирателей от пассивного неучастия в выборах к требованию содержательного, верифицируемого и технологически современного вовлечения в избирательный процесс. Важный вывод формулируют сами молодые исследователи: «Одним из эффективных способов повышения электоральной активности студенческой молодежи может стать демонстрация честности и прозрачности выборов в виде беспрепятственного участия студентов в качестве наблюдателей на избирательных участках, ведения прямой трансляции подсчета голосов, массового привлечения студентов к проведению экзит-поллов».[459] В тоже время в наблюдательском корпусе доля молодежи пока невелика. Согласно данным АНО «Диалог регионы» средний возраст

[459] Там же.

общественного наблюдателя на выборах – 44 года.[460]

Важной задачей ближайшего будущего является формирование у молодёжи электоральной культуры через вовлечение в общественный контроль за выборами, в том числе в борьбу с распространением «фейков» о выборах в пространстве сети Интернет. Наблюдатели в сети Интернет способны оперативно выявить новые виды нарушений, появляющиеся в связи с развитием развития интернет-пространства, – случаи незаконной агитации в Интернете, например, наличие агитационных материалов в социальных сетях, пабликах, у блогеров и в телеграм-каналах, оплаченный тег (элемент языка разметки гипертекста) в текстах наиболее популярных сообщений социальных сетей с пометкой «реклама», при переходе по которому обнаруживаются материалы, призывающие голосовать за определенных кандидатов или бойкотировать выборы. Также молодежь является разработчиком и активным пользователем телеграм-ботов, мобильных приложений и интерактивных карт нарушений, которые позволяют сразу получать фото и видео с происшествием, оценивать его с участием компетентных экспертов и оперативно принимать меры для устранения нарушений.[461] С развитием видеонаблюдения на избирательных участках широкое участие получили онлайн-наблюдатели. Представляется целесообразной четкая правовая регламентация юридического статуса онлайн-наблюдателя на законодательном уровне. Оптимальным юридическим фактом, способствующим возникновению правового статуса онлайн-наблюдателя, может стать регистрация лица на официальном сайте интернет-портала государственных услуг Российской Федерации.[462]

---

[460] 81 миллион просмотров набрали публикации общественных наблюдателей о выборах // НОМ24. URL: https://nom24.ru/info/events/81-mln-prosmotrov-nabrali-publikatsii-obshchestvennykh-nablyudateley-o-vyborakh/ (дата обращения: 15.01.2026).

[461] Христофорова Е. И., Соколова Е. А. Перспективы развития правового регулирования института наблюдателей в интернет-пространстве // Юридическая наука. 2018. № 1. С. 41–47.

[462] Там же, с. 41–47.

## 3.3. Электоральная демократия и легитимность государственной власти в условиях цифровой трансформации

Влияние цифровых технологий на трансформацию публично-правовых отношений рассматривается с позиции своеобразной «развилки» в развитии современной цивилизации. Многие усматривают признаки роста в мире цифровой (прямой, электронной) демократии, [463] [464] [465] другие видят в будущем угрозу установления «цифровой сегрегации» и даже нового «цифрового рабства».[466] [467] [468] Все исследователи отмечают способность новейших цифровых технологий сокращать сроки принятия управленческих решений, предоставления государственных услуг, торговли и распределения товаров. С помощью цифровых сервисов (например, московский проект «Активный гражданин») устанавливается интерактивная двухсторонняя «обратная связь» с населением, что позволяет более эффективно и без посредничества представительных органов власти решать вопросы местного и регионального значения. Цифровизация в целом упрощает все виды коммуникаций: межведомственное взаимодействие (G2G, government-to-government), государственное управление и оказание государственных услуг (G2P, government-to-people), экономическое (B2P, business-to-people) и межличностное (P2P, person-to-person) взаимодействия. Постепенно традиционная «аналоговая» бюрократическая государственная машина перестаёт соответствовать вызовам времени. Из этого следует, что она в принципе может быть сокращена, заменена цифровым «аутсорсом», предоставляемым технологическими компаниями,

---

[463] Липчанская М. А., Балашова Т. Н. Цифровая трансформация в системе местного самоуправления Российской Федерации как фактор повышения доверия населения // Право: история и современность. 2023. Т. 7, № 3. С. 296–309.

[464] Солина Е. А. Электронная демократия как идеологическая база цифровизации государственного управления: противоречия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9, № 3. С. 274–282.

[465] Амелин Р. В., Липчанская М. А., Чаннов С. Е. Формы непосредственной демократии на муниципальном уровне в условиях цифровой трансформации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 52. С. 5–25.

[466] Бехман Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Логос, 2010. С. 44.

[467] Пивень П. В. Цифровое рабство или Электронный рай? // Век глобализации. 2018. № 1-2. С. 107–113.

[468] Самиев П. Три угрозы цифрового рабства // Ведомости. 2020. 26 ноября. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/11/26/848303-tri-ugrozi-tsifrovogo-rabstva (дата обращения: 15.01.2026).

вооружёнными цифровыми сервисами, алгоритмами и процедурами. Широкое внедрение цифровых технологий в публичную сферу – от оказания государственных услуг и электронного документооборота до дистанционного голосования и экспертизы законопроектов онлайн – представляет собой закономерный ответ на запрос общества. По мнению экспертов, эти инновации формируют основу для становления новой модели «электронной демократии», основанной на новой «сетевой структуре организации общества», отражая ключевые тенденции современного его этапа развития. [469] [470] [471]

Модель «кибердемократии» представляет собой синтез традиционных демократических институтов и передовых телекоммуникационных технологий. Она подразумевает, что ответственный выбор гражданин будет делать значительно чаще чем раз в год на выборах государственных органов в единый день голосования. Для этого создаются различные «цифровые площадки» принятия решений: цифровые платформы в рамках развития «умных городов», порталы государственных и муниципальных услуг, общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов, дистанционного электронного голосования.

Однако обратной стороной цифровизации является растущее неравенство в доступе к «цифровым благам», что определяется неравномерностью распространения широкополосного Интернета, оборудования и программного обеспечения между регионами мира, странами, социальными и возрастными группами населения. Общемировой уровень проникновения Интернета (или процент людей, которые имеют постоянный и надёжный доступ к Интернету) в настоящее время составляет 67,1%.[472] При этом в наиболее развитом в этом смысле

---

[469] Борисов И. Б. На пути к электронной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 3. С. 3–10.
[470] Федоров В. И. Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.
[471] Чумаков В. А., Ниточкин Ф. В. Дистанционное электронное голосование: между личным удобством и общественной безопасностью // XVII Международный форум «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности» : сборник материалов. М., 2023. С. 100–106.
[472] How Many Use The Internet in 2025 (Statistics) // Demandsage. URL: https://www.demandsage.com/internet-user-statistics/ (accessed: 15.01.2026).

регионе мира, Северной Америке, он составляет 97 % от всего населения, а в самом отсталом, Восточной Африке, лишь 27 %. Молодёжь в возрасте до 35 лет (30 % от мирового населения) составляет 55 % пользователей Интернета, а пожилое население старше 65 лет (10 % от мирового населения) составляет лишь 4 % пользователей. Цифровое неравенство усугубляется принципиальной возможностью «поражения в правах» граждан, не имеющих доступа к сети Интернет или не обладающих базовыми навыками пользования цифровыми технологиями. Такие «поражения» или ограничения прав возникают, когда те или иные привычные услуги оказываются или базовые права реализуются исключительно в цифровой форме. Ярким примером неизбирательного использования цифровых технологий является ограничение базового права на свободу перемещения в период антиковидных ограничений в 2020 году. Тогда, как известно, граждане в России и в мире столкнулись со сложностями в получении разрешения покидать место проживания, получая его преимущественно в электронном виде через порталы госуслуг. Также значительной угрозой фундаментальным правам и свободам является установление «цифрового диктата» со стороны наиболее преуспевших в развитии цифровых технологий стран и «капитанов» высокотехнологической цифровой индустрии. Крупнейшие технологические компании могут регулировать и ограничивать доступность своего программного обеспечения в странах мира, лишая по собственному усмотрению граждан этих стран доступа к привычным и критически важным сервисам, создавая предпосылки для «цифровой сегрегации» граждан.

В еще большей степени неравенство в доступе к цифровым технологиям сейчас возрастает в связи с развитием искусственного интеллекта (далее – ИИ). Под ИИ понимают методы и средства компьютерного решения интеллектуальных задач, традиционно выполнявшихся человеком.[473] Главное отличие ИИ от предшествовавших ему электронных вычислительных машин (ЭВМ) – в отсутствии заданного алгоритма решения задачи. Развитой генеративный ИИ

[473] Осипов Г. С., Величковский Б. М. Искусственный интеллект // Большая российская энциклопедия. 2004–2024. URL: https://old.bigenc.ru/mathematics/text/2022537 (дата обращения: 15.01.2026).

способен к рациональному поведению, приобретению новых знаний, диалогу с человеком-пользователем и эвристике в процессе поиска решений сложных интеллектуальных задач.

По своему влиянию на общественно-государственные отношения ИИ уже сравнивают с атомной бомбой. [474] Владелец или единственный пользователь этой прорывной цифровой технологии получает решающее преимущество в борьбе с конкурентами. А отстающий вынужден подчиняться новому «цифровому диктату». Влияние ИИ не ограничивается экономическими отношениями: интенсификацией производства, распределения и потребления. На социальные и политические отношения он воздействует не менее значительно, особенно в части производства и потребления информации – основы современного мироустройства.

Так, осознавая значение ИИ государства уже включились в своеобразную «гонку вооружений». Ведущие технологические компании США (Microsoft, Alphabet, Amazon и Meta) продолжают наращивать расходы на развитие ИИ. Ожидается, что эти расходы в США в 2025 году превысят 320 млрд долларов. Амбициозный американский проект StarGate предполагает вложение в ближайшие годы 500 млрд в создание ИИ-инфраструктуры. [475] Китайский план, получивший название «План действий по развитию индустрии ИИ», направленный на поддержку местных технологических гигантов, таких как Baidu, ByteDance, Alibaba, оценивается в 1 триллион юаней (около 138 млрд долларов). [476] В соревновании за лидерство в области ИИ Европейский союз мобилизует за счёт инвестиций частных инвесторов и промышленности в общей сложности 200 млрд евро (206,5 млрд долларов). [477] Запланированные до 2030 года Россией инвестиции на искусственный интеллект в рамках дорожной карты «Искусственный

[474] Почему искусственный интеллект может оказаться опаснее атомной бомбы // Российская газета. 2020. 3 марта. URL: https://rg.ru/2020/03/03/pochemu-iskusstvennyj-intellekt-mozhet-okazatsia-opasnee-atomnoj-bomby.html (дата обращения: 15.01.2026).
[475] Крупнейшие IT-компании потратят на ИИ более $320 млрд за год // Коммерсантъ. 2025. 7 февр. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7494932 (дата обращения: 15.01.2026).
[476] Китай решил вложить 138 млрд долларов в ИИ в ответ на проект из США StarGate // Взгляд : деловая газета. 2025. 27 янв. URL: https://vz.ru/news/2025/1/27/1311042.html (дата обращения: 15.01.2026).
[477] Евросоюз инвестирует в создание ИИ 200 млрд евро // Российская газета. 2025. 11 февр. URL: https://rg.ru/2025/02/11/evrosoiuz-investiruet-v-sozdanie-ii-200-mlrd-evro.html (дата обращения: 15.01.2026).

интеллект» за счёт федерального бюджета и внебюджетных источников (Сбербанк, РФПИ) в размере 145 млрд рублей (1,6 млрд долларов) не выглядят конкурентными.[478] Однако, как показывает появление инновационной и недорогой ИИ-модели R1 китайского стартапа DeepSeek, сопоставимой по возможностям с продуктами Google и OpenAI, но при этом значительно более дешёвой, дело не всегда исключительно в объеме инвестиций.

Современные тенденции использования цифровых технологий и ИИ в сфере государственного управления и публично-правовых отношений внимательно отслеживаются в России. На повестке дня цифровизации в России так же, как и за рубежом является создание «сильного» (т.е. способного адаптироваться к новым условиям и обучаться) и «доверенного» искусственного интеллекта (т.е. гарантированно обладающего свойствами надёжности, безопасности, эффективности, продуктивности, прозрачности, конфиденциальности, справедливости и этичности получаемых результатов). Применение искусственного интеллекта в России очевидно должно происходить с учётом традиционных для нашей страны духовно-нравственных ценностей, в том числе при обращении ИИ к проблемным вопросам истории и современности, связанным с базовыми ценностями гражданственности, патриотизма и основами национальной памяти. В 2022 году в кругах учёных, связанных с Администрацией Президента Российской Федерации, даже родилась оригинальная концепция отечественной цифровизации. Метафора, отражающая концепцию предпочтительного для России «образа будущего» (одного из вариантов нашего общего будущего): «Родина-мать с лазерным мечом». Данный концепт-метафора определяет «импортозамещённые» цифровые технологии как источник «гордости российского духа», а также основу «государства дружественного сервиса».[479] Эта концепция одновременно и патриотическая и модернистская или прогрессистская.

[478] Как в России потратят 145 млрд рублей на развитие технологий искусственного интеллекта // CNews. 2024. 9 февр. URL: https://www.cnews.ru/articles/2024-02-02_kak_v_rossii_potratyat_145_mlrd_rublej (дата обращения: 15.01.2026).

[479] Александр Харичев из администрации президента написал статью об образе будущего России // Коммерсантъ. 2022. 7 нояб. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5651860 (дата обращения: 15.01.2026).

Она противостоит идее автаркии России, её архаизации, возвращения в условный XVII век, но учитывает необходимость сохранения в процессе модернизации цивилизационно-культурного базиса, опирающегося на традиционные духовно-нравственные ценности и охраняемые государством свободы человека и гражданина. Регулирование искусственного интеллекта в России началось с принятия в 2019 году Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года.[480] Этот документ задал вектор на создание целостной системы правовых норм для этой области. Развитие ИИ согласно стратегии должно происходить через «регулятивные песочницы» — специальные правовые режимы, где в тестовом режиме выявляются риски и отрабатываются оптимальные модели будущего регулирования.

Граждане в повседневной жизни также всё активнее пользуются возможностями ИИ, создаваемыми технологическими компаниями. Инструменты, генерирующие из огромного массива данных тексты и фотоизображения, становятся крайне популярными среди разных представителей общества, используются в бизнесе, медицине, искусстве. Все шире поднимаются вопросы и дискуссии на тему новых угроз и перспектив широкого применения и доверия к ИИ. Так, например, в апреле 2023 года Всероссийский центр изучения общественного мнения представил данные социологического опроса об отношении россиян к нейросетям. Согласно указанным данным, 72% респондентов утверждают, что будущее за профессиями, связанными с ИИ, большими данными и нейросетями.[481] Таким образом государство и общество солидарны в том, что модернизация России в целом, и общественно-государственных отношений в частности, уже невозможна без учёта фактора стремительного развития цифровизации и ИИ.

В научной среде также установился определенный консенсус относительно важности и полезности цифровых технологий и одновременно опасности их

---

[480] Об утверждении Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[481] Данные социологического опроса об отношении россиян к нейросетям // ВЦИОМ. 2023. 5 апр. URL: https://wciom.ru/fileadmin/_processed_/8/0/csm_4977_3fda8a1c74.jpg (дата обращения: 15.01.2026).

применения. Т.Э. Гринберг подчеркивает: «Цели использования цифровых технологий должны быть легитимными, а практика их использования регулироваться законодательными и этическими нормами, учитывающими интересы всех участников политического процесса».[482] А.М. Зокина обращает внимание на то, что «большое значение приобрели социальные сети, которые позволили, во-первых, осуществлять прямую коммуникацию с электоратом, во-вторых, посредством сбора и анализа данных социально-демографических характеристик и поведения электората в Сети делать эту коммуникацию проблемно-адресной, усиливая эффективность воздействия».[483] М.В. Гундарин, П.А. Олешко считают, что «использование искусственного интеллекта в предвыборной кампании может помочь повысить эффективность и результативность кампании, но может также привести к дезинформированию общественности».[484]

Круг вопросов, на которые пытаются в целом дать ответ многочисленные обозреватели процессов цифровизации избирательной сферы, заключаются в том, станет ли человек в результате применения новых цифровых технологий более или менее свободен и уверен в своё выборе в наступающую эпоху «фейков» и цифровой «постправды», а также сохранят ли в целом государства и нации свой суверенитет или утратят его перед лицом «цифрового контроля» со стороны межгосударственных объединений, транснациональных корпораций и финансируемых ими неправительственных организаций.

Электоральная демократия как разновидность представительной демократии основывается на формировании выборных государственных органов посредством голосования избирателей.[485] Выборы как институт народовластия также нуждаются

---

[482] Гринберг Т. Э. Тенденции развития избирательных коммуникаций: электоральные исследования, стратегии, интернет-технологии // Российская школа связей с общественностью. 2019. № 14. С. 47–58.
[483] Зокина А. М. Особенности избирательной кампании в цифровую эпоху (на примере избирательной кампании кандидата в президенты США Дональда Трампа) // Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики : материалы V Всероссийского форума молодых политологов, Москва, 8 декабря 2018 г. / под общ. ред. И. А. Помигуева, Р. В. Савенкова. М. : Аспект Пресс, 2018. С. 94–95.
[484] Гундарин М. В., Олешко П. А. Использование искусственного интеллекта в предвыборных кампаниях // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2023. № 28. С. 57–66.
[485] Электоральная демократия: российский опыт / Под общ. ред. Б.С. Эбзеева. М.: РЦОИТ, 2017. С. 55.

в защите от негативного влияния цифровых технологий, попыток подменить публичную демократию непубличной технократией, в которой на место избранного народом лидера придёт незаметный, но всесильный системный администратор. Можно только приветствовать попытку ООН выработать общие подходы и правила, применительно к цифровизации социальной сферы, экономики, общественно-государственных отношений, включая выборные процессы. Так, «Дорожная карта» Генерального секретаря ООН по цифровому сотрудничеству[486] (далее – дорожная карта) подразумевает, что существующие угрозы, вызовы и дефициты цифрового развития могут быть преодолены при реализации определенного комплекса согласованных международным сообществом действий. Восемь ключевых направлений этого комплекса действий включают:

– обеспечение к 2030 году всеобщего подключения к Интернету, включая осмысленное использование услуг с цифровыми технологиями в соответствии с целями устойчивого развития. Преодоление «цифрового разрыва» в результате которого половина населения мира в настоящее время не имеет доступа к Интернету;

– создание и продвижение цифровых общественных благ, соответствующих базовым принципам общедоступности, среди которых программное обеспечение с открытым исходным кодом, открытые данные, открытые модели ИИ, открытые стандарты и открытый контент;

– обеспечение всеобщего охвата цифровыми технологиями, цифрового подключения для всех, включая наиболее уязвимые слои населения, сокращение, а не увеличение за счет новых цифровых технологий социального, культурного и экономического неравенства;

– наращивание цифрового потенциала отдельных государств, которое должно быть в большей степени основано на их потребностях и адаптировано к

[486] Дорожная карта по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству : доклад Генерального секретаря ООН на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, 29 мая 2020 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/74/821 (дата обращения: 15.01.2026).

национальным условиям;

– обеспечение защиты и приоритета прав человека в цифровую эпоху, включая защиту персональных данных, анонимности в сети Интернет, противодействие слежке, манипулятивным технологиям воздействия, мошенничеству и др.;

– обеспечение глобального (многостороннего) управления ИИ, соответствующего требованиям безопасности, устойчивости и свободы действий пользователей во всем мире, а также всеобщего доступа к его возможностям;

– продвижение доверия и безопасности в цифровой среде, обеспечивающих надежную защиту критически важных объектов социальной инфраструктуры и социальных функций государства, включая поддержку доступа к продовольствию, воде, жилью, энергии, здравоохранению и транспорту;

– построение более эффективной архитектуры по цифровому сотрудничеству, включая создание эффективной организации международного сотрудничества по управлению Интернетом.

В «Дорожной карте» Генерального секретаря ООН по цифровому сотрудничеству доминирует негативная оценка влияния цифровизации на избирательные процессы. В документе подчёркивается, что кибератаки и дезинформационные кампании против избирательной инфраструктуры подрывают легитимность институтов и политическое участие (п. 62), а Интернет и соцсети используются для распространения ложной информации и языка вражды (п. 47). Вместе с тем, в «Дорожной карте» не получили достаточного отражения позитивные аспекты цифрового перехода, открывающие новые возможности для совершенствования электоральных процедур.[487]

Недостаточно говорить об угрозах, которые несет процесс цифровизации, важно также трезво оценивать возможности, которые открывает цифровизация для демократии, в том числе такого общепризнанного источника демократии, которым являются свободные, честные, конкурентные выборы. Общественный контроль за

[487] Так же.

применением информационно-коммуникационных технологий на выборах и, в частности, общественное наблюдение за дистанционным электронным голосованием, по мнению ряда исследователей, выступает «инструментом легитимации властных структур, расширяет партисипативное измерение политической жизни социума, содействует самоорганизации гражданского общества на основе использования ИКТ».[488] С этой точки зрения внедрение дистанционного электронного голосования, обеспеченного полноценным гражданским контролем, в практику проведения выборов и референдумов является важным и закономерным этапом развития электоральной демократии.

Цифровые технологии, используемые в избирательном процессе в мире целесообразно разделить на три группы: технические средства подсчета голосов избирателей, технологии дистанционного электронного голосования и технологии ИИ. Первые две группы технологий уже активно применяются в России. Последними изменениями в федеральное законодательство в России также разделяется электронное голосование – голосование на избирательном участке без использования бумажного бюллетеня (с использованием комплекса для электронного голосования), и дистанционное электронное голосование (ДЭГ) — голосование также без использования бумажного бюллетеня, но не на участке, а на специальном портале, доступ к которому предоставляется на техническом устройстве избирателя, подключённом к телекоммуникационной сети Интернет.

Основные регламенты организации голосования на участках, подсчёта голосов, предвыборной агитации были установлены 30 и более лет назад и касались бумажного голосования, традиционных средств массовой информации, привычных форм агитации и политической конкуренции. Однако избирательный процесс и общественные отношения с ним связанные, стремительно трансформируются под влиянием цифровизации, что требует внесения значительных изменений в федеральное и региональное законодательство, документы избирательных комиссий. Например, дистанционное электронное голосование как форма

[488] Наблюдение за дистанционным электронным голосованием в государствах — участниках МПА СНГ / С. Л. Ткаченко, Р. А. Амбурцев. СПб. : Секретариат Совета МПА СНГ, 2024. С. 17.

волеизъявления граждан, впервые проведенное в качестве эксперимента[489] [490] в период пандемии COVID-19 в 2020 году в Москве, уже в 2022 году получило закрепление в региональном и федеральном законодательстве.[491] На выборах Президента Российской Федерации в 2024 году голосование в форме ДЭГ применялось в 29 субъектах Российской Федерации (в 28 регионах на основе федеральной информационной системы «Госуслуги», которая насчитывает 127 млн пользователей, а в Москве, на базе официального портала Мэра и Правительства Москвы (www.mos.ru), который объединяет 16 млн москвичей).

В мировой электоральной практике наблюдается разнообразие подходов к внедрению цифровых технологий голосования. По информации на 2022 год в 14 государствах, включая Австралию, Канаду, США, Эстонию и Японию, в той или иной форме применяется интернет-голосование, часто в экспериментальном порядке или для отдельных категорий избирателей, таких как граждане за рубежом. Более 40 стран более проводят эксперименты по внедрению электронного голосования в выборную практику.[492] При этом Эстония является пионером, сделавшим дистанционное электронное голосование постоянной практикой на национальных и муниципальных выборах. Однако некоторые страны, такие как Великобритания, Нидерланды и Германия, отказались от подобных технологий или приостановили их использование из-за соображений безопасности, прозрачности и необходимости общественного доверия.[493]

Параллельно широкое распространение получает электронное голосование с использованием технических средств подсчёта голосов на избирательных участках.

---

[489] О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве : федеральный закон от 23.05.2020 № 152-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.07.2025). Ст. 5.

[490] Об обращении в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации : решение Московской городской избирательной комиссии от 02.07.2021 № 153/5 // Официальный сайт Московской городской избирательной комиссии. URL: https://www.moscow-city.gov.ru (дата обращения: 15.01.2026). П. 1.

[491] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253. Ст. 64.1.

[492] Федоров В. И. Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

[493] Лопатин А. И. Цифровизация избирательных действий и процедур в России: вопросы права // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 43—55.

Эта практика применяется на выборах различного уровня во многих странах, включая Бразилию, Индию, Францию, США и страны ОБСЕ. В одних государствах, таких как Бразилия, такие устройства используются повсеместно, в других, как в Бельгии или Австралии, их применение носит региональный характер или предоставляет избирателю выбор между электронным и бумажным бюллетенем. Можно выделить несколько основных типов применяемых технических средств. Первый вид — это комплексы электронного голосования (сенсорные терминалы), которые могут дополняться бумажными лентами для подтверждения волеизъявления. Они используются, например, в Бельгии, Бразилии, Индии и Франции. Второй тип — сканеры для обработки заполненных бумажных бюллетеней, которые применяются в Ираке, Монголии, на Филиппинах и в некоторых штатах США.[494]

На территории стран Содружества Независимых Государств наблюдается активное внедрение цифровых решений в административные процессы, связанные с организацией выборов. Электронное голосование применяется в Азербайджанской Республике, Республике Казахстан, Кыргызской Республике. В Республике Армения дистанционное электронное голосование предусмотрено Избирательным кодексом исключительно для дипломатических работников, военнослужащих и сотрудников представительств юридических лиц, пребывающих в период выборов за рубежом. В Республике Беларусь электронное голосование пока не используется. Эксперты в области избирательных систем СНГ И.И. Мушкет и Р.А. Амбурцев указывают, что цифровизация электоральных процедур способствует решению ряда практических задач: упрощает голосование в удалённых и труднодоступных местностях, оптимизирует временные затраты граждан, позволяет оперативно формировать предварительные результаты, позитивно влияет на общую явку и вовлекает в процесс граждан, проживающих за

[494] Электронное голосование избирателей на выборах и референдумах: зарубежный опыт / В. И. Лысенко. М. : Российский фонд свободных выборов, 2022. 4 февр. URL: https://rfsv.ru/education/informirovanie/elektronnoe-golosovanie-izbiratelei-na-vyborakh-i-referendumakh-zarubezhnyi-opyt (дата обращения: 15.01.2026).

пределами страны.[495]

По информации заместителя Председателя ЦИК России Н.И. Булаева и заместителя Главного конструктора ГАС «Выборы» Ю.К. Сатирова «список стран, которые имели опыт применения дистанционного электронного голосования, но отказались от него, включает Австралию, Германию, Ирландию, Норвегию, Финляндию. Основные причины отказа от онлайн-голосования — дорогие программные продукты и сопровождение систем голосования, проблема обеспечения тайны голосования, отсутствие доверия к итогам выборов и сложности с наблюдением за процедурой голосования».[496]

Таким образом, мировой опыт демонстрирует сложный и неоднозначный процесс цифровизации выборов. В то время как интернет-голосование развивается избирательно и сталкивается с серьёзными вызовами в области кибербезопасности и верифицируемости, использование электронных устройств для голосования на избирательных участках получило более широкое распространение. Ключевыми факторами успешного внедрения любых электронных технологий остаются обеспечение прозрачности, надёжности процесса и сохранение доверия граждан к избирательной системе.

В последние годы появляется значительное число критических публикаций, посвящённых регулированию правовых, организационных и технических аспектов ДЭГ в России.[497] [498] [499] [500] Так, суммируя возможные «страхи» вокруг ДЭГ,[501]

---

[495] Национальные модели политического процесса как основа многополярного мира: конституционные и политологические аспекты : монография / отв. ред. А. В. Шапошников ; науч. ред. и рук. авт. кол. В. В. Комарова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. С. 394.

[496] Булаев Н. И., Сатиров Ю. К. Дистанционное электронное голосование: международный опыт и опыт России. Организация и общественный контроль // Наблюдательные миссии Общественной палаты Российской Федерации на выборах за рубежом в 2024 году. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2025. С. 11.

[497] Овчинников В. А., Антонов Я. В. Правовая структура электронного голосования в системе электронной демократии // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 5–8.

[498] Гонтарь С. Г. Электронное голосование — новая возможность участия граждан в формировании органов власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 4. С. 29–33.

[499] Котикова Д. В. Правовое регулирование дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы: проблемы, их решение и перспективы совершенствования // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 5. С. 22–28.

[500] Колюшин Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25–30.

[501] Головин А. Г. О некоторых аспектах концепции делегирования власти народом в контексте развития технологий дистанционного электронного голосования // Избирательное законодательство и практика.

исследователи выделяют следующие блоки аргументов против его внедрения.

1. Нарушение принципа всеобщности избирательного права и усиление социального неравенства в результате ограничения доступа к голосованию для отдельных категорий граждан по возрастным или техническим причинам.[502] В частности, указывается, что на выборах в Мосгордуму в 2024 году новые формы голосования: дистанционное электронное голосование и голосование с помощью комплексов электронного голосования фактически заменило традиционное голосование. Однако применение ДЭГ позволяет вовлечь в избирательный процесс граждан, прежде не участвовавших в выборах из-за занятости или из-за издержек, связанных с необходимостью добираться до избирательных участков. Увеличение периода в течение которого проводится голосование, позволяет им выбрать наиболее удобное для голосования время. Иностранные исследователи также отмечают, что электронное голосование положительно влияет на явку, так как у избирателя гораздо быстрее формируется привычка электронного голосования, нежели традиционного. [503] [504] Распространение ДЭГ наряду с системой «мобильный избиратель» и формированием в 2025 году экстерриториальных избирательных участков, позволило преодолеть негативную практику прикрепления избирателей к тем участкам, к которым они относятся по месту жительства, получившую у критиков российской избирательной системы в прошлые избирательные кампании название «электорального крепостного права». Расширение участия граждан в голосовании через электронные форматы, вопреки аргументам оппонентов дистанционного электронного голосования (ДЭГ), согласуется с конституционным принципом равенства избирательных прав.[505] Нельзя не согласиться с позицией профессора М.В. Варлен, что «Избирательная процедура, имея целью легитимное

2021. № 2. С. 3-13.

[502] Колюшин Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25–30.

[503] Goodman N., Stokes, C. Leah. Reducing the Cost of Voting: An Evaluation of Internet Voting’from Effect on Turnout // British Journal of Political Science. 2020. №3(50). P. 1155-1167.

[504] Solvak M., Vassil K. Could Internet Voting Halt Declining Electoral Turnout? New Evidence That EVoting Is Habit Forming // Policy & Internet. 2018. № 1. S. 4-21.

[505] Брод А. С., Булгакова А. В. Развитие института общественного наблюдения в условиях цифровизации избирательного процесса : доклад // Ассоциация «Независимый общественный мониторинг». 2023. URL: https://nom24.ru/dok_lists/ (дата обращения: 15.01.2026).

формирование органов публичной власти, пользующихся доверием граждан, изменяется в том числе в парадигме обеспечения участия в выборах максимального числа избирателей».[506]

2. Нарушение тайны голосования вследствие технической возможности идентификации волеизъявления конкретных граждан представляет собой серьёзную угрозу демократическим принципам. Однако технология дистанционного электронного голосования (ДЭГ) организована таким образом, что информация о бюллетене не сохраняется ни на устройстве, используемом избирателем, ни на сервере администратора. Каждый голос подвергается многократным процедурам шифрования, что делает невозможным определение личности проголосовавшего.

Аргументы критиков дистанционного электронного голосования теряют свою силу, если принять во внимание современные криптографические протоколы, применяемые в федеральной системе ДЭГ. Данные методы гарантируют двустороннюю защиту: они обеспечивают не только полную сохранность тайны волеизъявления, но и позволяют провести независимую проверку итогов голосования.[507] Тайна голосования достигается за счёт фактической невозможности идентификации избирателя по заполненному бюллетеню[508]. Цель организаторов дистанционного электронного голосования (ДЭГ) заключается в обеспечении неизменности и защищенности результатов голосования на протяжении всего избирательного процесса, до момента их расшифровки избирательной комиссией с использованием ключа-дешифратора. Ключевым аспектом обеспечения тайны голосования является процедура разделения ключа-дешифратора, который сразу после генерации делится на несколько сегментов. Эти сегменты передаются представителям политических партий, кандидатов и

---

[506] Национальные модели политического процесса как основа многополярного мира: конституционные и политологические аспекты : монография / отв. ред. А. В. Шапошников ; науч. ред. и рук. авт. кол. В. В. Комарова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. С. 293.

[507] Артамонов О. Н. Бюллетень с защитой от начальника // Коммерсантъ. 2025. 2 сент. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8008016 (дата обращения: 15.01.2026).

[508] Матренина К. Ю. Принцип тайного голосования при использовании современных информационных технологий // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 3. С. 206.

общественных организаций, что исключает возможность несанкционированного доступа к исходным данным.

3. Нарушение принципа гласности (прозрачности) в избирательном процессе. Ряд исследователей отмечают, что при использовании дистанционного электронного голосования (ДЭГ) возникают сложности с обеспечением прозрачности и открытости выборов.[509] Конечно профессиональное наблюдение за ДЭГ требует от наблюдателей специальной подготовки, наличия у них профильного инженерно-технического образования, а также компетенций в сфере электоральной юриспруденции. В настоящее время перечень таких навыков ещё не сформирован. Однако работа в этом направлении уже ведётся, а пул электоральных экспертов, осуществляющих техническое наблюдение на площадке Общественной палаты Российской Федерации за процедурами ДЭГ постоянно пополняется новыми специалистами из числа делегированных российскими политическими партиями и научными организациями. Для повышения гласности ДЭГ специалисты предлагают предоставить штабам партий, участвующих в выборах, доступ к ноде блокчейна ПТК ДЭГ. Также предлагается реализовать инструмент предварительной проверки уникальных данных избирателей из электронного списка (например, по номеру паспорта и/или СНИЛС), а также процедуру проверки статуса выдачи бюллетеня через независимый или официальный государственный сервис.

4. Киберугрозы, такие как DDoS-атаки и внедрение вредоносных программ, создают серьёзные риски для системы ДЭГ. Эти уязвимости напрямую угрожают принципу достоверности волеизъявления граждан, открывая возможности для целенаправленных манипуляций избирательным процессом. Для их нейтрализации применяется многоуровневая система защиты, сочетающая технические, организационные и криптографические меры.

5. Отсутствие достаточных правовых гарантий, обеспечивающих

[509] Садекова Г. У., Токарева Е. А. Перспективы развития электронного голосования: совершенствование законодательства в условиях сближения международного и внутригосударственного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 4. С. 28–32.

объективное наблюдение за ДЭГ. В этой связи исследователи предлагают законодательно закрепить понятие «наблюдатель за дистанционным электронным голосованием», предоставив таким наблюдателям возможность наблюдения с помощью специального программного обеспечения на портале наблюдения программно-технического комплекса дистанционного электронного голосования (ПТК ДЭГ).[510] [511]При этом такое наблюдение несмотря на отсутствие специальной дефиниции в законодательстве уже реализуется Общественной палатой Российской Федерации, а наблюдатели за ДЭГ назначаются с использованием функционала портала ПТК ДЭГ.

Однако, несмотря на форсированное развитие технологий дистанционного электронного голосования «в обозримом будущем в Российской Федерации не идет речи о полной замене традиционной процедуры проведения выборов электронной, а лишь о ее дополнении современными информационными технологиями».[512]

Одной из ключевых задач, решаемых российским гражданским обществом совместно с государством, является обеспечение открытости, прозрачности и законности применения цифровых технологий в избирательном процессе. Особую актуальность этот вопрос приобретает в контексте дистанционного электронного голосования (ДЭГ), где необходимо совместить два принципа: сохранение тайны волеизъявления и обеспечение контролируемости подсчёта голосов. Для разрешения этой дилеммы перед выборами 2023 года был разработан специальный стандарт общественного наблюдения за ДЭГ.[513] Этот стандарт представляет собой детализированный чек-лист, содержащий более 60 пунктов, которые охватывают все ключевые аспекты наблюдения и адаптированы под технические и

---

[510] Дубровина Ю. Я. Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан в условиях применения современных избирательных технологий в России : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С. 16.

[511] Ржановский В. А. Правовое регулирование и система дистанционного электронного голосования в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 10.

[512] Виноградова И. М. Технология дистанционного электронного голосования в России: опыт реализации и дальнейшие перспективы / И. М. Виноградова (Институт философии и права УрО РАН) // PolitBook. 2024. № 2. С. 51–76.

[513] Стандарт общественного наблюдения за дистанционным электронным голосованием // Общественная палата Российской Федерации. 2023. URL: https://oprf.ru/structure_list/167#nav_documents (дата обращения: 15.01.2026).

организационные особенности федеральной системы ДЭГ.

Важнейшим инструментом контроля в рамках данного стандарта является технология «цифрового сейф-пакета», разработанная Общественной палатой Российской Федерации в 2021 году. Данная система выполняет автоматическую фиксацию всех операций в блокчейне ДЭГ в реальном времени с последующей сверкой с финальным состоянием системы после публикации результатов. Это гарантирует неизменность данных, исключая возможность несанкционированного изменения, добавления или удаления информации в промежутке между завершением голосования и подведением итогов.

Кроме того, стандарт предусматривает возможность для избирателя самостоятельно проверить свой бюллетень. Наблюдатели обязаны удостовериться в работоспособности этой функции и, при получении данных о транзакции приёма бюллетеня, проверить её успешный статус. Это служит подтверждением того, что бюллетень корректно сохранён в блокчейне, а его цифровая подпись не была нарушена. Проверка может быть проведена как во время голосования, так и после его окончания через функцию «наблюдение» на портале программно-технического комплекса дистанционного электронного голосования (ПТК ДЭГ) stat.vybory.gov.ru. Внедрённый стандарт общественного наблюдения за ДЭГ обеспечивает необходимый баланс между прозрачностью и контролируемостью голосования, сводя к минимуму риски нарушения тайны волеизъявления и обеспечивая достоверность итогов выборов. Таким образом, по выражению исследователя В.А. Лукушина, в России создано три «базовых контура», обеспечивающих легитимацию ДЭГ: нормативный, инфраструктурный и коммуникативный.[514] Последний представлен ИТ-специалистами, СМИ, экспертами, теоретически и практически разрабатывающих и продвигающих современные цифровые технологии в избирательном процессе, а также занимающиеся правовым просвещением избирателей.

[514] Лукушин В. А. Современные практики легитимации дистанционного электронного голосования в контексте обеспечения электорального суверенитета Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15, № 1. С. 34–42.

Еще выдающийся английский мыслитель XIX века Дж. Ст. Милль утверждал: «Вполне достаточно, если избиратель проверит судьбу собственного бюллетеня»[515]. В случае голосования с помощью ДЭГ у избирателей действительно впервые появляется такая дополнительная гарантия защиты их избирательных прав, которой не было у голосующих с помощью бумажного бюллетеня. В целом можно утверждать, что дистанционное электронное голосование в России состоялось. Как наиболее инновационный вид голосования ДЭГ использует широкий спектр цифровых технологий, включая биометрические данные, облачные технологии и блокчейн.[516] Их использование возможно также и для решения других задач, стоящих перед отечественной избирательной системой, таких как составление и обновление списков избирателей с использованием порталов государственных услуг, сбор в электронном виде голосов избирателей в поддержку политических партий и кандидатов, предвыборная агитация и взаимодействие с избирателями, наконец, составление цифрового портрета «идеального кандидата» на выборную должность на основе генеративных моделей искусственного интеллекта.

Цифровизация избирательных процедур в России выявляет следующую закономерность: чем более уверенным пользователем информационно-коммуникационных технологий является избиратель, тем больше он доверяет различным цифровым инструментам, применяемым в рамках избирательного процесса. К последним относятся комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), ГАС «Выборы», система дистанционного электронного голосования (ДЭГ) и общественного контроля за ним, «Мобильный избиратель», система видеонаблюдения, QR-кодирование, информационно-справочный центр, автоматическая проверка подписных листов (СПТК-ПЛ) и др. [517] Опыт наблюдения за проведением ДЭГ в 2021-2025 годах позволяет с уверенностью сказать, что

---

[515] Милль Д. С. Рассуждения о представительном правлении / пер. с англ. Челябинск : Социум, 2006. С. 158.

[516] Ерохина О. В. Технологии электронного голосования в России // Вестник университета (Государственный университет управления). 2019. № 11. С. 5–11.

[517] Памфилова Э. А. Биография Центральной избирательной комиссии Российской Федерации: промежуточные итоги // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 4 (30). С. 11–18.

общественное наблюдение стимулирует внимание и интерес, а также рождает доверие к новым информационным технологиям, применяемым в ходе дистанционного электронного голосования.

Другим последствием перехода различных стадий избирательной кампании (от предвыборной агитации и до дистанционного электронного голосования) в Интернет является также очевидная необходимость перевода политическими лидерами своей активности в виртуальное пространство. Наличие у кандидата доступного для пользователей электронного портфолио, содержащего его биографию и политическую программу, умение вести социальные сети, оперативно реагировать на различные информационные поводы, организовать онлайн-общение с избирателями, а также требование «чистого цифрового следа» постепенно становятся ключевыми условиями политического успеха. Все чаще политические партии и кандидаты на выборные должности, а также политтехнологи, ведущие избирательные кампании, пользуются возможностями ИИ. Не обходит стороной цифровизация и профессию специалиста в области избирательного права и процесса, а также более практико-ориентированную его разновидность – политтехнолога.

Ключевые принципы современной демократии, включая свободу политического выбора, избирательные права и участие граждан в управлении государством, сталкиваются с новыми вызовами на фоне стремительной цифровизации и развития искусственного интеллекта. В консенсус-прогнозе Экспертного института социальных исследований «Искусственный интеллект политики для будущего» высказывается предостережение, что внедрение ИИ может привести к «гораздо более серьезным нарушениям прав человека на личную жизнь [и] суверенитета государств», создавая условия, к которым мир не готов.[518] Аналитики издания The Economist в статье «Насколько вам следует беспокоиться о том, что ИИ может помешать выборам?»[519] также выделяют ключевые угрозы:

[518] Консенсус-прогноз «Искусственный интеллект: политики для будущего» // Экспертный институт социальных исследований. URL: https://eisr.ru/upload/iblock/0ee/ovvf1cvfmt50s0hekc53ws2ujqxbbu8p.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

[519] How worried should you be about AI disrupting elections? // The Economist. 2023. August 31. URL:

распространение дезинформации (включая «дипфейки») и использование микротаргетинга для персонализированной пропаганды. Среди перспективных возможностей использования ИИ в будущем – цифровые «аватары» (реалистичные цифровые копии и чат-боты) кандидатов. Такие цифровые «аватары», созданные в рамках проекта Chat2024, вели дебаты в рамках кампании по выборам президента США в 2024 году.

Показательной для понимания угроз, которые технологии искусственного интеллекта несут электоральной демократии, является дискуссия, состоявшаяся в январе 2024 года на Всемирном экономическом форуме между его основателем и председателем Клаусом Швабом и соучредителем Google Сергеем Брином. В ходе беседы Шваб высказал предположение о возможном исчезновении выборов как института в связи с развитием ИИ. По его словам, следующим шагом после аналитической и прогностической мощи технологий станет «переход в предписывающий режим, а это значит, что вам больше не нужно проводить выборы, потому что вы уже можете их прогнозировать».[520]

Данное заявление можно расценить как отражение позиции части транснациональных элит, для которых свободные выборы являются препятствием на пути к глобальному доминированию. В этом контексте избирательный процесс, будучи ключевым элементом и источником национального суверенитета, становится мишенью для целенаправленных усилий по его делегитимации и подрыву.

Негативное влияние цифровых технологий на электоральный суверенитет впервые широко было продемонстрировано миру в 2011 году в период «арабской весны» и её разновидности в Египте – «твиттерной революции». Тогда на призывы в Facebook и Twitter выйти на протест против режима Хосни Мубарака, правившего страной почти 30 лет, откликнулось более 90 тысяч пользователей. Манипулирование протестами из соцсетей закончилось свержением власти в

---

https://www.economist.com/leaders/2023/08/31/how-artificial-intelligence-will-affect-the-elections-of-2024 (accessed: 15.01.2026).

[520] Андрей Фурсов: операция «Великий отъем» начинается // Бизнес Online. 2024. 17 апр. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/630168 (дата обращения: 15.01.2026).

Египте. С 2011 года арсенал цифровых технологий по борьбе с неугодными Западу режимами только расширился. К ним можно отнести финансируемые из-за рубежа электронные СМИ и НКО, работающие на постоянной основе и по определённым алгоритмам дезинформации мошенники, а также имитирующие поведение пользователей и выполняющие автоматические заранее настроенные повторяющиеся задачи программы или «боты». Все они нацелены на распространение недостоверной или просто ложной информации или «фейков» о выборах, делигитимацию избирательного процесса, власти, отдельных политических фигур, а в последнее время и на непосредственное манипулятивное воздействие на граждан, принуждение их к общественно-опасным действиям: поджогам и сообщениям о минировании избирательных участков, порче избирательных документов, ящиков для голосования и другим противоправным действиям.

Угрозой легитимности избирательного процесса является использование сетевых и цифровых возможностей для консолидации оппозиции и критически настроенных электоральных групп для борьбы за власть. Таким политическим проектом являлось «умное голосование» российского оппозиционера А. Навального[521], нацеленное на создание механизма электорального противодействия кандидатам от партии «Единая Россия» (особенно этот прием себя ярко проявил во время выборов в Московскую городскую думу 8 сентября 2019 г.). Как правило, инициаторы таких электоральных проектов призывают голосовать критично настроенных по отношению к власти избирателей за наиболее сильного из оппозиционных кандидатов.[522]

Другой угрозой легитимности выборов является использование инструментов краудфандинга информации о возможных нарушениях избирательного законодательства на выборах, организованного на цифровой

[521] Включен в перечень физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.
[522] Федорченко С. Н. Новые технологии работы с электоратом: цифровизация демократии и проблемы политической легитимации // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 3 (17). С. 62–74.

платформе (например, карта нарушений Ассоциации «Голос»).[523] Особенностями такой деятельности является презумпция виновности власти, отсутствие премодерации, верификации и подтверждения поступающих свидетельств о нарушениях, ответственности за клевету в условиях анонимности в сети Интернет. В итоге создавая видимость большого количества нарушений краудфандинговые платформы в подавляющем числе случаев распространяют информацию, которая не может быть подтверждена, не является свидетельством о нарушениях избирательного законодательства или является ложной («фейком»).

Расширение возможностей ИИ по созданию так называемых «дипфейков» (DeepFake), то есть изображений или видео, в основах генерации которых используют технологии ИИ, открывает новую главу в истории современной электоральной демократии. Специалисты в области ИИ, учитывая его широкое использование для генерирования фальшивых изображений или голосов политиков в избирательных кампаниях последних лет, уже смело говорят о «дипфейковой демократии»[524] (от англ. deepfake от deep learning «глубинное обучение» + fake «подделка»). Эта методика синтеза изображения или голоса, основанная на ИИ, уже существенно влияет на политические предпочтения населения, используется в политической борьбе на выборах, влияет на свободу и независимость волеизъявления.

В этих условиях многие требования законодательства, нацеленные на защиту избирательных прав граждан, оказываются устаревшими. Так в 2019 году Роскомнадзор зафиксировал распространение на интернет-площадках YouTube, Facebook и Google российской политической рекламы в «день тишины». Регулятор расценил действия иностранных интернет-платформ как «вмешательство в суверенные дела России и воспрепятствование проведению демократических выборов». Однако все требования исключить подобный контент «остались без внимания». Facebook отказался удалять противоправные материалы, указав, что

---

[523] Признана иностранным агентом на территории Российской Федерации.

[524] Łabuz M., Nehring C. On the way to deep fake democracy? Deep fakes in election campaigns in 2023 // European Political Science. 2024. URL: https://doi.org/10.1057/s41304-024-00482-9 (дата обращения: 15.01.2026).

ответственность за нарушение избирательного законодательства несут сами пользователи и рекламодатели. Дальнейшие попытки «приземления» иностранных интернет-платформ и социальных сетей как известно, не привели к требуемому результату, что и привело к запрещению их деятельности на территории Российской Федерации.

2024 год ознаменовался беспрецедентной электоральной активностью в мировом масштабе. Голосования прошли в 64 государствах, расположенных на всех континентах: в Европе (19), Африке (18), Азии (16), Америке (7) и Океании (4). В их число вошли президентские выборы в ключевых демократиях, таких как Россия, Индонезия, Мексика и США, а также выборы в Европейский парламент. Согласно экспертным оценкам, в избирательный процесс было вовлечено более 2 миллиардов человек, представляющих половину населения планеты, что составило около 4 миллиардов жителей охваченных выборами стран.[525] Большинство выборов, состоявшихся в 2024 году, уже предполагало использование современных информационно-коммуникационных, цифровых технологий и технологий ИИ.[526] Применение ИИ уже не ограничивается предвыборной агитацией, выявлением недоброжелательного контента, подсчёта голосов. Генеративный ИИ используется в анализе предпочтений избирателей и создании цифровых образов («аватаров») кандидатов. По данным члена ЦИК России П.В. Андреева «лишь четверть сгенерированного на этих выборах контента была очевидно произведена кандидатами и политическими партиями, участвующими в кампании. В то время как почти половина (46 %), была создана без возможности проследить происхождение, а 20 % произведено за пределами страны, в которой происходили выборы».[527]

Например, «фейковое» видео умершего ещё в 2008 году бывшего президента Индонезии Сухарто с призывом к избирателям отдать голос за крупнейшую в

---

[525] Ниточкин Ф. В. Фейки о выборах как угроза национальной безопасности // Бюллетень II Международной молодежной конференции о информационной безопасности : сборник тезисов / отв. ред. А. Ж. Мартиросян, Р. Н. Шангараев ; Дипломатическая академия МИД России. М., 2025. С. 172–178.
[526] Андреев П. В. Искусственный интеллект и выборы в мире: как урегулировать «новую нормальность» избирательного процесса? // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 4. С. 6.
[527] Там же. С. 7.

Индонезии партию «Голкар» в 2024 году посмотрели почти 5 млн пользователей. [528] Столько же просмотров в социальных сетях набрали в 2023 году «фейковые» фотографии ареста на тот момент бывшего президента США Дональда Трампа. [529]

Использование технологий искусственного интеллекта для политического прогнозирования, воздействия на общественное мнение и манипулирования им прочно вошло в мировую практику. Яркой иллюстрацией стали попытки нейросетей ChatGPT и Perplexity спрогнозировать исход президентских выборов в США в октябре 2024 года. Модели анализировали популярность кандидатов в различных электоральных группах, ключевые темы кампании и расклад сил в «колеблющихся» штатах. Показательно, что результат оказался ошибочным: нейросети предсказали победу Камалы Харрис.[530]

Неточности прогнозов обусловлены спецификой больших языковых моделей (БЯМ), лежащих в основе современных ИИ-систем. Несмотря на их мощь в автоматизированной обработке текстовых данных, переводе, анализе тональности и генерации контента, применение этих инструментов в электоральной сфере выявляет существенные риски, требующие осмысления и контроля.

Ключевой проблемой является внутренняя предвзятость генерируемых ими данных. Поскольку алгоритмы обучаются на обширных массивах информации из открытых источников, они неизбежно перенимают содержащиеся в них скрытые социальные, культурные и политические стереотипы. Это может проявляться в дискриминационных высказываниях, укреплении существующих стереотипов или тиражировании дезинформации, что ставит под сомнение объективность полученных с их помощью прогнозов и аналитики. В этой связи исследователи полагают целесообразным «расширение правовых возможностей общественного контроля в сферах, потенциально подверженных последствиям дискриминационного машинного обучения, а также применение правовых мер,

---

[528] Дипфейки стали политтехнологией // Коммерсантъ. 2024. 25 февр. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6531946 (дата обращения: 15.01.2026).

[529] "Ужасающе реалистичные": в президентской гонке в США участвуют дипфейки // ТАСС. 2023. 14 авг. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18505371 (дата обращения: 15.01.2026).

[530] Лучшие и популярные нейросети определили следующего президента США // Газета.Ru. 2024. 31 окт. URL: https://www.gazeta.ru/tech/News/2024/10/31/24278767.shtml (дата обращения: 15.01.2026).

направленные на обеспечение обратной связи граждан с разработчиками систем искусственного интеллекта».[531]

Кроме того, языковые модели могут искажать факты, представляя информацию в определенном свете, который может не соответствовать объективной реальности. Это особенно актуально в контексте новостных агрегаторов и других источников информации, где предвзятость или избирательность модели может влиять на восприятие событий и формировать общественное мнение.

Возможностями проводить тщательный анализ и валидацию языковых моделей, а также разрабатывать методы и инструменты для выявления и устранения предвзятостей обладают только их создатели. В частности, они определяют возможности использования разнообразных источников данных для обучения моделей, разработку алгоритмов для выявления и коррекции предвзятостей, а также внедрение этических норм и стандартов в процесс разработки и использования языковых моделей. Например, дискредитационные языковые модели, сознательно применяемые в отношении ряда стран, политических партий и кандидатов очевидно негативно влияют на избирателей. С другой стороны, использование невалидных языковых моделей приводит к недооценке существенных обстоятельств, влияющих на предпочтения избирателей, и к ошибкам, как это было в политических прогнозах, которые делали нейросети на выборах президента США в 2024 году.

В России наблюдается активное внедрение технологий искусственного интеллекта в электоральные процессы, причем политические партии занимают в этом процессе передовые позиции.

На законодательном уровне одной из первых инициатив стал законопроект, внесенный Либерально-демократической партией (ЛДПР) в октябре 2023 года. Он предлагал разрешить использование в агитации изображений и синтезированной

---

[531] Волков В. Э. Правовое признание технологий искусственного интеллекта в контексте конституционных ценностей российского государства // Юридические исследования. 2023. № 3. С. 51-61.

речи, созданных ИИ, без письменного согласия физических лиц, обязав лишь информировать избирателей о применении таких технологий. Целью инициативы было объявлено снижение расходов партий на предвыборную кампанию. Примером такого использования ИИ стала нейросеть «Жириновский», интегрирующая текстовые, речевые данные и видеоряд основателя партии.[532] Однако Правительственная комиссия по законопроектной деятельности не поддержала данный подход, указав, что он противоречит правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации о недопустимости формирования искаженного представления о кандидате и принципу неприкосновенности частной жизни.[533] Позднее Верховный Суд Российской Федерации поставил точку в этом вопросе, запретив использование в агитации изображений умерших лиц, в том числе созданных с помощью компьютерных технологий.[534]

В свою очередь, «Единая Россия» с 2023 года использует ИИ для прогнозной аналитики, генерации контента, моделирования реакции избирателей и систематизации материалов. При этом функционеры «Единой России» отмечают и риски, связанные с применением этой технологии «оппонентами России». По их мнению, противник может использовать ИИ для создания «альтернативных сценариев будущего», удовлетворяя запрос общества на быструю информацию с высокой степенью правдоподобия, что способно породить эффект «галлюцинации реальности» или «альтернативной информационной завесы».[535]

Применение искусственного интеллекта в предвыборной агитации представляет собой сложный и многогранный процесс, оказывающий комплексное

---

[532] Политический Алгоритм ИИ «Жириновский» : официальный Telegram-канал ЛДПР. URL: https://t.me/zhirinovsky_II (дата обращения: 15.01.2026).

[533] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляскина Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав частью 9.1 статьи 62 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 № 1226-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2017. № 5.

[534] Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 8.

[535] Единороссы решили использовать на выборах искусственный интеллект // РБК. 2023. 24 апр. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/04/2023/6442b5009a7947672f42b743 (дата обращения: 15.03.2025).

влияние на избирательный процесс. Его воздействие можно проанализировать через систему взаимосвязанных аспектов.

1. Экономическая эффективность и доступность. ИИ способен значительно снизить затраты на производство агитационных материалов и повысить их качество, обеспечивая избирателям мгновенный доступ к большим массивам данных. В то же время сохраняется риск углубления информационного неравенства между партиями и группами избирателей, имеющими разный доступ к технологиям.

2. Качество и достоверность контента. Технология позволяет генерировать детализированные аналитические материалы для оценки программ кандидатов, однако сохраняется опасность распространения предвзятой или содержащей ошибки информации, что может искажать восприятие политической реальности.

3. Этико-правовое регулирование. Активное использование ИИ актуализирует вопросы защиты персональных данных, этических границ применения синтезированного контента и выработки адекватных правовых норм.

4. Политическая конкуренция и манипуляция. Создание персонализированных сообщений, точечно воздействующих на эмоции избирателей, способно усилить политическую манипуляцию и подорвать основы честной конкурентной борьбы.

5. Баланс возможностей кандидатов. Технология может создать неравные условия для участников избирательной гонки, предоставляя преимущества тем, кто обладает доступом к передовым цифровым решениям.

6. Формирование общественного мнения. ИИ оказывает значительное влияние на восприятие политических событий, что при злонамеренном использовании может привести к росту поляризации и социальной напряженности.

7. Технологический суверенитет. Растущая зависимость политического процесса от ИИ создает потенциальные риски зависимости от иностранного программного обеспечения и Интернет-платформ его стабильности и безопасности.

Вместе с тем исследователи выделяют среди перспективных направлений

применения ИИ в электоральном процессе: анализ цифрового поведения избирателей и создание поведенческих моделей; таргетированные коммуникации и адресные рекламные рассылки; автоматизацию взаимодействия с гражданами через чат-боты; генерацию уникального контента для целевых аудиторий; мониторинг избирательных процедур и выявление аномалий и нарушений избирательного законодательства наблюдателями.

Однако, по мнению экспертов, полностью легализовывать использование нейросетей в электоральной сфере пока рано. Общее правовое регулирование в этой сфере должно учитывать перспективы развития технологий дополненной реальности для создания цифровых «аватаров» политиков и дипфейков, которые могут вводить людей в заблуждение, провоцировать тревожность и снижать уровень «цифровой гигиены».

Таким образом использование ИИ в электоральной сфере может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, это может способствовать более широкому доступу к информации и уменьшить затраты на производство агитационных материалов. С другой стороны, возникает вопрос о качестве и достоверности информации, генерируемой и предоставляемой с помощью ИИ, а также о возможных этических и правовых аспектах использования синтезированных данных. Будущее электоральной демократии в мире прочно связано с использованием цифровых технологий, включая ИИ в избирательном процессе. С одной стороны они могут способствовать преодолению кризиса представительной демократии путём повышения интереса к выборам и расширения возможностей участия в них для молодежи.  С другой стороны бесконтрольное использование ИИ для политической агитации угрожает снижением уровня критического мышления, устойчивости к недостоверной информации и попыткам внешнего вмешательства в избирательный процесс.

В настоящем же виде электоральное законодательство в целом не содержит особых ограничений на использование ИИ в избирательной кампании. Преобладающая в России консервативная позиция в вопросах развития ИИ, при которой нормативное закрепление следует за распространением практики

применения технологий ИИ в избирательных кампаниях, представляется наиболее адекватной. При этом Россия остаётся одним из мировых лидеров в применении цифровых технологий в избирательном процессе. Важно однако пристально следить за развитием ИИ, чтобы своевременно учитывать возникающие в связи с этим угрозы и не упустить появляющиеся возможности технологического лидерства и организационно-правового новаторства в электоральной сфере.

Цифровизация электоральной сферы может стать этапом внедрения цифровой демократии и стимулировать цифровизацию различных сфер общественно-государственных отношений. Это включает разработку и внедрение цифровых систем управления национальными проектами, модернизацию системы социального казначейства, внедрение принципов бережливого здравоохранения и других инновационных цифровых технологий в социальной сфере. С другой стороны, цифровизация электоральной сферы несёт риски сокращения возможностей личного участия граждан в управлении делами государства, которое вероятно в случае внедрения её на безальтернативной основе. В этой связи можно приветствовать последние поправок в законодательство о выборах в Российской Федерации, которыми предусматривается обязательное сохранение возможности голосования с использованием бумажных бюллетеней в случае принятия решения о проведении в регионе электронного голосования.

*Форсированная цифровизация является проявлением всемирно-исторического процесса трансформации общественных и общественно-государственных отношений под влиянием научно-технического прогресса. Учитывая объективную необходимость цифровизации её невозможно не признавать или отменить. Для России дилемма заключается в том, получится ли у неё возглавить процессы цифровой трансформации в качестве самостоятельного центра выработки новых технологических решений, либо мы останемся объектом «цифровых» экспериментов иностранных государств и транснациональных корпораций.*

## Заключение

Вопрос о легитимности государственной власти для существования любой политико-правовой системы остаётся краеугольным. Компаративный анализ существующих подходов к категории легитимности позволяет определить её как социально-интегративную качественную характеристику властной организации. Легитимность власти опирается на доверие к ней населения, безусловное признание за ней права принимать директивные решения, добровольное согласие со способами её осуществления. Доверие в свою очередь возможно лишь на основе соответствия власти представлениям граждан о справедливости, свободе выбора, пользе и целесообразности. Легитимность таким образом имеет ценностный характер. Однако легитимация как процесс приобретения властью легитимности возможна только на принципах соблюдения рационально организованных избирательных процедур. В этой связи легитимность – рациональная правовая категория. Для легитимности важно строгое следование процедурам, стандартам, соблюдение норм.

Механизм легитимации государственной власти рассматривается в исследовании как система и процесс воспроизводства государственной власти. При этом механизм легитимации объединяет субстанциональный (конституционный, идеологический), институциональный (структурный) и персональный (плебисцитарный) уровни легитимации. В качестве элемента (этапа) на персональном (плебисцетарном) уровне механизма легитимации определены выборы и референдум (электоральная легитимация). Ключевым в механизме легитимации государственной власти на персональном уровне является отношение граждан к политической фигуре (персональная легитимность), которое трансформируется в доверие к политической силе, и в дальнейшем к формируемым этой силой политико-правовым институтам или органам власти (институциональная легитимность), а также влияет на восприятие государственности в целом (субстанциональная легитимность). Отношение гражданина к политико-правовой системе на всех уровнях легитимности фиксируется и определяется социологами как доверие к власти.

Важнейшую роль для легитимации власти в демократическом правовом государстве играет избирательный и референдумный процессы. В них осуществляется социальная коммуникация для достижения общественного консенсуса по вопросу власти и другим общественно значимым вопросам. Такая коммуникация осуществляется открыто в форме политической кампании партий и кандидатов, сопровождается агитацией, митингами, встречами с избирателями и другими формами публичной политической активности. В этом – процессуальная основа легитимности, которая невозможна без общения граждан, их участия в управлении делами государства, гражданского контроля за избирательным процессом. Таким образом, установлено: легитимность имеет ценностно-рациональную природу и является в большей степени процессом чем состоянием. Через рационально организованную, периодически повторяющуюся процедуру выборов и (или) референдумов одобряемые народом ценности получают своё персонифицированное воплощение в лице облечённого доверием избирателей кандидата или политической силы. Победивший кандидат или политическая сила тем самым получают мандат на то, чтобы сформировать и возглавить политические институты страны.

Демократические выборы в исследовании рассматриваются как источник легитимности государственной власти, избирательный процесс как форма её легитимации, а электоральное наблюдение как инструмент в механизме легитимации в рамках избирательного процесса. Вместе с тем, выборы – чрезвычайно критикуемый правовой институт. Значительная часть как политических обозревателей, так и серьёзных исследователей избирательного процесса полагает, что выборы в России не могут быть честными. Также распространена точка зрения, что выборы не являются частью традиционной российской правовой культуры, а привнесены из-за рубежа в результате рецепции данного правового института. В нашей работе показана необоснованность таких утверждений, историческая укоренённость выборной традиции, её своеобразие и особенности развития.

Важнейшей задачей избирательной системы является обеспечение

достоверности волеизъявления граждан, сокращение количества нарушений на выборах, обеспечение прав и свобод всех участников избирательного процесса. Достоверность в избирательном процессе предлагается определить как объективное (основанное на наблюдении или анализе открытых данных о выборах), непосредственное (обусловленное собственным опытом участия в избирательном процессе в качестве избирателя, кандидата или наблюдателя) и доказательное (подтверждаемое результатами наблюдения, открытыми данными и электоральной статистикой) знание о подлинности результатов голосования на выборах. Важным фактором обеспечивающим дополнительные организационные и процессуальные гарантии достоверности волеизъявления граждан является электоральное наблюдение.

В диссертации автором предлагается взаимосвязанная периодизация развития избирательной системы и электорального наблюдения в нашей стране, в основу которой положено представление о четырех последовательных этапах развития политико-правовой системы современной России. Это этапы либерализации, институционализации, стабилизации, оптимизации. На первой стадии происходит ускоренное внедрение демократических норм и принципов избирательного права и процесса; на второй стадии наблюдается их нормативное закрепление; на третьей – стабилизация избирательного законодательства; на четвертой – совершенствование избирательных процедур, пересмотр ряда неэффективных норм или приспособление их к российским особенностям.

Соответственно, на первом этапе электоральное наблюдение выступает в качестве инструмента борьбы политических сил, участвующих в выборах; на втором, как прерогатива политических партий; на третьем, превращается в неформальную оппозиционную практику российского электорального протеста и (или) инструмент провластной электоральной мобилизации общества; наконец, на четвертом, электоральное наблюдения приобретает черты массового проекта российского гражданского общества, вовлекшего большое количество общественных организаций и граждан в процессы контроля за выборами.

Исследование существующих механизмов электорального наблюдения

позволило выявить три его формы:

1) международное электоральное наблюдение, реализуемое мониторинговыми миссиями, направляемыми международными организациями;

2) партийное электоральное наблюдение, которое осуществляется наблюдателями, назначенными политическими партиями и кандидатами;

3) общественное электоральное наблюдение, проводимое субъектами общественного контроля (Общественной палатой Российской Федерации, общественными палатами субъектов Российской Федерации).

Для международного электорального наблюдения характерен международно-правовой способ защиты избирательных прав граждан через обращение к договорам и конвенциям, содержащим международные стандарты избирательного права и процесса. Для партийного электорального наблюдения предусмотрен частно-правовой способ защиты частных и коллективных прав и интересов участников избирательного процесса путём обращения в избирательные комиссии, прокуратуру или суд. Наконец, общественное наблюдение подразумевает публично-правовой способ защиты избирательных прав всех участников избирательного процесса.

Значение выборов и демократической легитимации власти для международного признания легитимности политического режима определяет внимание мирового сообщества к избирательным процедурам. Международные стандарты проведения выборов и референдумов содержат требования к организаторам избирательного процесса о допуске международных и национальных наблюдателей к контролю за избирательным процессом на всех его стадиях. Однако общепризнанные стандарты электорального наблюдения (наблюдения за выборами и референдумами) до настоящего времени не выработаны. Отчёты западных мониторинговых миссий БДИПЧ ОБСЕ и ПАСЕ страдают необъективностью оценок избирательного процесса, политической ангажированностью и, зачастую, имеют своей целью вмешательство во внутренние дела суверенных государств под предлогом оценки демократичности избирательного процесса. В исследовании сравниваются методики и практика

электорального наблюдения западных мониторинговых миссий БДИПЧ ОБСЕ, ПАСЕ и миссий МПА СНГ, ОП РФ. Делается вывод о том, что работа последних в большей степени соответствует принципам международного наблюдения, среди которых: уважение государственного суверенитета, открытость, универсальность, взаимность, профессионализм, беспристрастность, оказание действенной помощи, законность, безопасность, недопустимость иностранного вмешательства в выборы, объективность.

В ходе исследования выявлено, что для целей легитимации государственной власти в процессе выборов важнейшее значение имеет именно независимое общественное наблюдение за голосованием. Общественное наблюдение не связано с политической борьбой на выборах и потому больше способствует обеспечению контроля за чистотой избирательных процедур. Такое наблюдение стало возможным после внесения в 2018 году изменений в законодательство Российской Федерации о выборах.

Важным инструментом общественного контроля в электоральной сфере стала разработанная Общественной палатой Российской Федерации алгоритмизированная правовая методика проверки соответствия процедур голосования, подсчёта голосов, суммирования протоколов голосования на избирательных участках нормам федерального законодательства. Это методика получила название «Золотого стандарта» общественного наблюдения. В настоящее время она широко применяется на выборах всех уровней и позволяет оценить соответствие процесса голосования закону на всех его стадиях. Основное отличие «Золотого стандарта» общественного наблюдения от аналогичных методик, разрабатываемых оппозиционными политическими партиями или некоммерческими организациями, признанными иностранными агентами, заключается в целеполагании. Как правило, всевозможные памятки и рекомендации концентрируют внимание на поиске или «придумывании» нарушений. К задачам общественного контроля относится беспристрастная нейтральная оценка происходящего на избирательных участках на основе объективных правовых критериев.

Результатом появления на избирательных участках независимых наблюдателей от субъектов общественного контроля стало сокращение количества нарушений на выборах, повышение гласности, прозрачности и достоверности избирательного процесса. Фактором легитимности власти и избирательного процесса является правовая культура избирателей и всех участников избирательного процесса. Установлено, что общественное наблюдение за голосованием на выборах и референдумах способствует повышению правосознания отечественного избирателя и его правовой культуры за счёт формирования прочных правовых знаний о выборах и возможности непосредственного участия в контроле за избирательными процедурами. Таким образом, общественное наблюдение является важной формой делиберативной (от лат. deliberatio – обсуждение, размышление) или партисипаторной (от англ. participation – участие) демократии, позволяет преодолеть недостатки демократии представительной.

Серьёзным вызовом для демократии вообще и демократического избирательного процесса в частности является стремительное развитие цифровых технологий. В исследовании отмечается рост таких угроз выборам, как распространение заведомо ложной информации о выборах под видом достоверной (так называемый «фейковые» новости), разжигание ненависти к определенным политическим силам, политическая пропаганда, онлайн-троллинг неугодных кандидатов. Однако наибольшую опасность, по нашему мнению, представляет дискредитация избирательного процесса, распространение идеи об устаревании института выборов в свете распространения информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта, способных точно прогнозировать и, следовательно, предопределять выбор избирателей.

Вместе с тем, развитие цифровых технологий, включая дистанционное электронное голосование может стать фундаментом новой цифровой (прямой) демократии. Примером трансформации общественно-государственных отношений под влиянием общемировых процессов цифровизации является распространение цифровых сервисов и порталов государственных и муниципальных услуг,

электронных опросов, систем обратной связи с активными гражданами в рамках развития умных городов, управления общедомовой собственностью, платформ общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов и проектов благоустройства и развития территорий, землепользования и многое другое.

Важное место в этом ряду цифровых услуг занимает дистанционное электронное голосование. В этой связи возрастает значение поиска общедоступных инструментов общественного контроля за дистанционным электронным голосованием. В исследовании подробно разбираются опасения вокруг соблюдения принципов избирательного права, а также прав и свобод участников избирательного процесса при переходе на дистанционную электронную форму голосования. Делается вывод о принципиальном соответствии дистанционного электронного голосования требованиям прозрачности, аудируемости и анонимности.

Главным выводом исследования является утверждение, что электоральное наблюдение как часть механизма легитимации государственной власти, обеспечивая контроль со стороны институтов гражданского общества за законностью избирательных процедур, привлекая на избирательные участки наблюдателей, представляющих самые разные общественные объединения и слои населения, а также основываясь на рационально организованных и стандартизированных публичных процедурах, несомненно повышает доверие к избирательному процессу и создает дополнительные гарантии полноценной реализации и защиты избирательных прав граждан и легитимности власти.

По итогам проведённого исследования автором обосновываются следующие практические предложения по повышению роли электорального наблюдения в механизме легитимации государственной власти:

– распространить общественный контроль на различные избирательные процедуры и стадии избирательного цикла, в том числе этапы утверждения схемы избирательных округов; выдвижения и регистрации кандидатов (списков кандидатов); сбора подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов (списков кандидатов); предвыборную агитацию; подготовку избирательных

участков и оборудования помещений для голосования и др. Общественный контроль предлагается установить путём включения представителей Общественной палаты Российской Федерации и общественных палат субъектов Российской Федерации, иных представителей российского гражданского общества, в рабочие группы избирательных комиссий, организующих выборы;

– формализовать правовой статус «киберволонтёров», которые ведут мониторинг распространения непроверенной или ложной информации о выборах в телекоммуникационной сети «Интернет», а также готовят соответствующие обращения в компетентные органы, а также специалистов в сфере ИТ-технологий и криптографии, которые осуществляют наблюдение за дистанционным электронным голосованием, пользуясь общедоступными сервисами для наблюдения, через их назначение Общественной палатой Российской Федерации и общественными палатами субъектов Российской Федерации;

– наделить субъекты общественного контроля правом обращаться в суд в защиту неопределенного круга лиц (избирателей) на основании сообщений о нарушениях, поступивших от наблюдателей;

– установить надёжные правовые гарантии неприкосновенности статуса и компенсации расходов общественных электоральных наблюдателей в связи с исполнением ими своих обязанностей, взяв за образец порядок регулирования деятельности присяжных заседателей;

– продолжить работу над разработкой и организовать продвижение новых универсальных международных стандартов наблюдения за выборами и референдумами, которые исключали бы иностранное вмешательство и были бы направлены на действенную помощь государствам в организации электоральных процессов и обеспечении электорального суверенитета;

– ужесточить ответственность за производство недостоверной общественно значимой информации о выборах, распространяемой под видом достоверных сообщений и создающей угрозу для безопасности («фейков»);

– продолжить работу над разработкой общедоступных инструментов общественного контроля за дистанционным электронным голосованием (ДЭГ) и

формированием стандартов общественного контроля за ДЭГ;

– обеспечить общественный контроль за использованием искусственного интеллекта в электоральной сфере путём заключения соглашения политических партий об ответственном использовании ИИ на площадке и при организационном участии Общественной палаты Российской Федерации.

# Список использованных источников и литературы

## I. Нормативные правовые акты, материалы судебной и правоприменительной практики

### 1.1. Международные договоры и соглашения

1. Устав Организации Объединенных Наций : принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1956. – Вып. XII. – С. 14–47.

2. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 Резолюцией 217 А (III) // Российская газета. – 1995. – 5 апр.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

4. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17 (1831). – Ст. 291.

5. Венская конвенция о праве международных договоров : заключена в г. Вене 23.05.1969. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 20.12.2025).

6. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций : принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН // [Официальный сайт ООН]. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/2625(XXV) (дата обращения: 20.12.2025).

7. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ : принят 29.06.1990. – URL: https://www.osce.org/files/f/documents/d/0/14305.pdf (дата обращения: 20.12.2025).

8. Декларация принципов международного наблюдения за выборами и Свод правил поведения международных наблюдателей по наблюдению за выборами : приняты Комиссией ООН по правам человека 27.10.2005. – URL: https://eos.cartercenter.org/uploads/document_file/path/1048/DOP_Int_RU.pdf (дата

обращения: 20.12.2025).

9. Свод рекомендуемых норм при проведении выборов : приняты Венецианской комиссией на 51-й пленарной сессии 05–06.07.2002 (в ред. от 18–19.10.2002). – URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2002)023rev2-cor-rus (дата обращения: 20.12.2025).

10. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств : заключена в г. Кишиневе 07.10.2002 // Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств : документы и материалы / отв. ред. В. И. Лысенко. – М. : РЦОИТ, 2008. – С. 5–21.

11. Декларация о принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах – участниках Содружества Независимых Государств : принята постановлением № 31-5 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 25.11.2008 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. – 2008. – № 42. – С. 223–226.

12. О законодательном обеспечении электоральных процессов в государствах – участниках Содружества Независимых Государств : постановление № 54-4 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 28.10.2022. – URL: http://iacis.ru/upload/iblock/6c5/Постановление_54-4_28.10.2022.pdf (дата обращения: 20.12.2025).

13. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 19.12.2023 [по докладу Третьего комитета (A/78/481/Add.2)] A/RES/78/188. – URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/422/88/pdf/n2342288.pdf (дата обращения: 20.12.2025).

14. Декларация и Программа действий Форума тысячелетия «Мы, народы: укрепление Организации Объединенных Наций в XXI веке» : приняты в г. Нью-Йорке 22–26.05.2000 // [Официальный сайт ООН]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/millennium_forum_declaration.shtml (дата обращения: 20.12.2025).

## 1.2. Законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, иностранных государств

15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации.

– URL: http://www.pravo.gov.ru.

16. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.

17. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

18. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 171.

19. Федеральный закон от 10.01.2003 № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации “Выборы”» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 172.

20. Федеральный закон от 23.06.2003 № 85-ФЗ «О внесении изменения в статью 36 Федерального закона “О политических партиях” и внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 26. – Ст. 2574.

21. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.

22. Федеральный закон от 11.12.2004 № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 50. – Ст. 4950.

23. Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 21. – Ст. 1919.

24. Федеральный закон от 21.07.2005 № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (ч. I). – Ст. 3104.

25. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 7. – Ст. 776.

26. Федеральный закон от 02.05.2012 № 40-ФЗ «О внесении изменений в

Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 19. – Ст. 2274.

27. Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 8. – Ст. 740.

28. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (ч. I). – Ст. 4213.

29. Федеральный закон от 05.12.2017 № 392-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 50. – Ст. 7563.

30. Федеральный закон от 05.12.2017 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О выборах Президента Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 50. – Ст. 7545.

31. Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

32. Федеральный закон от 23.05.2020 № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 21. – Ст. 3231.

33. Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 12. – Ст. 1217.

34. Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 153 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 12. – Ст. 1221.

35. Федеральный закон от 01.04.2020 № 94-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 14. – Ст. 2024.

36. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 53 (ч. I). – Ст. 8462.

37. Указ Президента РФ от 21.09.1993 № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 39. – Ст. 3597.

38. Указ Президента РФ от 01.10.1993 № 1557 «Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесения изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 41. – Ст. 3907.

39. Указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 10. – Ст. 1019.

40. Об утверждении Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

41. Распоряжение Президента РФ от 01.11.1994 № 558-рп «О федеральной программе повышения правовой культуры избирателей – граждан Российской Федерации, организаторов избирательного процесса и представителей общественных объединений Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 28. – Ст. 2984.

42. Постановление ЦИК России от 15.12.2021 № 74/629-8 «О Концепции повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2022 - 2024 годы» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cikrf.ru/act/decisions-of-the-cic/ (дата обращения: 23.09.2025).

43. Постановление ЦИК России от 08.06.2022 № 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cikrf.ru/act/decisions-of-the-cic/ (дата обращения: 23.09.2025).

44. Постановление ЦИК России от 09.08.2023 № 128/1010-8 «О Рабочей группе Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по обеспечению реализации избирательных прав граждан с инвалидностью» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cikrf.ru/act/decisions-of-the-cic/ (дата обращения: 23.09.2025).

45. Постановление ЦИК России от 30.08.2023 № 131/1016-8 «О внесении

изменений в статью 33 Регламента Центральной избирательной комиссии Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cikrf.ru/act/decisions-of-the-cic/ (дата обращения: 23.09.2025).

46. Постановление ЦИК России от 20.07.2023 № 124/995-8 «О Требованиях к определению мест для наблюдателей и аккредитованных представителей средств массовой информации» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cikrf.ru/act/decisions-of-the-cic/ (дата обращения: 23.09.2025).

47. Постановление ЦИК России от 03.07.2024 № 175/1389-8 «О Порядке электронного голосования на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cikrf.ru/act/decisions-of-the-cic/ (дата обращения: 23.09.2025).

48. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 30 июля 2025 г. № 206/1587-8 «О формировании территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования». – URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/57468/ (дата обращения: 23.09.2025).

49. Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 19.08.2020 № 264/1949-7 (ред. от 30.07.2025) «О Порядке подачи заявления избирателя, участника референдума с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» о предоставлении ему возможности проголосовать вне помещения для голосования на выборах и референдумах в Российской Федерации» // Официальный сайт ЦИК России. – URL: http://www.cikrf.ru (дата обращения: 29.12.2025)

50. Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 23 июля 2025 г. № 205/1578-8 «О порядке организации голосования в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых на выборах, назначенных на 14 сентября 2025 года» // Вестник Центральной избирательной комиссии РФ. 2025. № 9.

51. Решение избирательной комиссии Красноярского края от 29.09.2002 № 571 «О признании недействительными результатов выборов Губернатора Красноярского края» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krasnoyarsk.izbirkom.ru/ (дата обращения: 23.09.2025).

52. Решение Московской городской избирательной комиссии от 02.07.2021 № 153/5 «Об обращении в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.moscow_city.izbirkom.ru/ (дата обращения: 23.09.2025).

53. Решение Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2024. – 26 апреля.

54. Закон СССР от 01.12.1988 № 9853-XI «О выборах народных депутатов СССР» // Ведомости ВС СССР. – 1988. – № 49. – Ст. 729. (Утратил силу).

55. Федеральный закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 33. – Ст. 3406. (Утратил силу).

56. Федеральный закон от 17.05.1995 № 76-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1924. (Утратил силу).

57. Федеральный закон от 21.06.1995 № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 26. – Ст. 2398. (Утратил силу).

58. Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 35. – Ст. 3506. (Утратил силу).

### 1.3. Материалы судебной и правоприменительной практики, локальные акты

59. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта “з” пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с жалобами граждан А.В. Андронова, О.О. Андроновой, О.Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 17. – Ст. 2102.

60. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 9.

61. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2018 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности части 15 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой регионального отделения политической партии “Справедливая Россия” в городе

Санкт-Петербурге» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 47. – Ст. 7223.

62. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 2002 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и статьи 92 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 6. – Ст. 626.

63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 г. № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 9.

64. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 17 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов».

65. Определение Конституционного Суда РФ от 7 июля 2016 г. № 1422-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 1 статьи 30 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2016. – 28 октября.

66. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 N 1226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляскина Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав частью 9.1 статьи 62 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации"».

67. Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 1036-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Петрова Юрия Михайловича и Решетовой Надежды Борисовны на нарушение их конституционных прав статьей 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx (дата обращения: 23.09.2025).

68. Соглашение о взаимодействии Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и Общественной палаты Российской Федерации от 21 ноября 2017 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rcoit.ru/upload/medialibrary/fgx/Соглашение.pdf (дата обращения: 23.09.2025).

69. Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии между Общественной палатой Российской Федерации и общественными объединениями, иными некоммерческими организациями в целях обеспечения участия представителей гражданского общества в наблюдении за голосованием на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва по одномандатным избирательным округам и иных выборах, назначенных на 8 сентября 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: https://fnpr.ru/upload/iblock/09a/n6sgpgp00nv3oste4r748n7ype9ik0k7/Soglashenie_s_NKO_2024-_2_.pdf (дата обращения: 23.09.2025).

70. «Золотой стандарт» по общественному наблюдению за голосованием : утв. решением Совета Общественной палаты РФ от 27.02.2024 № 77-С [Электронный ресурс] // Общественная палата РФ. – URL: https://oprf.ru/structure_list/167 (дата обращения: 23.09.2025).

71. Стандарт по общественному наблюдению в территориальной избирательной комиссии при проведении выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года : утв. решением Совета Общественной палаты РФ от 27.02.2024 № 77-С [Электронный ресурс] // Общественная палата РФ. – URL: https://oprf.ru/structure_list/167 (дата обращения: 23.09.2025).

72. Стандарт общественного наблюдения за ДЭГ [Электронный ресурс] // Общественная палата РФ. – URL: https://oprf.ru/structure_list/167 (дата обращения: 23.09.2025).

73. Кодекс этики общественного наблюдателя : утв. решением Совета Общественной палаты РФ от 18.06.2021 № 90-С [Электронный ресурс] // Общественная палата РФ. – URL: https://oprf.ru/structure_list/167 (дата обращения: 23.09.2025).

74. Положение о Мониторинговой рабочей группе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. – URL: https://www.president-sovet.ru/docs/requests_responses/polozhenie_o_monitoringovoy_rabochey_gruppe_soveta_pri_prezidente_rossiyskoy_federatsii_po_razvitiyu/?ysclid=m2q277e36s836251698 (дата обращения: 23.09.2025).

## II. Научная и специальная литература

### 2.1. Монографии, статьи, учебная и справочная литература

75. Автономов, А. С. Автореферат учебного пособия «Ювенальная юстиция» / А. С. Автономов // Вопросы ювенальной юстиции. – 2009. – № 4. – 188

с.

76. Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. – Москва : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021. – 791 с.

77. Аль-Дайни, М. А. Электоральный протест: теоретические проблемы и возможности региональных исследований / М. А. Аль-Дайни // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 2. – С. 269–280.

78. Амелин, Р. В. Формы непосредственной демократии на муниципальном уровне в условиях цифровой трансформации / Р. В. Амелин, М. А. Липчанская, С. Е. Чаннов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2024. – № 52. – С. 5–25.

79. Андреева, Г. Н. Избирательное право в России и в зарубежных странах : учеб. пособие / Г. Н. Андреева, И. А. Старостина ; под ред. А. А. Клишаса. – Москва : Норма, 2010. – 591 с.

80. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – Москва : ЦентрКом, 1996. – 672 с.

81. Ашижев, Т. Т. Международно-правовые избирательные стандарты в системе развития избирательного законодательства современных государств / Т. Т. Ашижев // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2022. – № 5. – С. 94–118.

82. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. – Москва : Норма, 1998. – 784 с.

83. Бакунин, М. А. Государственность и анархия / М. А. Бакунин // Философия. Социология. Политика. – Москва : Правда, 1989. – С. 483.

84. Бакунин, М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм / М. А. Бакунин // Избранные сочинения. – Москва ; Петроград : Голос Труда, 1920. – Т. 3. – С. 59.

85. БДИПЧ ОБСЕ в действии. 25 лет наблюдения за наблюдателями / И. Б. Борисов, А. В. Игнатов. – Москва : Российский общественный институт избирательного права, 2017. – 160 с.

86. Берлявский, Л. Г. Наблюдение на выборах в России: основные вехи становления и перспективы развития / Л. Г. Берлявский, А. В. Махова // Избирательное законодательство и практика. – 2025. – № 3. – С. 32-36.

87. Бетехтина, А. В. Электоральное поведение молодежи: почему молодежь не ходит на выборы? / А. В. Бетехтина, Н. В. Олухов // Вопросы управления. – 2012. – № 3. – С. 12–20.

88. Бехман, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехман ; пер. с нем. – Москва : Логос, 2010. – 248 с.

89. Биктагиров, Р. Т. Эволюция избирательной системы России: от выборов царской думы к выборам палат Федерального Собрания Российской Федерации / Р. Т. Биктагиров // Гражданин. Выборы. Власть. – 2023. – № 3 (29). – С. 11-46.

90. Блондель, Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу / Ж. Блондель ; пер. с англ. – Москва : Российская академия управления, 1992. – 135 с.

91. Борисов, И. Б. На пути к электронной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов / И. Б. Борисов // Избирательное законодательство и практика. – 2019. – № 3. – С. 3–10.

92. Борисов, И. Б. Электоральный суверенитет / И. Б. Борисов. – Москва : РОИИП, 2010. – 94 с.

93. Борисов, И. Б. Кто хранитель электоральных стандартов? Сравнительный анализ региональных методик оценки национальных выборов / И. Б. Борисов, А. В. Игнатов // Избирательное законодательство и практика. – 2023. – № 4. – С. 6.

94. Борисов И. Б., Игнатов А. В. Международные демократические стандарты организации голосования избирателей за рубежом // Избирательное законодательство и практика. — 2025. — № 3. — С. 6–14.

95. Брод А. С. Развитие института общественного наблюдения в условиях цифровизации избирательного процесса : доклад Ассоциации «Независимый общественный мониторинг» / А. С. Брод, А. В. Булгакова. – Москва, 2023. – 17 с.

96. Брод, А. С. Российское законодательство о выборах: основные этапы эволюции и приоритеты развития / А. С. Брод, О. В. Иванников, В. Л. Шаповалов // Избирательное законодательство и практика. – 2021. – № 1. – С. 3–9.

97. Бударина, Н. А. Новеллы практики применения законодательства о выборах в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о защите избирательных прав / Н. А. Бударина, С. Ф. Сахаров // Избирательное законодательство и практика. – 2023. – № 3. – С. 13-17.

98. Булгакова, А. В. Инфраструктура общественного наблюдения на выборах в России / А. В. Булгакова, Н. Г. Рагимов // Избирательное законодательство и практика. – 2021. – № 4. – С. 23–24.

99. Бузин, А. Ю. Рекомендации члену УИК с правом решающего голоса /

А. Ю. Бузин. – Москва : ГОЛОС, 2012. – 60 с.

100. Бурдье, П. Социология политики / П. Бурдье ; пер. с фр. – Москва : Socio-Logos, 1993. – 333 с.

101. Буткова, М. В. Карл Велькер о нравственной сущности правового государства / М. В. Буткова // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 2 (3). – С. 206-212.

102. В помощь наблюдателю на выборах и референдуме : учеб. пособие. – Москва : РЦОИТ, 2003. – 280 с.

103. Вайпан, В. А. Теория справедливости: право и экономика : монография / В. А. Вайпан. – Москва : Юстицинформ, 2017. – 279 с.

104. Вебер, М. Хозяйство и общество : в 2 т. Т. 1 : Социология / М. Вебер. – Москва : Изд-во ГУ ВШЭ, 2016. – 448 с.

105. Веденеев, Ю. А. Развитие избирательной системы Российской Федерации: проблемы правовой институционализации / Ю. А. Веденеев // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 47-57.

106. Вешняков, А. А. Демократия грязи не боится : [интервью] / А. А. Вешняков // Российская газета. – 2002. – 24 окт. – № 202. – С. 4.

107. Виноградова, И. М. Технология дистанционного электронного голосования в России: опыт реализации и дальнейшие перспективы / И. М. Виноградова (Институт философии и права УрО РАН) // PolitBook. — 2024. — № 2. — С. 51–76.

108. Войшнис, В. Э. Выборы: процесс и анализ результатов. Парламентские и президентские выборы в России (1999-2000 гг.) / В. Э. Войшнис // Власть и управление на Востоке России. – 2007. – № 1. – С. 87-94.

109. Волков, В. Э. Правовое признание технологий искусственного интеллекта в контексте конституционных ценностей российского государства / В. Э. Волков // Юридические исследования. – 2023. – № 3. – С. 51-61.

110. Выборы и референдум : справочник терминов и определений / авт.-сост. М. В. Батюшкина ; под общ. ред. А. А. Васильева. – Москва : ФЛИНТА, 2024. – 117 с.

111. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 года : электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия РФ. – Москва, 2017. – 528 с.

112. Выборы Президента Российской Федерации 2000 : электоральная статистика : сб. / Центральная избирательная комиссия РФ. – Москва : Весь Мир,

2000. – 318 с.

113. Выборы Президента Российской Федерации. 2018 : электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия РФ. – Москва, 2018. – 424 с.

114. Гессен, В. М. О правовом государстве / В. М. Гессен // Правовое государство и народное голосование. – Санкт-Петербург, 1906. – С. 1-25.

115. Гессен, В. М. Теория правового государства / В. М. Гессен // Политический строй современных государств: сб. статей. – Санкт-Петербург.: «Слово», 1905. – С. 117-187.

116. Гетманская, О. Ю. Избирательный процесс как разновидность юридического процесса: легитимация решений посредством процедур / О. Ю. Гетманская // Избирательное законодательство и практика. – 2024. – № 1. – С. 2–9.

117. Головин, А. Г. Избирательное право и избирательный процесс в РФ : курс лекций / А. Г. Головин. – Москва : Юр.Норма, ИНФРА-М, 2023. – 256 с.

118. Головин, А. Г. О некоторых аспектах концепции делегирования власти народом в контексте развития технологий дистанционного электронного голосования / А. Г. Головин // Избирательное законодательство и практика. – 2021. – № 2. – С. 5-10.

119. Гонтарь, С. Г. Электронное голосование – новая возможность участия граждан в формировании органов власти / С. Г. Гонтарь // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 4. – С. 29–33.

120. Горылев, А. И. Особенности становления избирательного права в России / А. И. Горылев, А. В. Зеленое // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 6. – С. 186-194.

121. Гражданин и власть : монография / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.] ; под ред. Г. Н. Чеботарева. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2023. – 172 с.

122. Гриб, В. В. Общественный контроль : учебник / В. В. Гриб. – Москва : Изд. группа «Юрист», 2017. – 655 с.

123. Гринберг, Т. Э. Тенденции развития избирательных коммуникаций: электоральные исследования, стратегии, интернет-технологии / Т. Э. Гринберг // Российская школа связей с общественностью. – 2019. – № 14. – С. 47-58.

124. Гришин, Н. В. Политика государств в отношении международного наблюдения за выборами / Н. В. Гришин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2021. – Т. 17. – № 2. – С. 150–162.

125. Гришин, Н. В. Электоральный трибунал: опыт совмещения функций электоральной администрации и юстиции / Н. В. Гришин // Вестник Московского

университета. Сер. 12. Политические науки. – 2018. – № 1. – С. 49-62.

126. Гришин, Н. В. История международного наблюдения за выборами / Н. В. Гришин, А. М. Р. Линдерс // Вестник Томского государственного университета. История. – 2024. – № 87. – С. 129-135.

127. Гришин, Н. В. Избирательный кодекс как проект оптимизации избирательной системы России / Н. В. Гришин, Е. П. Мармилова // Человек. Сообщество. Управление. – 2013. – № 4. – С. 53-63.

128. Гундарин, М. В. Использование искусственного интеллекта в предвыборных кампаниях / М. В. Гундарин, П. А. Олешко // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2023. – № 28. – С. 57–66.

129. Демчук, А. Л. Современные избирательные системы в контексте теории делиберативной демократии / А. Л. Демчук // Роль гражданского общества в обеспечении демократических стандартов организации и проведения выборов : материалы первой международной научно-практической конференции (14-15 сентября 2021 г., Москва). – Москва : РЦОИТ при ЦИК России, 2021. – С. 22–28.

130. Дибиров, А.-Н. З. Теория политической легитимности : курс лекций / А.-Н. З. Дибиров. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 269 с.

131. Дибиров, А.-Н. З. Устарела ли концепция легитимности М. Вебера? / А.-Н. З. Дибиров // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 6. – С. 258-268.

132. Доган, М. Легитимность режимов и кризис доверия / М. Доган, Т. Н. Шумилина // Социологические исследования. – 1994. – № 6. – С. 147-156.

133. Дьюи, Дж. Общество и его проблемы / Дж. Дьюи ; пер. с англ. И. И. Мюрберг. – Москва : Идея-Пресс, 2022. – 159 с.

134. Егорова, А. В. Институт наблюдателей на выборах как фактор легитимации власти в современной России / А. В. Егорова // Управленческое консультирование. – 2019. – № 5. – С. 121–130.

135. Елисеев, С. М. Легитимность власти: Концепции и проблемы развития в посткоммунистическом обществе / С. М. Елисеев. – Санкт-Петербург : Полиграфстройсервис, 1996. – 220 с.

136. Ермошин, П. Ю. Правовой статус Центральной избирательной комиссии Российской Федерации / П. Ю. Ермошин. – Москва : Русайнс, 2021. – 212 с.

137. Ерохина, О. В. Технологии электронного голосования в России / О. В. Ерохина // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2019. – № 11. – С. 5-11.

138. Завершинский, К. Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта / К. Ф. Завершинский // Политические исследования. – 2001. – № 2. – С. 113-131.

139. Заславский, С. Е. Институциональные основы избирательной системы в России: в перекрестье памятных дат / С. Е. Заславский // Избирательное законодательство и практика. – 2018. – № 4. – С. 3-8.

140. Заславский, С. Е. Система общественного контроля на российских выборах: развитие инфраструктуры и механизмы институционализации / С. Е. Заславский, Н. А. Тюков, В. А. Лукушин // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2025. – № 2. – С. 97-116.

141. Заславский, С. Е. В поисках оптимальной шкалы: проблема описания и структурирования российской партийной системы / С. Е. Заславский, В. А. Лукушин // Власть. – 2025. – Т. 33, № 3. – С. 127-135.

142. Заславский, С. Е. Общественный контроль в избирательном процессе: вопросы политической и правовой институционализации / С. Е. Заславский, О. В. Парамонова // Власть. – 2025. – № 6. – С. 68–73.

143. Зокина, А. М. Особенности избирательной кампании в цифровую эпоху (на примере избирательной кампании кандидата в президенты США Дональда Трампа) / А. М. Зокина // Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики : материалы V Всерос. форума молодых политологов, Москва, 8 дек. 2018 г. / под общ. ред. И. А. Помигуева, Р. В. Савенкова. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – С. 94–95.

144. Зуляр, Ю. А. Политология : в 2 т. : учеб. пособие / Ю. А. Зуляр. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – Т. 1. – 740 с.

145. Иванченко, А. В. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии / А. В. Иванченко, А. Е. Любарев ; Нац. центр мониторинга демократических процедур. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2007. – 231 с.

146. Игнатов, А. В. Международное наблюдение за выборами: проблемы обеспечения электорального суверенитета / А. В. Игнатов // Диалог: политика, право, экономика. – 2025. – № 2. – С. 9-18.

147. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учеб. для вузов / отв. ред. А. А. Вешняков. – Москва : Норма, 2003. – 816 с.

148. Исаев, И. А. Легитимность и легальность в конституционном процессе / И. А. Исаев // История государства и права. – 2012. – № 6. – С. 2-6.

149. Исаев, И. А. Консервативные парадигмы: власть и традиция / И. А. Исаев // История государства и права. – 2015. – № 22. – С. 36-43.

150. Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX вв. / авт.-сост.: Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. В. Луговой ; под общ. ред. А. А. Вешнякова. – Москва : НОРМА, 2001. – 784 с.

151. Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Т. Карлейль ; пер. с англ. – Москва : Эксмо, 2008. – 864 с.

152. Карпенко, О. М. Молодежь в современном политическом процессе в России / О. М. Карпенко, И. А. Ламанов. – Москва : Изд-во СГУ, 2006. – 555 с.

153. Кермонн, Ж.-Л. Легитимность / Ж.-Л. Кермонн, Ж.-Л. Шабо // Политические исследования. – 1993. – № 5. – С. 134-143.

154. Кистяковский, Б. А. Государство правовое и социалистическое / Б. А. Кистяковский // Вопросы философии и психологии. – 1906. – Кн. 4 (84). – С. 521-550.

155. Князев, С. Д. Очерки теории российского избирательного права / С. Д. Князев. – Владивосток, 1999. – 414 с.

156. Князев, С. Д. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав и права на участие в референдуме / С. Д. Князев // Журнал российского права. – 2001. – № 2. – С. 26-35.

157. Кожев, А. Понятие власти / А. Кожев ; пер. с фр. – Москва : Праксис, 2006. – 192 с.

158. Колюшин, Е. И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений / Е. И. Колюшин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, Инфра-М, 2018. – 383 с.

159. Колюшин, Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей / Е. И. Колюшин // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 2. – С. 25–30.

160. Комарова, В. В. Доверие как элемент социально-экономических преобразований — конституционно-правовые аспекты / В. В. Комарова // Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая: колл. монография к 90-летию Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Серия: Актуальные проблемы зарубежного и российского права / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. – Москва, 2021. – С. 47—59.

161. Комарова, В. В. Регулятивные и консультативные формы прямого волеизъявления граждан: современное состояние и перспективы

совершенствования / В. В. Комарова // Модернизация России как условие ее эффективного развития в XXI веке. – Москва : РОСПЭН, 2010. – С. 146–152.

162. Конституционное право России : в 3 т. : учеб. для юрид. вузов (полн. курс) / А. А. Безуглов, С. А. Солдатов. – Москва : Профобразование, 2001. – Т. 2. – 831 с.

163. Коркунов, Н. М. История философии права: Пособие к лекциям / Н. М. Коркунов. – 5-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1908. – 456 с.

164. Короткевич, В. И. История современной России 1991-2003 / В. И. Короткевич. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 293 с.

165. Котикова, Д. В. Правовое регулирование дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы: проблемы, их решение и перспективы совершенствования / Д. В. Котикова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 5. – С. 22–28.

166. Коэн, Дж. Гражданское общество и политическая теория / Дж. Коэн, Э. Арато ; пер. с англ. – Москва : Весь Мир, 2003. – 784 с.

167. Кремень, Т. В. Политическая мобилизация: объекты и субъекты / Т. В. Кремень // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5. – С. 146–149.

168. Кутарев, О. Ю. О соотношении понятий легальности и легитимности в лексиконе юристов третьего рейха / О. Ю. Кутарев // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 1 (3). – С. 75—79.

169. Кутафин, О. Е. Российский конституционализм / О. Е. Кутафин. – Москва : Проспект, 2014. – 282 с.

170. Ларин, И. Г. Проблема действительности выборов при проведении дистанционного электронного голосования / И. Г. Ларин // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8. № 1. – С. 104-109.

171. Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. – 5-е изд. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1969. – Т. 33. Государство и революция. – 466 с.

172. Липсет, С. М. Политический человек. Социальные основания политики / С. М. Липсет ; пер. с англ.: Е. Г. Гендель, В. П. Гайдамак, А. В. Матешук. – Москва : Социум, 2020. – 614 с.

173. Липсет, С. М. Размышления о легитимности / С. М. Липсет // Апология. – 2005. – № 5. – С. 10-15.

174. Липчанская, М. А. Цифровая трансформация в системе местного

самоуправления Российской Федерации как фактор повышения доверия населения / М. А. Липчанская, Т. Н. Балашова // Право: история и современность. – 2023. – Т. 7. – № 3. – С. 296–309.

175. Лихачёв, М. А. Реализация международных стандартов прав человека судами РФ : учеб. пособие / М. А. Лихачёв. – Москва : РУДН, 2017. – 214 с.

176. Локк, Дж. Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк ; пер. с англ. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 3. – 668 с.

177. Лопатин, А. И. Цифровизация избирательных действий и процедур в России: вопросы права / А. И. Лопатин // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. № 5. – С. 43—55.

178. Лукушин, В. А. Современные практики легитимации дистанционного электронного голосования в контексте обеспечения электорального суверенитета Российской Федерации / В. А. Лукушин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 34–42.

179. Луман, Н. Власть / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – Москва : Праксис, 2001. – 256 с.

180. Луман, Н. Общество обществ / Н. Луман ; пер. с нем. – Москва : Логос, 2011. – 640 с.

181. Лысенко, В. И. Президентские выборы в государствах региона ОБСЕ — электоральная практика / В. И. Лысенко // Гражданин. Выборы. Власть. – 2024. – № 1 (31). – С. 11–46.

182. Лысенко, В. И. Избирательные права в системе прав человека и гражданина / В. И. Лысенко, И. Б. Борисов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2023. – № 1 (27). – С. 47–64.

183. Лэш, К. Восстание элит и предательство демократии / К. Лэш ; пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубович. – Москва : Логос, Прогресс, 2002. – 224 с.

184. Любарев, А. Е. Избирательная система и избирательное право Российской Федерации в решениях Конституционного Суда РФ / А. Е. Любарев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 1. – С. 67–82.

185. Любарев, А. Е. Изменения избирательного законодательства в 2004–2007 гг. / А. Е. Любарев // Российское электоральное обозрение. – 2007. – № 1. – С. 4–19.

186. Мазуревский, К. С. О социальном государстве, реализации избирательных прав граждан и защите электорального суверенитета России / К. С. Мазуревский // Гражданин. Выборы. Власть. – 2025. – № 1(35). – С. 136-145.

187. Максимов, А. Н. Лучшие практики организации выборов на опыте международного наблюдения выборов Общественной палаты России / А. Н. Максимов // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2023. – Т. 14. – № 2 (59). – С. 276-282.

188. Малкин, Е. Основы избирательных технологии и партийного строительства / Е. Малкин, Е. Сучков. – Москва : Русская панорама, 2003. – 480 с.

189. Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – Москва : Норма, 2007. – 800 с.

190. Мамут, Л. С. Легитимация государства / Л. С. Мамут // Право и общество в эпоху перемен. – Москва : Норма, 2008. – С. 212-213.

191. Матренина, К. Ю. Принцип тайного голосования при использовании современных информационных технологий / К. Ю. Матренина // Вестник Тюменского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 206-211.

192. Медушевский А. Н. Конституционная реформа — 2020 с позиций теории легитимности / А. Н. Медушевский // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2020. — № 4. — С. 15—30.

193. Медушевская Н. Ф. Государственная идеология и миф о легитимации власти / Н. Ф. Медушевская, К. Е. Сигалов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 12 (124). — С. 171—179.

194. Международное право : учеб. / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. – 6-е изд. – Москва : Норма, Инфра-М, 2013. – 752 с.

195. Международные избирательные стандарты : сборник документов / отв. ред. А. А. Вешняков ; науч. ред. В. И. Лысенко ; Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. – Москва : Весь Мир, 2004. – 1152 с.

196. Методология наблюдения за выборами и референдумами / Р. А. Ромашов, И. И. Мушкет, Е. В. Еременко [и др.]. – Санкт-Петербург : Секретариат Совета МПА СНГ, 2024. – 128 с.

197. Минникес, И. В. Выборы в истории Российского государства в IX — начале XIX века / И. В. Минникес. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2010. – 542 с.

198. Минникес, И. В. История выборов: избиратель и субъективное избирательное право / И. В. Минникес // Академический юридический журнал. – 2020. – № 1 (79). – С. 42–47.

199. Минникес, И. В. Избирать: право и обязанность (российские выборы X–XVII вв.) / И. В. Минникес // Выборы в России и в мире: общество, право, технологии : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 26–27 сентября

2024 г. / отв. ред. И. А. Минникес. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2024. – С. 80-88.

200. Мироненко, К. Н. Манифест 17 октября 1905 г. / К. Н. Мироненко // Вопросы государства и права. – Ленинград, 1958. – С. 158–179.

201. Митин, Г. Н. К вопросу о принципах выборов, соблюдением которых может быть обусловлена их легитимность / Г. Н. Митин // Избирательное законодательство и практика. – 2023. – № 4. – С. 20-22.

202. Мякотин, В. А. Всеобщее избирательное право и применение его в России / В. А. Мякотин // Правовое государство и народное голосование. – Санкт-Петербург, 1906. – С. 26-50.

203. Наблюдательные миссии Общественной палаты Российской Федерации на выборах за рубежом в 2022 году / Ф. В. Ниточкин [и др.] ; под общ. ред. Л. Ю. Михеевой ; Общественная палата Российской Федерации. – Москва : Общественная палата Российской Федерации, 2023. – 282 с.

204. Наблюдательные миссии Общественной палаты Российской Федерации на выборах за рубежом в 2023 году. – Москва : Общественная палата Российской Федерации, 2024. – 109 с.

205. Наблюдательные миссии Общественной палаты Российской Федерации на выборах за рубежом в 2024 году. – Москва : Общественная палата Российской Федерации, 2025. – 278 с.

206. Национальные модели политического процесса как основа многополярного мира: конституционные и политологические аспекты : монография / отв. ред. А. В. Шапошников ; науч. ред. и рук. авт. кол. В. В. Комарова. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. – 424 с.

207. История политических и правовых учений : учебник / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – Москва : Норма, 2000. – 352 с.

208. Нигметзянов, А. А. Правовое мотивирование как способ воздействия на участников избирательного процесса / А. А. Нигметзянов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2023. – № 4 (30). – С. 57-65.

209. Нисневич, Ю. А. Институт выборов как механизм легитимации государственной власти / Ю. А. Нисневич // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 2. – С. 62–72.

210. Ниточкин, Ф. В. «Золотой стандарт» общественного наблюдения в механизме общественного контроля за голосованием на выборах и референдумах / Ф. В. Ниточкин // Избирательное законодательство и практика. – 2024. – № 3. – С. 13–17.

211. Ниточкин, Ф. В. Выборы - традиционная правовая и духовно-

нравственная ценность или результат рецепции западных норм права? / Ф. В. Ниточкин // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : сб. докл. XIV Моск. юрид. нед.: в 6 ч. – Москва, 2025. – Ч. 3 – С. 161–165.

212. Ниточкин, Ф. В. Искусственный интеллект и будущее электоральной демократии / Ф. В. Ниточкин // Избирательное законодательство и практика. – 2025. – № 2. – С. 27–30.

213. Ниточкин, Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием в механизме обеспечения избирательных прав граждан / Ф. В. Ниточкин // Гражданин. Выборы. Власть. – 2024. – № 2 (32). – С. 62–76.

214. Ниточкин, Ф. В. Общественное наблюдение за голосованием на выборах и референдумах как фактор формирования электоральной правовой культуры / Ф. В. Ниточкин // Избирательное законодательство и практика. – 2025. – № 3. – С. 15–18.

215. Ниточкин, Ф. В. Применение универсальных стандартов наблюдения за голосованием на выборах и референдумах в условиях кризиса международного права / Ф. В. Ниточкин // Евразийский вектор развития России: интеграции и юрисдикции: сб. науч. ст. по материалам III Всерос. нед. теории государства и права / под ред. А. В. Корнева, А. Б. Козыревой. – Москва : Изд. центр Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2025. – С. 46–51.

216. Ниточкин, Ф. В. Проблема легитимности в политико-правовых учениях и избирательное право / Ф. В. Ниточкин // Гражданин. Выборы. Власть. – 2023. – № 2 (28). – С. 29–37.

217. Ниточкин, Ф. В. Развитие института международного наблюдения за голосованием: от вмешательства в избирательные процессы к уважению государственного суверенитета / Ф. В. Ниточкин // Избирательное законодательство и практика. – 2023. – № 1. – С. 9–13.

218. Ниточкин, Ф. В. 20 лет Общественной палате Российской Федерации: прошлое, настоящее, будущее / Ф. В. Ниточкин, В. А. Чумаков // Гражданин. Выборы. Власть. – 2025. – № 2 (36). – С. 78–94.

219. Ниточкин, Ф. В. Правовые и практические проблемы определения субъектов общественного контроля в Российской Федерации / Ф. В. Ниточкин, В. А. Чумаков // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2025. – № 3. – С. 2–6.

220. Ниточкин, Ф. В. «Мягкая сила», «цветная революция» и гибридная война: публичная дипломатия vs политическая технология / Ф. В. Ниточкин // Дипломатическая служба. – 2023. – № 3. – С. 207-224.

221. Ниточкин, Ф. В. Фейки о выборах как угроза национальной

безопасности / Ф. В. Ниточкин // Информационная безопасность: вызовы и решения : бюллетень II Международной молодежной конференции (сборник тезисов) / отв. ред. А. Ж. Мартиросян, Р. Н. Шангараев ; Дипломатическая академия МИД России. – Москва, 2025. – С. 172–178.

222. Ниточкин Ф. В. Легитимность власти в условиях цифровизации государственного и муниципального управления // Бюллетень III Международной молодежной конференции по информационной безопасности (сборник тезисов) / отв. ред. А. Ж. Мартиросян, С. А. Себекин ; Дипломатическая академия МИД России. – М., 2026. – С. 225–231.

223. Новгородцев, П. И. Необходимость пробуждения сил религиозных и национальных / П. И. Новгородцев // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – Москва, 1991. – С. 640.

224. Общественный контроль в конституционном праве : монография / отв. ред. А. Е. Постников. – Москва : Проспект, 2024. – 208 с.

225. Общественный контроль на выборах : учебное пособие / под общ. ред. В. В. Полянского, И. Б. Борисова. – Москва : Бахрах-М, 2015. – 184 с.

226. Овчинников, В. А. Правовая структура электронного голосования в системе электронной демократии / В. А. Овчинников, Я. В. Антонов // Российская юстиция. – 2016. – № 5. – С. 5–8.

227. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва : А ТЕМП, 2006. – 944 с.

228. Ольшанский, Д. В. Политико-психологический словарь / Д. В. Ольшанский. – Москва : Акад. проект, 2002. – 573 с.

229. Павлова, Т. В. Делиберация как фактор конституирования поля современной политики / Т. В. Павлова // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 73–94.

230. Памфилова, Э. А. Биография Центральной избирательной комиссии Российской Федерации: промежуточные итоги / Э. А. Памфилова // Гражданин. Выборы. Власть. – 2023. – № 4 (30). – С. 11–18.

231. Парамонова, О. В. Основные этапы институционализации общественного контроля за выборами в Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2025. — С. 14–27.

232. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – Москва : Российская политическая

энциклопедия, 2010. – 800 с.

233. Пивень, П. В. Цифровое рабство или Электронный рай? / П. В. Пивень // Век глобализации. – 2018. – № 2. – С. 107–113.

234. Пирожок, С. С. Роберт фон Моль о социальной политике правового государства / С. С. Пирожок // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 2. – С. 82–101.

235. Плигин, В. Н. Вопросы формирования легитимного порядка в представлении Т. Парсонса и современные проблемы легитимации государства и права / В. Н. Плигин // История государства и права. – 2020. – № 11. – С. 38–46.

236. Плигин, В. Н. Понимание легитимности Ю. Хабермасом и отдельные вопросы практики функционирования государства и права (часть 1) / В. Н. Плигин // История государства и права. – 2020. – № 8. – С. 10–18.

237. Плигин, В. Н. Гарантии права быть избранным как фактор легитимности власти / В. Н. Плигин, Я. Д. Авилов // Государство и право. – 2020. – № 1. – С. 62–71.

238. Плигин, В. Н. Этапы развития избирательного законодательства в Российской Федерации / В. Н. Плигин // Гражданин. Выборы. Власть : научно-аналитический журнал. Приложение к журналу «Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации». – 2014. – № 2. – С. 3–38.

239. Полянский, В. В. Современный политический процесс и выборы: проблемы гармонизации публичных и частных интересов / В. В. Полянский // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11/1 (122). – С. 142–154.

240. Полянский, В. В. Легитимность и легальность публичной власти в конституционных параметрах / В. В. Полянский // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. № 4. – С. 7–12.

241. Полянский, В. В. Конституционные гарантии государственной целостности и единства системы государственной власти: правовое и политическое содержание / В. В. Полянский // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т. 18. № 5. – С. 16-22.

242. Полянский, В. В. Методы и принципы гармонизации публичной власти / В. В. Полянский // Lex Russica. – 2015. – № Т. CVIII, № 10. – С. 32-45.

243. Постников А. Е. Органы публичной власти как участники избирательного процесса / А. Е. Постников // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25, № 7. — С. 31—40.

244. Пушкарева, Г. В. Избирательная кампания: как это делается / Г. В.

Пушкарева // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 2. – С. 267–285.

245. Реут, Д. А. Избирательный процесс как правовой механизм реализации народного суверенитета / Д. А. Реут // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. – 2017. – № 1. – С. 13–20.

246. Римский, В. Л. Клиентелизм как фактор электорального поведения российских граждан / В. Л. Римский // Решение есть всегда : сб. тр. Фонда ИНДЕМ / ред.-сост.: Г. Сатаров, Д. Шмерлинг, Т. Кузнецова. – Москва : Фонд ИНДЕМ, 2001. – С. 251–259.

247. Робеспьер, М. Революционная законность и правосудие : статьи и речи / М. Робеспьер ; пер. с фр. Н. Лапшиной ; под ред. и с предисл. А. Герцензона. – Москва : Госюриздат, 1959. – 275 с.

248. Российское общество и вызовы времени. Кн. 4 / М.К. Горшков [и др.] ; под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. — М. : Весь Мир, 2016. — 400 с.

249. Российская правовая политика : курс лекций / Афанасьев С. Ф., Беляев В. П., Вавилин В. П. [и др.] ; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько ; Рос. акад. наук, Сарат. фил. Ин-та государства и права, Сарат. гос. акад. права. – Москва : НОРМА, 2003. – 520 с.

250. Садекова, Г. У. Перспективы развития электронного голосования: совершенствование законодательства в условиях сближения международного и внутригосударственного права / Г. У. Садекова, Е. А. Токарева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 4. – С. 28–32.

251. Сидорова, Е. В. Теоретические основы комплексного правового регулирования : монография / Е. В. Сидорова. – Москва : Юстиция, 2017. – 245 с.

252. Сборник конкурсных работ в области избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов в органы государственной власти, органы местного самоуправления в Российской Федерации и участников избирательных кампаний. – Москва : РЦОИТ, 2025. – 240 с.

253. Скокова, Ю. А. Наблюдатели на выборах в России / Ю. А. Скокова // Социологические исследования. – 2015. – № 10. – С. 57–63.

254. Синюков, В. Н. Цивилизационная природа европейской правовой культуры / В. Н. Синюков, С. В. Синюков // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 12 (169). – С. 11–24.

255. Солина, Е. А. Электронная демократия как идеологическая база цифровизации государственного управления: противоречия / Е. А. Солина //

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 274–282.

256. Сурков, В. Национализация будущего / В. Сурков // Эксперт. – 2006. – № 43 (537).

257. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. С. С. Алексеева. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2021. – С. 266–280.

258. Бессетт, Дж. М. Тихий голос разума : делиберативная демократия и американская система государственной власти / Дж. М. Бессетт ; [пер. с англ. Ю. Шпакова]. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 335 с.

259. Трубецкой, Н. С. Об идее-правительнице идеократического государства / Н. С. Трубецкой // Трубецкой Н. С. Избранное. – Москва : РОССПЭН, 2010. – С. 523–528.

260. Устинкин, С. В. Оценка воздействия неправительственных организаций на избирательный процесс в России / С. В. Устинкин, Е. К. Рудакова, Д. С. Эминов // Власть. – 2016. – № 7. – С. 28–35.

261. Федоров, В. И. Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом / В. И. Федоров // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2022. – № 4. – URL: www.evestnik-mgou.ru

262. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко ; Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. – Москва : Праксис, 2002. – 311 с.

263. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – Москва : Наука, 2001. – 417 с.

264. Хабермас, Ю. К разуму публичной сферы / Ю. Хабермас // Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. – Москва, 2012. – С. 105–110.

265. Харичев, А. Д. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 9–19.

266. Хайек, Ф. А. Дорога к рабству / Ф. А. Хайек ; пер. с англ. ; предисл. Н. Я. Петракова. – Москва : Экономика, 1992. – 176 с.

267. Хелд, Д. Модели демократии / Д. Хелд ; пер. с англ. М. Рудакова. – Москва : Изд. дом Дело РАНХиГС, 2014. – 544 с.

268. Честнов, И. Л. Легитимность как признак права / И. Л. Честнов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2019. – № 1. – С. 32–38.

269. Чичерин, Б. Н. Философия права. Избранные сочинения / Б. Н. Чичерин. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 371 с.

270. Чистобородов, И. Г. Власть, легитимность, суверенитет — необходимые компоненты государственной безопасности / И. Г. Чистобородов // Избирательное законодательство и практика. – 2025. – № 1. – С. 18–23.

271. Чумаков, В. А. Дистанционное электронное голосование: между личным удобством и общественной безопасностью / В. А. Чумаков, Ф. В. Ниточкин // Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности : сб. докл. участников XVII междунар. форума. – Москва, 2023. – С. 100–107.

272. Чумаков, В. А. Общественное наблюдение за дистанционным электронным голосованием: на пути к цифровой демократии / В. А. Чумаков, Ф. В. Ниточкин // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. : в 6 т. – Казань, 2023. – Т. 1 – С. 319–325.

273. Шидловский, А. В. Электоральная юстиция Республики Колумбия / А. В. Шидловский // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 4. – С. 85–91.

274. Шидловский, А. В. Электоральная коррупция в контексте конституционного права. Некоторые и частичные аспекты в законодательстве России и США / А. В. Шидловский, В. Воловой // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 3. – С. 59–69.

275. Шмитт, К. Государство: Право и политика / К. Шмитт. – Москва : Территория будущего, 2013. – 448 с.

276. Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт ; Ин-т социологии РАН [и др.]. – Москва : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. – 333 с.

277. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 35–67.

278. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер ; пер. с англ. ; предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. – Москва : Экономика, 1995. – 540 с.

279. Эбзеев, Б. С. Конституционный правопорядок и основные права: юридическая природа и особенности государственной защиты (о методологии научного поиска) / Б. С. Эбзеев // Государство и право. – 2016. – № 10. – С. 5–18.

280. Эбзеев, Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство:

доктринальные основы и конституционная практика / Б. С. Эбзеев // Государство и право. – 2016. – № 4. – С. 5–16.

281. Эрме, Г. Авторитаризм / Г. Эрме // Политология вчера и сегодня. Выпуск 3. – Москва, 1991. – С. 181 – 206.

282. Юсубов, Э. С. Правовая культура в избирательном процессе Российской Федерации: теория и практика / Э. С. Юсубов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2020. – № 2 (16). – С. 9–23.

283. Якимец, В. Н. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления / В. Н. Якимец, Л. И. Никовская // Власть. – 2018. – № 4. – С. 15–25.

## 2.2 Авторефераты диссертаций и диссертации

284. Авдийский, В. И. Механизм легитимации государственной власти: Историко-теоретическое исследование : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Авдийский Владимир Иванович. – Санкт-Петербург, 2002. – 342 с.

285. Бердникова, Е. В. Общественный контроль в конституционно-правовом взаимодействии публичной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Бердникова Елена Валерьевна. – Саратов, 2022. – 53 с.

286. Гаджиева, А. О. Активное избирательное право в условиях применения цифровых технологий (на примере города Москвы) : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.2. / Гаджиева Асият Омариевна. – Москва, 2023. – 291 с.

287. Грищенко, Г. А. Механизм легитимации государственной власти в современной России: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Грищенко Галина Александровна. – Москва, 2012. – 32 с.

288. Дибиров, А.-Н. З. Легитимность власти и политический режим : дис. … д-ра полит. наук : 23.00.01 / Дибиров Абдул-Насир Зирарович. – Москва, 2002. – 312 с.

289. Дубровина, Ю. Я. Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан в условиях применения современных избирательных технологий в России : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.2. / Дубровина Юлия Ярославовна. – Саратов, 2023. – 234 с.

290. Егоров, С. Н. Институционализация избирательного процесса в политической системе Российской Федерации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Егоров Сергей Николаевич. – Москва, 2012. – 50 с.

291. Заславский, С. Е. Институционализация многопартийности

современной России: генезис, механизм формирования, перспективы : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Заславский Сергей Евгеньевич. – Москва, 1995. – 156 с.

292. Заславский, С. Е. Политические партии России : Процесс правовой институционализации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Заславский Сергей Евгеньевич. – Москва, 2004. – 48 с.

293. Киреев, К. П. Институт наблюдения в публично-правовых отношениях : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 5.1.2 / Киреев Константин Петрович. – Белгород, 2025. – 23 с.

294. Корнев, А. В. Консервативная и либеральная теории государства и права в России: XIX - начало XX вв. : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Корнев Аркадий Владимирович. – Москва, 2004. – 428 с.

295. Косолапов, М. Ф. Конституционный правопорядок России и международно-правовые стандарты: пределы и механизм рецепции : дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.2 / Косолапов Михаил Федорович. – Саратов, 2024. – 499 с.

296. Кучеренко, П. А. Реализация международных избирательных стандартов в правовой системе Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кучеренко Павел Александрович. – Москва, 2007. – 167 с.

297. Лисина, Н. С. Административно-правовое регулирование общественного контроля в условиях цифровизации : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.2 / Лисина Наталия Сергеевна. – Москва, 2023. – 188 с.

298. Лопатин, А. И. Конституционный концепт народного суверенитета в России и избирательные права граждан в эпоху цифровизации : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.2 / Лопатин Антон Игоревич. – Москва, 2023. – 195 с.

299. Луговцов, М. М. Электоральный протест в современной России: сущность, проявления, динамика (на примере Свердловской области) : дис. … канд. полит. наук : 5.5.2 / Луговцов Михаил Михайлович. – Екатеринбург, 2024. – 162 с.

300. Мазуревский, К. С. Институт предварительного голосования в системе гарантий свободного волеизъявления избирателей : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 5.1.2 / Мазуревский Кирилл Сергеевич. – Москва, 2025. – 36 с.

301. Мозгунова, Е. А. Становление и развитие избирательной системы Российской Федерации в контексте эволюции норм электорального законодательства : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Мозгунова Елена Анатольевна. – Нижний Новгород, 2006. – 30 с.

302. Плигин, В. Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Плигин Владимир Николаевич. – Москва, 2022. – 438 с.

303. Ржановский, В. А. Правовое регулирование и система дистанционного электронного голосования в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 5.1.2 / Ржановский Валерий Александрович. – Москва, 2024. – 205 с.

304. Танимов, О. В. Теория юридических фикций : дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.1 / Танимов Олег Владимирович. – Москва, 2024. – 438 с.

305. Трущалова, Т. О. Дистанционное электронное голосование в системе прямого народовластия в России : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.2 / Трущалова Татьяна Олеговна. – Москва, 2024. – 202 с.

306. Чистобородов, И. Г. Государственное управление избирательным процессом в Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Чистобородов Илья Геннадьевич. – Москва, 2021. – 508 с.

### 2.3. Зарубежная литература

307. Adler, E. The Epistemological Challenge of Truth Subversion to the Liberal International Order / E. Adler // International Organization. – 2021. – Vol. 75, No. 2. – P. 359–386.

308. Almond, G. A. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / G. A. Almond, S. Verba. – Boston ; Toronto : Little, Brown and Company, 1965. – 379 p.

309. Beetham, D. Max Weber and the Theory of Modern Politics / D. Beetham. – L. : George Allen & Unwin Ltd, 1974. – 250 p.

310. Cooley, A. Exit from Hegemony: The Unraveling of the American Global Order / A. Cooley, D. Nexon. – New York : Oxford University Press, 2020. – 258 p.

311. Crozier, M. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission / M. Crozier, S. P. Huntington, J. Watanuki. – N. Y. : New York University Press, 1975. – 220 p.

312. Diamond, L. Is the Third Wave Over? / L. Diamond // Journal of Democracy. – 1996. – Vol. 7, No. 3. – P. 20–37.

313. Diamond L. Developing Democracy: Toward Consolidation / L. Diamond. — Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press, 1999. — xv, 362 p.

314. Easton, D. A Systems Analysis of Political Life / D. Easton. – New York : Wiley, 1965. – 507 p.

315. Farrell, H. The Janus Face of the Liberal International Information Order: When Global Institutions Are Self-Undermining / H. Farrell // International Organization. – 2021. – Vol. 75, No. 2. – P. 333–358.

316. Gaxie, D. Les logiques du recrutement politique / D. Gaxie // Revue française de science politique. – 1980. – Vol. 30, No. 1. – P. 5–45.

317. Goddard, S. E. Embedded Revisionism: Networks, Institutions, and Challenges to World Order / S. E. Goddard // International Organization. – 2018. – Vol. 72, No. 4. – P. 763–797.

318. Goodman N. Reducing the Cost of Voting: An Evaluation of Internet Voting's Effect on Turnout / N. Goodman, C. L. Stokes // British Journal of Political Science. — 2020. — Vol. 50, № 3. — P. 1155–1167.

319. Habermas, J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / J. Habermas. – Cambridge, MA : The MIT Press, 1996. – 631 p.

320. Hyde, S. D. Information and Self-Enforcing Democracy: The Role of International Election Observation / S. D. Hyde // International Organization. – 2014. – Vol. 68, No. 2. – P. 329–359.

321. Łabuz, M. On the way to deep fake democracy? Deep fakes in election campaigns in 2023 / M. Łabuz, C. Nehring // European Political Science [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://doi.org/10.1057/s41304-024-00482-9 (дата обращения: 15.03.2025).

322. Michels, R. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy / R. Michels. – Glencoe, IL : The Free Press, 1949. – 416 p.

323. Norris P. Why Electoral Integrity Matters / P. Norris. — New York : Cambridge University Press, 2014. — 297 p.

324. Schmitt, C. Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty / C. Schmitt ; Transl. by G. Schwab. – Chicago : University of Chicago Press, 2006. – 78 p.

325. Schedler A. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by A. Schedler. — Boulder, CO ; London : Lynne Rienner Publishers, 2006. — 264 p.

326. Sleat, M. Legitimacy in Realist Thought: Between Moralism and Realpolitik / M. Sleat // Political Theory. – 2014. – Vol. 42, No. 3. – P. 314–337.

327. Solvak M. Could Internet Voting Halt Declining Electoral Turnout? New Evidence That E-Voting Is Habit Forming / M. Solvak, K. Vassil // Policy & Internet. — 2018. — Vol. 10, № 1. — P. 4–21.

328. Walker, C. Vote of the Living Dead / C. Walker, A. Cooley // ForeignPolicy.com [Электронный ресурс]. – 2013. – 31 October. – URL:

https://foreignpolicy.com/2013/10/31/vote-of-the-living-dead/ (дата обращения: 15.03.2025).

329. Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven, CT, and London, UK: Yale University Press, 2005. — 332 p.

### 3. Интернет-ресурсы

330. About Freedom in the World. List of Electoral Democracies, FIW (1989-2016) [Электронный ресурс] // Freedom House. – Режим доступа: https://freedomhouse.org/report-types/freedom-world (дата обращения: 15.12.2025).

331. Country-by-Country Results So Far in the World's Biggest-Ever Election Year [Электронный ресурс] // Time. – Режим доступа: https://time.com/6991526/world-elections-results-2024/ (дата обращения: 15.12.2025).

332. Electoral Justice: The International IDEA Handbook [Электронный ресурс]. – Stockholm : International IDEA, 2010. – Режим доступа: https://www.idea.int/publications/catalogue/electoral-justice-international-idea-handbook (дата обращения: 15.12.2025).

333. How Many Use The Internet in 2025 (Statistics) [Электронный ресурс] // Demandsage. – Режим доступа: https://www.demandsage.com/internet-user-statistics/ (дата обращения: 15.12.2025).

334. How worried should you be about AI disrupting elections? [Электронный ресурс] // The Economist. – 2023. – August 31. – Режим доступа: https://www.economist.com/leaders/2023/08/31/how-artificial-intelligence-will-affect-the-elections-of-2024 (дата обращения: 15.12.2025).

335. International IDEA election cycle diagram. Схема избирательного цикла [Электронный ресурс] // Международный институт демократии и содействия выборам. – Режим доступа: http://www.idea.int/elections/eea/ (дата обращения: 15.12.2025).

336. ODIHR Needs Assessment Mission Report : 31 May-4 June 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/0/f/491066.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

337. The Electoral Integrity Project [Электронный ресурс] : офиц. сайт / Department of Government and International Relations, University of Sydney. – Sydney, 2019. – Режим доступа: http://www.electoralintegrityproject.com (дата обращения: 01.02.2025)

338. What can be done to arrest the trend of democratic decline worldwide? : In Focus podcast [Электронный ресурс] // The Hindu. – 2024. – 28 August. – Режим доступа: https://www.thehindu.com/podcast/what-can-be-done-to-arrest-the-trend-of-

democratic-decline-worldwide-in-focus-podcast/article68663648.ece (дата обращения: 15.03.2025).

339. Андрей Фурсов: операция «Великий отъем» начинается [Электронный ресурс] // Бизнес Online. – 2024. – 17 апр. – Режим доступа: https://www.business-gazeta.ru/article/630168 (дата обращения: 15.12.2025).

340. Александр Харичев из администрации президента написал статью об образе будущего России [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2022. – 7 нояб. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5651860 (дата обращения: 15.12.2025).

341. Артамонов, О. Н. Бюллетень с защитой от начальника [Электронный ресурс] / О. Н. Артамонов // Коммерсантъ. – 2025. – 2 сент. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8008016 (дата обращения: 28.12.2025).

342. В МВД заявили о снижении числа сообщений о нарушениях на выборах [Электронный ресурс] // Парламентская газета. – Режим доступа: https://www.pnp.ru/politics/v-mvd-zayavili-o-snizhenii-chisla-soobshheniy-o-narusheniyakh-na-vyborakh.html (дата обращения: 15.12.2025).

343. Владимир Жириновский предсказал отмену президентских выборов в России [Электронный ресурс] // Новые известия. – Режим доступа: https://nversia.ru/news/vladimir-zhirinovskiy-predskazal-otmenu-prezidentskih-vyborov-v-rossii/ (дата обращения: 15.12.2025).

344. Встреча с членами Общественной палаты [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63567 (дата обращения: 15.12.2025).

345. Выборы 2012 [Электронный ресурс] // Блог Общественной палаты РФ. – Режим доступа: https://oprf.livejournal.com/96293.html (дата обращения: 15.12.2025).

346. Выборы в Государственную думу Российской Федерации 1995 [Электронный ресурс] / А. В. Иванченко // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа: https://bigenc.ru/c/vybory-v-gosudarstvennuiu-dumu-rossiiskoi-federatsii-1995-2a0bde (дата обращения: 15.12.2025).

347. Выборы в России: участие, легитимность, доверие [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-rossii-uchastie-legitimnost-doverie (дата обращения: 15.12.2025).

348. Выборы в российских регионах: легитимность, доверие, нарушения [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-rossiiskikh-regionakh-legitimnost-doverie-

narushenija (дата обращения: 15.12.2025).

349. Выборы Президента РФ-2024: оценка результатов [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-prezidenta-rf-2024-ocenka-rezultatov (дата обращения: 15.12.2025).

350. Выборы: легитимность, доступность, цифровизация [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-legitimnost-dostupnost-cifrovizacija (дата обращения: 15.12.2025).

351. Выступление Борисова И. Б., председателя Совета РОИИП на совещании ОБСЕ по вопросам рассмотрения выполнения обязательств, посвященное человеческому измерению (секция «Деятельность БДИПЧ ОБСЕ», Варшава, 9 октября 2006 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/9/d/21434.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

352. Газета.Ru [Электронный ресурс]. – 2024. – 31 окт. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/tech/News/2024/10/31/24278767.shtml (дата обращения: 15.12.2025).

353. Глава ЦИК на Сообществе подчеркнула значимость многослойного гражданского контроля за выборами [Электронный ресурс] // Ассоциация «Независимый общественный мониторинг». – Режим доступа: https://nom24.ru/info/events/glava-tsik-na-soobshchestve-podcherknula-znachimost-mnogosloynogo-grazhdanskogo-kontrolya-za-vyboram/ (дата обращения: 15.12.2025).

354. «Голос» отчитался о многочисленных нарушениях на выборах [Электронный ресурс] // Новые известия. – 2011. – 5 дек. – Режим доступа: https://newizv.ru/news/2011-12-05/golos-otchitalsya-o-mnogochislennyh-narusheniyah-na-vyborah-149994 (дата обращения: 15.12.2025).

355. «Гражданское общество и выборы’99» [Электронный ресурс] // Вестник благотворительности. – 1999. – № 4. – Режим доступа: https://a-z.ru/nkoinfo/period/vestnic_blag/4/17.htm (дата обращения: 15.12.2025).

356. Данные социологического опроса об отношении россиян к нейросетям [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2023. – 5 апр. – Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/_processed_/8/0/csm_4977_3fda8a1c74.jpg (дата обращения: 15.12.2025).

357. Декларация глобальных принципов непартийного наблюдения за выборами и мониторинга со стороны общественных организаций [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: https://gndem.org/ru/declaration-of-global-principles/ (дата обращения: 25.12.2025).

358. Делиберативная демократия [Электронный ресурс] / А. А. Шишкова // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа: https://bigenc.ru/c/deliberativnaia-demokratiia-11c314 (дата обращения: 15.12.2025).

359. Дипфейки стали политтехнологией [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2024. – 25 февр. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6531946 (дата обращения: 15.12.2025).

360. Доклад «Институционализация общественного контроля на российских выборах: этапы, формы и механизмы, перспективы развития» [Электронный ресурс] // Ассоциация «Независимый общественный мониторинг». – Режим доступа: https://nom24.ru/dok_lists/ (дата обращения: 15.12.2025).

361. Доклад «Эволюция избирательного законодательства в современной России» [Электронный ресурс] // Ассоциация «Независимый общественный мониторинг». – Режим доступа: https://nom24.ru/dok_lists/?PAGEN_1=3 (дата обращения: 15.12.2025).

362. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/documents/2019/06/11/a1701940-dok.html (дата обращения: 15.12.2025).

363. Доклады Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества за 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 годы [Электронный ресурс] // Общественная палата РФ. – Режим доступа: https://oprf.ru/activity_documents (дата обращения: 15.12.2025).

364. Долиев, М. Выборы 1995. Что запомнилось? [Электронный ресурс] / М. Долиев // LiveJournal. – Режим доступа: https://mikhail-doliev.livejournal.com/832300.html (дата обращения: 15.12.2025).

365. «Дорожная карта» по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/102/53/pdf/n2010253.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

366. Досрочные парламентские выборы в Белоруссии, 17 ноября 2019 года : [отчет] [Электронный ресурс] // ОБСЕ. – Режим доступа: https://www.osce.org/odihr/elections/belarus/429278 (дата обращения: 15.12.2025).

367. Дугин, А. Выборы не имеют никакого отношения к судьбе страны [Электронный ресурс] / А. Дугин // Изборский клуб. – Режим доступа: https://izborsk-club.ru/21683 (дата обращения: 15.12.2025).

368. Евросоюз инвестирует в создание ИИ 200 млрд евро [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2025. – 11 февр. – Режим доступа:

https://rg.ru/2025/02/11/evrosoiuz-investiruet-v-sozdanie-ii-200-mlrd-evro.html (дата обращения: 15.12.2025).

369. Единороссы решили использовать на выборах искусственный интеллект [Электронный ресурс] // РБК. – 2023. – 24 апр. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/24/04/2023/6442b5009a7947672f42b743 (дата обращения: 15.12.2025).

370. «За что вас могут посадить»: эсеры подготовили памятку для избиркомов [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2020. – 7 сент. – Режим доступа: https://ria.ru/20200907/vybory-1576881287.html (дата обращения: 15.12.2025).

371. Заявление о предварительных результатах и выводах Миссии по наблюдению за выборами, Республика Казахстан, внеочередные выборы Президента Республики Казахстан, 20 ноября 2022 г. [Электронный ресурс] // ОБСЕ. – Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/0/a/531809-en.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

372. Избирком Приморья признал недействительными итоги выборов губернатора [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2018. – 20 сент. – Режим доступа: https://rg.ru/2018/09/20/reg-dfo/izbirkom-primoria-priznal-nedejstvitelnymi-itogi-vyborov-gubernatora.html (дата обращения: 15.12.2025).

373. Институционализация общественного контроля на российских выборах: этапы, формы и механизмы, перспективы развития : доклад [Электронный ресурс] // Ассоциация «Независимый общественный мониторинг». – Режим доступа: https://nom24.ru/dok_lists/ (дата обращения: 15.12.2025).

374. Инструкция для наблюдателей [Электронный ресурс] / Партия «ЯБЛОКО». – Электрон. дан. – Москва, 2021. – Режим доступа: https://www.yabloko.ru/content/instruktsiya_dlya_nablyudatelej (дата обращения: 15.12.2025).

375. Как в России потратят 145 млрд рублей на развитие технологий искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // CNews. – 2024. – 9 февр. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/articles/2024-02-02_kak_v_rossii_potratyat_145_mlrd_rublej (дата обращения: 15.12.2025).

376. Как растет число голосующих против всех [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2005. – 15 нояб. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/626596 (дата обращения: 15.12.2025).

377. Китай решил вложить 138 млрд долларов в ИИ в ответ на проект из США StarGate [Электронный ресурс] // Взгляд : деловая газета. – 2025. – 27 янв. – Режим доступа: https://vz.ru/news/2025/1/27/1311042.html (дата обращения: 15.12.2025).

378. Кравченко, О. А. Понятие и виды процессуальных гарантий обеспечения достоверности волеизъявления народа при голосовании [Электронный ресурс] / О. А. Кравченко // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2018. – № 4 (июль–август). – Режим доступа: https://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/Кравченко%20О.%20А..pdf (дата обращения: 15.12.2025).

379. Крупнейшие IT-компании потратят на ИИ более $320 млрд за год [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2025. – 7 февр. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7494932 (дата обращения: 15.12.2025).

380. Лучшие и популярные нейросети определили следующего президента США [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2024. – 31 окт. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/10/31/24278767.shtml (дата обращения: 15.12.2025).

381. Лысенко, В. И. Реализация избирательных прав граждан Российской Федерации в контексте международных избирательных стандартов [Электронный ресурс] / В. И. Лысенко // Материалы международной конференции «Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов». – М., 2006. – Режим доступа: http://www.vibory.ru/Publikat/RVKMIS/lys-vi.htm (дата обращения: 15.12.2025).

382. Лысенко, В. И. Электронное голосование избирателей на выборах и референдумах: зарубежный опыт [Электронный ресурс] / В. И. Лысенко. – М. : Российский фонд свободных выборов, 2022. – 4 февр. – Режим доступа: https://rfsv.ru/education/informirovanie/elektronnoe-golosovanie-izbiratelei-na-vyborakh-i-referendumakh-zarubezhnyi-opyt (дата обращения: 15.12.2025).

383. Лукин, М. Тайна либеральной демократии [Электронный ресурс] / М. Лукин // Завтра.ру. – 2014. – 19 апр. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/tajna-liberalnoj-demokratii (дата обращения: 15.12.2025).

384. МВД и Следственный комитет представили Президенту промежуточный доклад о нарушениях в ходе избирательной кампании и голосования на выборах в Государственную Думу [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/14076 (дата обращения: 15.12.2025).

385. Международное наблюдение Общественной палаты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oprf.ru/detail_project/43 (дата обращения: 15.12.2025).

386. Наблюдатели предотвратили две провокации с зеленкой на избирательных участках [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2024. – 16 марта. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/20253033 (дата обращения: 30.12.2025).

387. Наблюдатели на выборах президента России будут работать в 10 странах мира [Электронный ресурс] // Дзен : [платформа]. — 15 марта 2024. — URL: https://dzen.ru/a/ZfQnSU2FPk41Znr- (дата обращения: 19.02.2026).

388. Наблюдатель (цифровой продукт) : алгоритм действий в рамках Единого дня голосования – 2025 [Электронный ресурс] : руководство для уполномоченных лиц. – Режим доступа: https://nabludatel-info.ru/faq (дата обращения: 12.09.2025).

389. Наблюдение за выборами. Руководство для индивидуальных наблюдателей [Электронный ресурс]. – М., 1999. – Режим доступа: https://indem.ru/idd2000/metodichki/Election_Observing.htm (дата обращения: 15.12.2025).

390. Названы самые ожидаемые фейки на нынешних выборах [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2023. – 8 сент. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2023/09/08/feiks/ (дата обращения: 15.12.2025).

391. Направления на выборах президента РФ получили более 333 тысяч наблюдателей [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2024. – 15 марта. – Режим доступа: https://rg.ru/2024/03/15/napravleniia-na-vyborah-prezidenta-rf-poluchili-bolee-333-tysiach-nabliudatelej.html (дата обращения: 15.12.2025).

392. «Негражданство»: модели преодоления электорального абсентеизма и повышения ответственности гражданского выбора [Электронный ресурс]. – Москва : Экспертный институт социальных исследований (ЭИСИ). – Режим доступа: https://eisr.ru/upload/iblock/e6f/e6f24edda3e25370cf5a183597fdcb8d.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

393. Необходимо распространить общественное наблюдение на все стадии выборов – член СПЧ [Электронный ресурс] // Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. – Режим доступа: https://www.president-sovet.ru/presscenter/press/neobkhodimo_rasprostranit_obshchestvennoe_nablyudenie_na_vse_stadii_vyborov_chlen_spch/ (дата обращения: 15.12.2025).

394. Общественники отметили сокращение случаев подтвержденных нарушений на выборах [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/21817443 (дата обращения: 15.12.2025).

395. Общественные палаты направили в ТИКи сведения по 156 300 наблюдателям [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2024. – 14 марта. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/03/14/1025343-obschestvennie-palati-napravili (дата обращения: 15.12.2025).

396. Общественные слушания «Иски в защиту прав неопределенного круга лиц: смогут ли общественные палаты обращаться в суд?» [Электронный ресурс] //

Агентство социальной информации. – 2020. – 30 янв. – Режим доступа: https://asi.org.ru/event/2020/01/27/moskva-sud-zashhita-prava-svobody-iski-obshhestvennyj-kontrol/ (дата обращения: 15.12.2025).

397. ОП РФ и представители политических партий подписали соглашение о сотрудничестве [Электронный ресурс] // Первый канал. – 2024. – 1 февр. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2024-02-01/470035-op_rf_i_predstaviteli_politicheskih_partiy_podpisali_soglashenie_o_sotrudnichestve (дата обращения: 15.12.2025).

398. ОП РФ направила более 146 тыс. наблюдателей на выборы президента [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2018. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/5040741 (дата обращения: 30.12.2025).

399. ОП хочет расширить свои полномочия в области оценки качества соцуслуг [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2019. – 9 дек. – Режим доступа: https://ria.ru/20191209/1562132794.html (дата обращения: 15.12.2025).

400. Ответственность за защиту : отчет Международной комиссии по вмешательству и государственному суверенитету [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: http://www.iciss.ca/report2-en.asp (дата обращения: 15.12.2025).

401. Памфилова рассказала о хакерских атаках на ресурсы избирательной системы [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2023. – 10 сент. – Режим доступа: https://ria.ru/20230910/vybory-1895409867.html (дата обращения: 15.12.2025).

402. Памятка наблюдателя на выборах [Электронный ресурс] // Официальный сайт Красноярского регионального отделения ЛДПР. – Режим доступа: https://krasnoyarsk.ldpr.ru/event/302032 (дата обращения: 15.12.2025).

403. Памятка участника наблюдения в УИК на выборах Президента. 14 сентября 2025 г. город Москва (для УИК без КОИБ) [Электронный ресурс] // КПРФ. – Режим доступа: https://kprf.ru/m/att/2025/08/pamiatka_uik_s_koib_2025.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

404. Памятка участника наблюдения в УИК на выборах Президента. 17 марта 2024 г. город Москва (для УИК без КОИБ) [Электронный ресурс] // КПРФ. – Режим доступа: https://kprf.ru/m/att/2024/03/pamiatka_uik_moskva_bez_koib_mart_2024.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

405. Парламентарии СНГ одобрили проект Рекомендаций по противодействию иностранному вмешательству в выборы [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал СНГ. – Режим доступа: https://e-cis.info/news/564/103475/ (дата обращения: 15.12.2025).

406. Перечень контрольных соотношений данных, внесенных в протокол об

итогах голосования [Электронный ресурс] // Энциклопедия избирательного права. – Режим доступа: https://www.nablawiki.ru/index.php/Контрольные_соотношения (дата обращения: 15.12.2025).

407. Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории [Электронный ресурс] / Г. В. Плеханов. – Режим доступа: http://rummuseum.info/node/5085 (дата обращения: 15.12.2025).

408. Политическая ответственность. Теоретические основы и избранные аспекты современных политических практик : доклад Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования [Электронный ресурс] / [А. В. Каменский ; отв. за вып. О. А. Середкина ; ред. Ю. Е. Мешков]. – Москва, 2013. – Режим доступа: https://www.academia.edu/10889890/ (дата обращения: 15.12.2025).

409. Политические и миротворческие инициативы ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dppa.un.org/en/elections (дата обращения: 15.12.2025).

410. Политический Алгоритм ИИ «Жириновский» : официальный Telegram-канал ЛДПР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/zhirinovsky_II (дата обращения: 15.12.2025).

411. Положение о порядке назначения наблюдателей от Общественной палаты Российской Федерации… [Электронный ресурс] : утв. решением Совета Общественной палаты РФ от 12 авг. 2022 г. № 192-С. – Режим доступа: https://files.oprf.ru/storage/documents/polozhenie-nbalydateli-29082022-11.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

412. Поппер, К. Открытое общество и его враги : в 2 т. [Электронный ресурс] / К. Поппер ; пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – Москва : Феникс : Междунар. фонд «Культур. инициатива», 1992. – Режим доступа: https://textarchive.ru/c-1205377.html (дата обращения: 15.12.2025).

413. Пособие для наблюдателей на выборах [Электронный ресурс] / Совет Европы. – 1996. – Режим доступа: https://spb-elections.ru/dokuments/standarts/osce/24679.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

414. Почему искусственный интеллект может оказаться опаснее атомной бомбы [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2020. – 3 марта. – Режим доступа: https://rg.ru/2020/03/03/pochemu-iskusstvennyj-intellekt-mozhet-okazatsia-opasnee-atomnoj-bomby.html (дата обращения: 15.12.2025).

415. Проект декларации ООН о принципах международного наблюдения за выборами и референдумами // Итоговые документы мероприятий, проведенных под эгидой МПА СНГ : официальный сайт. — URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/itogovie_dokumenti_meropriyatij (дата обращения: 23.02.2026).

416. Протокол ЦИК РФ о результатах выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ второго созыва [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия РФ. – Режим доступа: https://www.archivesite.cikrf.ru/ (дата обращения: 15.12.2025).

417. Публикации БДИПЧ ОБСЕ, касающиеся выборов [Электронный ресурс] // ОБСЕ. – Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/5/9/78697.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

418. Путин, В. В. Демократия и качество государства [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Коммерсантъ. – 2012. – 6 февр. – № 20/П (4805). – С. 1. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/1866753 (дата обращения: 15.12.2025).

419. Путин поддержал идею распространить общественное наблюдение на все стадии выборов [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2022. – 7 дек. – Режим доступа: https://rg.ru/2022/12/07/putin-podderzhal-ideiu-rasprostranit-obshchestvennoe-nabliudenie-na-vse-stadii-vyborov.html (дата обращения: 15.12.2025).

420. Работаем в соответствии с международными стандартами. Руководство для внутренних наблюдателей за выборами [Электронный ресурс] / Совет Европы. – Страсбург ; Тбилиси, 2013. – Режим доступа: https://rm.coe.int/168059798d (дата обращения: 15.12.2025).

421. Расширяется доступ общественников к работе избирательных комиссий в России [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/24952537 (дата обращения: 21.09.2025).

422. Резолюция международной научно-практической конференции «30 лет международного наблюдения за выборами в СНГ: опыт и практические результаты», Санкт-Петербург, 21 ноября 2024 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iacis.ru/public/upload/files/2/1266.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

423. «Результаты определить невозможно». ЦИК выступил за отмену итогов выборов в Приморье [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/5582726 (дата обращения: 15.12.2025).

424. Рекомендации по анализу законодательной базы выборов [Электронный ресурс] / БДИПЧ ОБСЕ. – 2-е изд. – Варшава, 2018. – 124 с. – Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/3/9/383718.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

425. Руководство для внутренних наблюдателей за выборами [Электронный ресурс] / ОБСЕ/БДИПЧ. – 2003. – Режим доступа: https://www.osce.org/ru/odihr/elections/70289 (дата обращения: 15.12.2025).

426. Руководство по наблюдению за выборами [Электронный ресурс] / БДИПЧ ОБСЕ. – 6-е изд. – Варшава, 2010. – Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/5/9/78697.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

427. С какой стороны подойти к урне? или Библиотека российского избирателя [Электронный ресурс] // Учительская газета. – Режим доступа: https://ug.ru/s-kakoj-storony-podojti-k-urne-ili-biblioteka-rossijskogo-izbiratelya/ (дата обращения: 15.12.2025).

428. Самиев, П. Три угрозы цифрового рабства [Электронный ресурс] / П. Самиев // Ведомости. – 2020. – 26 нояб. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/11/26/848303-tri-ugrozi-tsifrovogo-rabstva (дата обращения: 15.12.2025).

429. Суринская, Я. Преследовать за нарушения на выборах стали чаще : число уголовных дел по сравнению с прошлой кампанией выросло почти в пять раз [Электронный ресурс] / Я. Суринская // Ведомости. – 2024. – 19 марта. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/03/19/1026485-presledovat-za-narusheniya (дата обращения: 29.12.2025).

430. Свод рекомендуемых норм при проведении выборов [Электронный ресурс] / Венецианская комиссия. – 2002. – Режим доступа: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2002)023rev2-cor-rus (дата обращения: 15.12.2025).

431. Теоремы недоброжелателя, или Гороскоп Ньютона [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2008. – 20 мая. – Режим доступа: https://www.ng.ru/ng_politics/2008-05-20/17_newton.html (дата обращения: 15.12.2025).

432. «Ужасающе реалистичные»: в президентской гонке в США участвуют дипфейки [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2023. – 14 авг. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18505371 (дата обращения: 15.12.2025).

433. Фуко, М. Политическая технология индивидов [Электронный ресурс] / М. Фуко ; пер. с фр. С. Ч. Офертаса под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. – Москва, 2002. – Режим доступа: https://gtmarket.ru/library/articles/128 (дата обращения: 15.12.2025).

434. Штауфенберг, Э. Отчет о наблюдении на выборах. Повторное голосование Выборы Президента Российской Федерации 3 июля 1996 года [Электронный ресурс] / Э. Штауфенберг // Democracy.ru. – Режим доступа: https://www.democracy.ru/library/articles/1996_36_russ.html (дата обращения: 15.12.2025).

435. 81 миллион просмотров набрали публикации общественных наблюдателей о выборах [Электронный ресурс] // Форум «Сообщество». – Режим

доступа: https://forum.oprf.ru/news/81-million-prosmotrov-nabrali-publikacii-obshhestvennyh-nabljudatelej-o-vyborah/ (дата обращения: 15.12.2025).